

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

* * *

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»

Э.В. ХУБУЛОВА, А.Т. ДЗЕБИСОВ

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В 1920-1930-Е ГГ.
(на материалах Северной Осетии):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Владикавказ 2017

ББК 86.2

X 98

Хубулова Э.Д., Дзебисов А.Т. Государственно-конфессиональные отношения в 1920-1930-е гг. (на материалах Северной Осетии): Историко-правовой аспект: монография / Э.Д. Хубулова, А.Т. Дзебисов. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН; ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-91480-277-3

Рецензенты:

Т.М. Баликоев – доктор исторических наук, профессор СОГУ им. К.Л. Хетагурова;

Л.А. Труженикова – доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета

В современной ситуации проблема государственно-церковных отношений все чаще привлекает внимание исследователей. Это обусловлено, с одной стороны, снятием жестких запретов на изучение истории церкви и появлением возможности обращения к малодоступным или засекреченным документам, расширением тематики исторических исследований за счет социальной и культурной проблематики, составным элементом которой выступает религия и церковь. Осмысление современного состояния государственно-церковных отношений заставило ученых, а за ними и все общество по-новому взглянуть на проблему. Таким образом, прежняя, довольно противоречивая модель государственно-церковных отношений, разработанная и внедренная советским государством, становится объектом изучения историков, политологов и религиоведов.

В работе на конкретных примерах рассматривается специфика и трансформация государственно-церковных взаимоотношений на территории Северной Осетии в 1920–1930-х гг. Выявлено, что региональные геополитические и историко-культурные особенности определили эволюцию этих взаимоотношений от партнерства до противостояния. Это показано на примере основных событий этого периода: государственной регистрации, обновленческого раскола, закрытия и ликвидации культовых зданий, антирелигиозных практик и др.

ISBN 978-5-91480-277-3

ББК 86.2

© Хубулова Э.В., Дзебисов А.Т., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1.ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920-1930-х гг.	20
1.1. Борьба с религией в первой половине 1920-х гг.	20
1.2. Процесс реализации в регионе законодательных актов советской власти в отношении религии и Церкви в конце 1920-х — 1930-е гг.....	50
1.3. Ограничение религиозной жизни духовенства и верующих в Северной Осетии.....	65
ГЛАВА 2. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В 1920-1930-Е ГОДЫ: ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ	86
2.1. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Северной Осетии.....	86
2.3. Кампания по массовому административному закрытию храмов.....	124
ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА С ПРАВОСЛАВИЕМ В ОСЕТИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ	146
3.1. Репрессивная политика государства по отношению к РПЦ в Северной Осетии.....	146
3.2. Молодежь в системе атеистического воспитания.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200
БИБЛИОГРАФИЯ.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Произошедшие в последние десятилетия судьбоносные преобразования изменили не только социально-экономические и политические основы нашего общества, но и духовные, нравственные ориентиры. Определенную роль в этих процессах играет религия, которая оказывает существенное влияние как на разжигание и обострение конфликтов, так и их мирное решение, выступая в качестве интегрирующей силы. В качестве последней нередко выступает Русская православная церковь (РПЦ), которая ищет и находит оптимальную модель взаимодействия с властью и обществом.

В современной России идут споры вокруг места и роли РПЦ в социальной, культурной и политической жизни, о допустимых пределах включенности Церкви в общественные процессы. Это делает тем более актуальным изучение предшествующего опыта взаимодействия власти, общества и религиозных структур.

В этой связи интерес представляет период 1920-1930-х гг., когда обозначился вектор противостояния советского государства и РПЦ, когда гонения на верующих и священство были особенно жестокими. Долгое время правда об этих событиях замалчивалась, а в советской историографии либо предпочитали не писать, либо освещали с выверенных идеологических позиций, так как религия рассматривалась в качестве пережитка. С изменением отношения к РПЦ, и к религии вообще, на современном этапе данная проблема стала предметом пристального внимания исследователей, в том числе и на региональном уровне.

Актуальность исследования также обусловлена необходимостью введения в научный оборот большого корпуса рассекреченных документов по заявленной теме, ранее не использованных в научных исследованиях и позволяющих объективно осветить проблему.

Научная актуальность проблемы связана и с переосмыслением процессов социалистического переустройства Северной Осетии в 1920-1930-х гг.

Современные методологические вызовы позволяют рассматривать заявленную тему в пространстве актуального направления — социальной микроистории, которая дает возможность включать в сферу исследования аспекты, ранее остававшиеся за пределами научного изучения.

Историографию проблемы можно разделить на советскую (с 1920-х — до середины 1980-х гг.) и постсоветскую (с сер. 1980-х гг. — до наших дней).

Советский период освещения проблемы характеризуется небольшим количеством глубоко научных работ, так как именно в это время осуществлялась массированная антирелигиозная пропаганда, происходила дискредитация духовенства и РПЦ.

Раннесоветский историографический этап (20-30-х гг.) носил агитационно-пропагандистский характер, работы были призваны разоблачать реакционную роль религии и духовенства¹. Научные изыскания советских историков осуществлялись в рамках, определенных в работах В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого и других деятелей партии и государства, которые видели в религии главного врага социализма, указывали на необходимость внедрения в умы новых граждан страны идей научного атеизма.

Так, В. И. Ленин, признавая за каждым гражданином советской России право на свободу совести, вместе с тем подчеркивал, что религия обслуживала идеологические интересы классового государства и являлась одним из видов духовного гнета: «Все угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в функциях... попа. Поп утешает и рисует им (уг-

¹ Николин А. Чье имя они славили (О северокавказских имяславцах). //Антирелигиозник. 1930. № 1; Церковники-сектанты — враги социализма/Ред. С. И. Аверин. Иваново, 1938.

нетенным) перспективы смягчения бедствий при сохранении классового господства, разрушая революционную решимость эксплуатируемых»¹. Для воспитания «новых людей» вождь настоятельно рекомендовал вести не только антирелигиозную пропаганду, но также разоблачать духовенство.

В последующем И. В. Сталин исходил из постулата об усилении классовой борьбы, поэтому он настаивал на использовании кардинальных методов в борьбе с религией. Руководитель государства определил главную цель воинствующего атеизма в период коллективизации: «Дело ликвидации реакционного духовенства нужно довести до конца»², видя в уничтожении духовенства одно из условий успешности переустройства сельского хозяйства.

Удивительное сходство взглядов на место и роль религии обнаруживали и другие видные партийные деятели того времени. Так, в работах П. А. Красикова, А. М. Коллонтай, Н. К. Крупской, И. И. Скворцова-Степанова, А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича проходит идея не просто о реакционности религии и духовенства, но и необходимости самой решительной борьбы с последними³.

В этот период возобладала точка зрения о классовом характере религии и необходимости борьбы с религиозными пережитками в сознании граждан СССР⁴. Все последующие иссле-

¹ Ленин В. И. Крах второго интернационала // Полн. собр. соч.. Т.26. М., 1980. С.25.

² Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП (б) // Соч.. Т. 12. М., 1949. С.305

³ Луначарский А. В. Об атеизме и религии. М., 1972; Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973; Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968.

⁴ Ленин В. И. Социализм и религия. //О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. — 2-е изд., доп. М., 1981; его же. Речь на Первом Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. //Там же; Крупская Н. Музей на фронте классовой борьбы и советского строительства. //Правда, 1930, № 353 (24 декабря); Ярославский Ем. О само-

дователи строили свои работы в рамках данной концепции, ставя цель обличать религию и верующих. Так, известные в 20-е гг. борцы с религией Д. Воеводин и П. Зарин в своих работах освещали успехи антирелигиозной работы среди населения СССР¹.

В этом же ключе развивалась историография вопроса на региональном уровне².

В работах 20-30-х гг. не только разъяснялась политика советской власти в религиозном вопросе, но и давались практические рекомендации в проведении атеистической пропаганды. Таким образом, сложившаяся концепция взаимоотношений власти и церкви была, прежде всего, результатом выполнения конкретного идеологического и политического заказа, а не научным осмыслением проблемы.

критике в СВБ. //Антирелигиозник. 1929 № 12; Красиков П. А. На церковном фронте: 1918-1923. М., 1923; Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? М., 1965, Сталин В. И. Политический отчет ЦК XV Съезду ВКП (б). //Соч. Т. 11; Степанов И. И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М.-Л., 1925.

¹ Воеводин Д. Нужен ли колхознику Бог? М., 1928; Зарин П. Политическая маскировка религиозной организации. М., 1929.

² Алиев У. А. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы). — Ростов-на-Дону, 1926; Алиев У. А. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. — Ростов-на-Дону, 1927; Буркин Н. Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1931; его же. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1933; Янчевский Н. А. От победы к победе. Ростов-на-Дону, 1931; Лихницкий Н. А. Колониальное развитие горских народов. (Терек-коллония). //Труды Кубанского педагогического института. Т. I. Краснодар, 1930 итоги и перспективы. — Ростов-н/Д., 1926; Подготовка кадров — центральная проблема //Революция и горец. 1931. №4; Кундухов М. А. К итогам краевого безбожного съезда. //Революция и горец. 1929. № 7-8; Бугаев К. С. Избранное. Владикавказ, 2003; Горемыкин Г. Наркомпрос Терской республики и Комиссариат просвещения Ингушетии. Орджоникидзе, 1933; Кулов С. Д. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941.

Такая агрессивная антирелигиозная кампания была подвергнута критике со стороны церковных историографов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. И. Ильина, которые видели тесную взаимосвязь коммунизма и религии, православных заповедей и программы большевиков¹.

Характеризуя состояние раннесоветской историографии, следует отметить главную тенденцию исследований — воинственное неприятие любого проявления религии, которая априори считалась оппозиционной советской власти силой. Вместе с тем в работах 20-30-х гг. приведен материал по вопросам численности верующих и количеству религиозных общин на тот период (эти данные в последующих работах стали умалчиваться), отмечены факты репрессий, правда, последние оценивались как справедливая кара за прошлые грехи священства.

Следующий историографический этап отмечен снижением интереса к исследованию истории борьбы советского государства с РПЦ, что связано с «потеплением» в отношениях власти и верующих, начиная с Великой Отечественной войны. Сложилась двусмысленная ситуация в историографии: с одной стороны, нельзя было уже писать о Церкви как антисоветской силе, и это поставило исследователей в методологический тупик, с другой стороны, появились работы из церковной среды², в которых авторы пытались обойти острые углы, забыть прошлые обиды, больший упор делался на приведение фактов мирного сосуществования государства и церкви³. Заметим, что в результате подобной двойственно-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997; Ильин В. Н. Религия революции и гибель культуры. Paris: Умка-Press, 1987.

² Например: Патриарх Сергей и его духовное наследие. М., 1947.

³ Персиц И. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М., 1958; Шахнович М. И. В. И. Ленин и проблемы атеизма. М.-Л., 1961; Крывелев И. А. Маркс и Энгельс о религии. —

сти, в исторической науке обозначился некий историографический вакуум.

Новый виток в антирелигиозной политике конца 1950-х гг., выразившийся в напряжении в отношениях власти и РПЦ, привел к усилению антирелигиозной пропаганды, что вызвало снова интерес к церковной тематике¹. Изменившиеся идеологические потребности потребовали большей научности и разносторонности. В проблему изучения религии включились философы, историки, юристы, педагоги. Например, М. М. Персиц, В. А. Куроедов, В. И. Клочков исследовали нормативно-правовую базу антирелигиозных кампаний; Р. Ю. Плаксин, А. А. Шишкин анализировали внутрицерковную жизнь 1920-1930-х гг.², Ю. А. Чуковенко, Г. М. Лившиц, А. И. Барменков³ в своих работах описывали успехи советской власти в проведении антирелигиозной пропаганды.

Однако и для этого периода характерно сохранение одностороннего идеологического подхода при рассмотрении проблем государственно-церковных отношений⁴.

В региональной историографии церковная история 20-30-х гг. не стала предметом самостоятельного изучения. Вместе с тем

М., 1964; Давидовская И. Г. Развитие теории и практики пролетарского атеизма в СССР (1917-1930). Дисс... канд. ист. наук. М., 1958.

¹ Платонов Н. Ф. Православная церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 5. М.-Л., 1961; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984; Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987; Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969; Клочков В. В. Религия, государство, право. М., 1978.

² Плаксин Р. Ю. Шишкин А. А. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987;

³ Чуковенко Ю. А. Советская антирелигиозная печать 1937-1941 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 5. М.-Л., 1961; Лившиц Г. М. Религия и церковь в прошлом и настоящем. Минск, 1961; Гордиенко Н. С. Современное православие и его идеология. Л., 1963; Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979.

⁴ Персиц И. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М., 1958.

в работах, посвященных успехам и трудностям культурного строительства в Северной Осетии за годы советской власти, на примерах преодоления пережитков прошлого рассматривается процесс изживания религиозных предрассудков¹, но без учета региональной специфики этого процесса.

В этом же русле написаны пропагандистские статьи Х. Л. Габакова, С. Т. Меликова, А. В. Исаенко, в которых излагаются успехи атеистической работы в Северной Осетии².

Особенность исследований этого этапа заключалась в том, что ученые обходили молчанием многочисленные репрессии против верующих и сосредоточились на атеистическом воспитании граждан страны.

Таким образом, в советской историографии по государственно-конфессиональным отношениям 1920-1930-х гг. отчетливо прослеживается идеологически заданный вектор и неизменная методологическая база исследования. Все это создавало большие ограничения для написания объективных исследований, кроме того, источниковая база также была существенно сужена, и многие документы по истории РПЦ долгое время не были доступны для ученых.

Второй историографический период, начавшийся с сере-

¹ Рехвиашвили И. И. Культурное строительство в Горской республике (1920-1924 гг.). // Ученые записки СОГПИ. Т. XXIII. — Орджоникидзе, 1967; Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; Народное образование в Северной Осетии: 40 лет. Орджоникидзе, 1957; Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1983; Шотаев Н. Ф. Горская организация РКП (б) в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства на основе нэпа. Орджоникидзе, 1974.

² Например: Габаков Х. Л. Из опыта атеистического воспитания. Орджоникидзе, 1986; Меликов С. Т. Из опыта атеистической работы автономных республик Северного Кавказа (1917-1941 гг.). // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1987, №2; Исаенко А. В. Найти ключ к душе верующего. Атеизм — неотложная проблема. // Социалистическая Осетия, 1984, 10 окт.

дины 1980-х гг., характеризуется разноплановостью исследований. Последовал «археографический взрыв», позволивший ученым привлекать большой корпус ранее секретных материалов. Достоянием научной общественности становятся документы, ранее закрытые для пользователей¹.

Современное состояние историографии взаимодействия Церкви и государства характеризуется использованием новых методологических подходов, позволяющих анализировать накопившиеся научные вопросы объективно и беспристрастно. Исследования М. И. Одинцова, О. Ю. Васильевой, М. В. Шкаровского и др. сделали возможным пересмотр истории государственно-церковных отношений 1920-1930-х гг., авторы осмысливают трагический опыт РПЦ в советском государстве. Особо следует отметить работу Шкаровского М. В., в одной из глав которой дается систематическое представление об истории РПЦ от установления советской власти до начала Великой Отечественной войны. Автор исследует материалы и приводит убедительные свидетельства жесточайших гонениях против верующих².

Церковная история 1920-1930-х гг. привлекла внимание зарубежных исследователей, которые критически оценивают антирелигиозную политику советского государства³.

¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1945/Сост. М. Е. Губонин. М., 1994; Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. М.-Новосибирск, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2; ВЧК/ГПУ: документы и материалы./Составитель Ю. Г. Фельштинский. М., 1995; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006; Русская православная Церковь и Февральская революция 1917 года. Документы. //Вопросы истории, 2004, № 3-5.

² Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010.

³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории церковной смуты. Т. 1-3. М., 1996; Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917-1945. Paris, 1977. и др.

Проблемы взаимоотношений государства и Церкви стали предметом рассмотрения в работах церковных историков¹, которые также неоднозначно оценивают результаты насаждения атеизма в стране.

Особенностью современного этапа историографии является рост интереса к региональной специфике государственно-церковных отношений. Историографический анализ показал, что государственно-церковные отношения в Северной Осетии в начале 1920-х годов изучены слабо, а период второй половины 1920-х — 1930-х гг. практически не исследован². В

¹ Кураев А., диакон. Православие и право: церковь в советском государстве. М., 1997; Цыпин В. История Русской Церкви: 1917-1997. М., 1994. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн.1. Тверь, 1992; Кн.2. Тверь, 1996: игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста, 2006; Орловский Д., игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации //2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001; его же. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации //Региональный общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Выпуск 1. Новомученики XX в. М., 2004;

² Дзахова Л.Х. Горская республика в восстановительный период: экономика и социальная политика. Владикавказ, 2003; Баликоев Т.М., Хубулова С.А. Социально-политическая напряженность в национальных районах Северного Кавказа в конце 20-х годов. //Вестник СОГУ, 1999, №1; Беликова Н.Ю. Развитие обновленческого движения в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2004, №3; Горобец А. История обновленческого раскола среди духовенства Владикавказской и Моздокской епархии.//Православная Осетия, 2011, 3 марта; Пантюхин А.М. Обновленческое движение Русской православной церкви в Северо-Кавказском крае во второй половине 1920-х годов. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, №5. Ч. 2; его же. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917-1929 гг. // Известия Алтайского государственного университета. История. Журнал теоретических и при-

большинстве своем указанные работы ограничиваются пределами Кубано-Черноморского, Ставропольского краев, а церковная история на материалах Северной Осетии изучена хуже. Опубликовано пока несколько работ, лишь отчасти затрагивающих проблематику данного диссертационного исследования¹.

На материалах местных архивов за последние годы написано значительное число диссертаций². Источники характеризуют содержание и результаты антирелигиозной работы. Нами найден очень ценный, но малочисленный корпус документов, отражающих работу советских органов с каноническими общинами, обновленческим церковным расколом.

Общим выводом для постсоветской историографии стала

кладных исследований. 2010, № 4-2 (68); Хубулова С. А. Весь мир — мой храм. Владикавказ, 2005.

¹ Например: Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтничного города (г. Владикавказ в XIX–нач. XXI в.). Владикавказ, 2006; Хубулова С. А., Гапеева М. С. «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. — Владикавказ, 2006; Малиев Н. Д., Хубулова С. А., Камболова И. Т. Добровольные общества Северной Осетии в 1920-1930-х гг. Владикавказ, 2010.

² Например: Беликова Н. Ю. Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20-30-е гг. XX в.: На материалах Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области: дисс.... канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. — Армавир, 2002; Горобец А. А. История Русской православной церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.): дисс....канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. Владикавказ, 2004; Хубулова Э. В. Формирование молодого поколения Северной Осетии в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг.: исторический опыт: дисс....канд. ист. наук, 07.00.02 — отечественная история. — Владикавказ, 2005; Гиоева И. А. Русская православная церковь в истории Северной Осетии (XX — нач. XXI в.): дисс....канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. — Владикавказ, 2005; Сосранова З. В. Социокультурные преобразования в осетинском селе в 1920-е гг.: дисс....канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. Владикавказ, 2010.

характеристика 1920-1930-х гг. как особо трагического периода государственно-конфессиональных отношений, периода в репрессивной политике.

Таким образом, историографический анализ показывает, что, несмотря на складывающуюся историографию проблемы, период 1920-1930-х гг. еще не стал предметом специального изучения на региональном уровне и нуждается в исследовании.

Цель работы — исследовать специфику государственной политики в отношении православной религии и религиозных организаций Северной Осетии в период трансформационных процессов 1920-1930-х гг. В эти годы происходила социалистическая модернизация, затронувшая не только сферы экономики, политики, идеологии, но и духовно-нравственную, социокультурную жизнь населения.

Нижняя граница исследования связана с тем, что основные законодательные акты, направленные на борьбу с религией, на территории Северной Осетии стали претворяться после окончательного установления советской власти в регионе в 1920 г.

Верхняя граница — конец 1930-х гг. — является временем принципиальных изменений в государственно-конфессиональных отношениях, когда деятельность Православной Церкви в СОАССР была сведена к минимуму, государство подавило открытую религиозность населения в результате многочисленных чисток и террора 1937-1939 гг.

Таким образом, 1920-1930-е гг. в государственно-конфессиональных отношениях являются самостоятельным этапом в антирелигиозной борьбе.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы.

Комплекс архивных документов относится к трем архивам: Центральный государственный архив РСО-Алания (ЦГА РСО-А), Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А) и Научный архив Северо-Осетинского ин-

ститута гуманитарных и социальных исследований ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания (НА СОИГСИ).

Источники, сосредоточенные в ГАНИ РСО-А, представляют собой документацию как центральных, так и местных партийных органов — комитетов партии различных уровней: союзных, краевых, областных, окружных, районных (Ф. 2 — Владикавказский окружной ВКП (б); Ф. 1848 — Северо-Осетинский обком партии; Ф. 204-Горский областной комитет ВКП (б)). В архивных материалах этих фондов отразилась динамика антирелигиозной борьбы, которая во многом определялась проводимыми социально-экономическими реформами, а также установкой на усиление классовой борьбы. Во многих документах отражена местная специфика проведения атеистической работы на местах. В фондах отложился большой пласт распорядительных документов о закрытии храмов и запрете колокольного звона, договоры с церковными организациями. Большой информативностью обладает Ф. 22 — Северо-Осетинский обком ВЛКСМ, — где сосредоточены материалы о деятельности Союза воинствующих безбожников, планы проведения антирелигиозных праздников, организации детского безбожного движения и проч.

Комплекс архивных источников, включающих обследования, информационные сводки и обзоры настроений разных групп местного населения по поводу репрессий, отложился в фондах ЦГА РСО-А (ф. 51 — Притеречный окружком советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. 53 — Алагиро-Ардонский окружком; Ф. 41 — Горский ЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Наряду с информацией, представленной разного рода отчетами, в фондах отложились заявления, ходатайства, жалобы по вопросам культа.

Впервые извлеченные из ранее закрытых фондов документы содержат откровенную информацию о методах ликвидации приходов, использовании репрессивного законодательства

для разрушения церковных институтов; о церковных расколах 1920-х гг., и что особенно важно, деятельности тихоновцев и обновленцев. Здесь же отложились директивные документы центральных органов власти, которые позволяют определить общие и специфические методы антирелигиозной пропаганды на местах. Привлечение данного массива в научный оборот позволило воссоздать текущую деятельность местных органов власти, а также настроения в среде верующего населения.

Были использованы материалы, извлеченные из ф. 56 — Орджоникидзевский исполком депутатов трудящихся, в которых освещаются меры местных властных органов по организации и подготовке кадров антирелигиозных работников. В фонде отложились протоколы по деятельности областного СВБ, материалы о закрытии храмов, организации антирелигиозных музеев и клубов в помещениях церквей. Особый интерес представляют материалы кампании по изъятию церковных ценностей.

Вторая группа документов представлена опубликованными источниками¹. Сборники документов включают законо-

¹ Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957-1983. Т. I-XI; Законодательство о религиозных культах: (Сб. Материалов и документов). М.: Юридическая литература, 1971; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1,2,3. М.: Госполитиздат, 1953-1970; О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат, 1981; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942; Архивы Кремля: Политбюро и церковь: В 2 кн. М.; Новосибирск, 1997; Акты святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917-1943. М., 1994; Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917-1918 гг. М., 1994; Русская Православная Церковь (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/Сост. Г. Штреккер. Кн.1. М., 1995; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: Документы и фотоматериалы. Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 1996; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стра-

дательные и другие нормативные акты, решения партийных съездов и конференций, декреты, инструкции и циркуляры. Кроме того в них приведены сводки о ходе различных антирелигиозных кампаний.

В третью группу источников включены материалы статистики¹, которые позволили провести подсчет закрытых храмов, репрессированных священников, а в ряде случаев установить степень религиозности населения Северной Осетии.

Следующая группа источников — периодическая печать 20-30-х гг. XX века («Горская правда», «Власть труда», «Молодой коммунист», «Революция и горец», «Юный пролетарий», «Антирелигиозник» и проч.), которая являлась в этот период одним из главных средств массовой пропаганды. В местной печати содержится много интересного фактического материала, позволяющего проследить быстро меняющуюся ситуацию на антирелигиозном фронте, судить о формах и методах проведения атеистической пропаганды в условиях Северной Осетии. Например, в местных газетах публиковались еженедельные сводки, широко освещающие кампанию по изъятию церковных ценностей. Вместе с тем нужно учитывать, что сведения в открытой печати находились нередко в противоре-

не (1922-1934 годы)/Институт российской истории РАН и др.; Под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2001; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000-2005; Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1977. Т.1; Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. 1917-1920 гг. Сб. док-тов и материалов. — Орджоникидзе, 1972; Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг. Сб. док-тов и материалов. — Орджоникидзе, 1965; История Владикавказа. Сборник док-тов и материалов. — Владикавказ, 1990; Царикаев А. Т. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии (1920-1930-е гг.). Сборник док-тов и материалов. Владикавказ, 2009.

¹ Всесоюзная перепись 1926 года. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991; Краткий статистический справочник СОАО. Владикавказ, 1927.

чи с негласной политикой властей, отраженной в секретных документах для внутреннего пользования партийно-государственных органов, и представляют собой компонент агитационной кампании против РПЦ.

Последнюю группу источников составили редкие для указанного периода эго-документы/источники личного происхождения: дневник прихожанки Вознесенской церкви г. Владикавказ Ф. Гречко, а также автобиографии современников описываемых событий.

Существующий корпус документов и материалов позволил осуществить полноценное научное исследование и сделать обоснованные выводы.

ГЛАВА 1.
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ЕГО
РЕАЛИЗАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
В 1920-1930-х гг.

1.1. Борьба с религией в первой половине 1920-х гг.

Февральские события 1917 года круто изменили политическую обстановку в стране, вывели ее на путь широких демократических реформ. Между периодом безраздельного господства РПЦ и почти столь же массовым атеизмом был непродолжительный переходный период плюрализма (февраль — октябрь 1917 г.), выразившегося в запоздалых попытках реформирования православия.

Буржуазное Временное правительство опубликовало одним из первых «Обращение к гражданам» (7 марта 1917 года), извещавшее россиян об отмене сословных, вероисповедных и национальных ограничений, которые тормозили развитие демократических устоев общества. Правительство четко определило генеральную линию поведения в отношении религии постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», утверждавшим ликвидацию конфессионального и этнического цензов¹.

Учитывая, что значительная часть российского населения является верующей, Временное правительство постаралось включать священство в наиболее важные мероприятия, например, участие священнослужителей в церемонии принятия присяги². Этой же позиции придерживались на местах. Так,

¹ Бабкин М. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной Церкви. М.: Издательство «Индрик» 2006. С. 216.

² Бабкин М. А. Святейший Синод и свержение монархии в 1917 г. // Вопросы истории, 2005, №2. С. 103.

собрание духовенства Владикавказа постановило: «...Поддерживать Временное правительство; не обращать церковную кафедру в арену политической деятельности и не предрешать форму будущего строя. Духовенство считает своим нравственным долгом морально воздействовать на паству с объяснениями, что перемена политического устройства произведена только для одного блага народного, что само по себе христианство не связано с определенным политическим строем»¹.

Церковь неминуемо должна была откликнуться на изменения в политических сферах, чтобы сохранить за собой провозглашенные принципы взаимодействия с государственной властью. 6 марта 1917 года Синод обратился с Посланием, в котором объявил новую власть богоданной и призывал к ее поддержке. Поэтому естественными были определенные новации, которые коснулись отправления богослужения².

Владикавказская Духовная консистория, как и многие другие, получила указ от Святейшего Синода об изменениях в церковном богослужении: «В связи с прекращением поминовения царственного дома...в конце молебнов говорить: «Благословенное и мирное житие, здравие Богохранимой Державе Российской, Благоверному Временному правительству...»³. Местное духовенство не осталось в стороне от хора верноподданнических заверений новому правительству: «В принципе отрицая анархию, выражаем полное доверие Временному правительству и употребим все усилия к проведению в жизнь его предписаний»⁴.

Проходивший в апреле 1917 г. Владикавказский епархиальный съезд вынес резолюцию: «Съезд духовенства и выборные представители от прихожан всей Владикавказской епархии рад уже наступившей свободной эре дорогой ро-

¹ ВЕВ, 1917, №6. С. 187-188.

² Бабкин М. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году... С. 219.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 431. Л. 41.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 341. Л. 6.

дины, приветствует...Временное правительство, выражает твердую надежду, что оно, облеченное доверием народа, доведет борьбу с внешним врагом до победного конца и укрепит свободную отныне жизнь всех народов России на общее благо отечества»¹.

Толерантное отношение церкви к новой власти проявилось также в участии ее членов в финансовой программе Временного правительства «Заем Свободы 1917 года»: «Поступим же, как повелевает нам долг граждан свободной великой России: одолжим на время нашей родине свои сбережения, свою трудовую копейку, принесем эту небольшую жертву, поможем отечеству в трудное время, чтобы земля и воля, к которой стремится каждый крестьянин, была действительно получена им, чтобы жила и крепла Россия...Да поможет нам Бог»².

Позиция РПЦ по вопросу отношений с государством была изложена в принятом Предсоборным советом постановлении «О правовом положении православной церкви в России»³. В документе подтверждалась исключительная роль РПЦ, *«первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение (выделено — Авт.)»*, указывалось, что ее постановления не оспариваются властью, т.к. не вступают в противоречие с последней.

Была предпринята попытка возрождения патриаршества (1917-1918 гг.). Высшим Церковным управлением рассылались по епархиям послания с извещением о восстановлении в России патриаршества⁴. Патриархом Русской православной церкви стал Тихон (в миру Белавин). Временное правительство подтвердило неизменность религиозных устоев страны.

¹ Цит. по: Бабкин М. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году...С. 210.

² Русская православная церковь...//Вопросы истории, 2004, №3. С. 25.

³ Ключков В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982. С. 132.

⁴ Бабкин М. Указ.соч. С. 157.

Однако с победой пролетарской революции изменилось отношение к проводимым реформам.

Начатая февральской революцией секуляризация религиозного пространства была продолжена большевиками после октябрьской революции более жесткими и радикальными методами, что изменило существовавший веками непререкаемый авторитет Русской православной церкви.

Особой сферой правовой истории России в транзитивный период 1920-1930-х является религиозная политика. Большевики вступили в непримиримую борьбу с многовековой православной традицией, расчищая место в сознании советских граждан для утверждения совершенно новых духовных ориентиров¹. В идеологии строителя светлого коммунистического будущего не было места для сомнений и сосуществования иных, кроме большевистских, жизненных постулатов. Советская власть ставила цель создать не просто светское, а атеистически-идеократическое государство, подчинить весь государственный аппарат и общественные институты задачам осуществления коммунистических идей².

На этом поприще большевики столкнулись с трудной задачей: слом старого государственного аппарата произошел достаточно легко, экономика также перестраивалась на социалистические рельсы, гораздо сложнее пришлось с перестройкой духовной сферы и связанных с ней институтов. Проблема заключалась и в том, что казна церковных организаций пополнялась не за счет государства, но верующих, а также путем накопления Русской православной церковью имущества³.

Государство обозначило свою позицию к институту религии в «Декларации прав народов России (2.11.1917 г.), заявив

¹ Цыпин В. История русской церкви... С. 108.

² Бабкин М. Указ.соч. С. 164.

³ Романовская В.Б. Свобода совести в Советской России и репрессии против Русской Православной Церкви в 20-е годы. М., 2001. С.12.

об отмене всех религиозных привилегий и ограничений; вытеснении церкви из общественно-политической жизни.

Экономический фундамент церкви был существенного расшатан рядом законодательных документов раннесоветского периода: реквизицией свечных заводов, мастерских, издательств и т.п.; запрещением производственной и промысловой деятельности; Декретом СНК от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах», по которому распоряжение кладбищами и моргами передавалось местным советам.

Уже в самом начале своего пребывания у власти большевики отказались от освящения церковью событий государственной и общественной жизни. Затем началось юридическое оформление этого отделения.

Так, первые советские законы, касавшиеся собственности религиозных организаций, ликвидировали их права. Например, в Декрете о земле утверждалось, что «помещичьи имения, равно как и все земли, удельные, монастырские, церковные (выделено — Авт.), со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания»¹.

Противостояние церкви и советской власти заметно усилилось после принятия в декабре 1917 г. — январе 1918 г. СНК РСФСР ряда декретов, в той или иной степени непосредственно затрагивающих интересы церкви². 4 декабря 1917 г. был опубликован Декрет о национализации церковных и монастырских земель, в котором конкретизировались положения Декрета «О земле». Все недвижимое имущество церковей и монастырей объявлялось общенародной собственностью, которое поступало в ведение местных земельных комитетов.

¹ Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 13.

² Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 2010. С. 17.

Следовательно, этот Декрет продолжил секуляризацию церковного земельного имущества.

20 января 1918 г. был опубликован приказ Государственного комиссариата призрения «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов», который отменял все преимущества религиозных общин в социальном обеспечении их служащих, а «безработному причту, выразившему желание работать на благо народа, может быть предоставлена работа по Комиссариату государственного призрения»¹.

На повестку встал вопрос о многочисленных учебных заведениях, которые находились в ведении РПЦ. Православное священство в прежние времена уделяло большое внимание школьному делу, содержа многочисленные церковноприходские и духовные учебные заведения. В новой обстановке остро встал вопрос об их судьбе.

Власть декларировала в законе от 20 июля 1917 года передачу всех школ, содержащихся на государственные средства, в том числе церковных начальных школ, Ведомству православного вероисповедания². Наиболее радикальные члены правительства ставили вопрос об упразднении преподавания Закона Божьего в школах³. Это положение было встречено с неудовольствием как священнослужителями, так и прихожанами.

Так, Владикавказский Союз законоучителей просил поставить на обсуждение всех приходских советов и станичных сходов вопрос о необходимости сохранить в школах обязательное преподавание Закона Божьего.

Советская власть решила многочисленные споры о реформе образования радикально. В Постановлении Наркомпроса «О передаче дела воспитания и образования из духовного

¹ Известия Рабочего и Крестьянского Правительства, 1918, 20 янв.

² Ключков В. Закон и религия... С. 118.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 434. Л. 2.

ведомства в ведение Комиссариата по Народному просвещению» (от 11 декабря 1917 г.) указывалось, что все учебные заведения выведены из подчинения духовного ведомства и переданы Наркомпросу¹. В ведение последнего передавались все учебные церковные заведения со штатами, движимым и недвижимым имуществом, с библиотеками, ценностями, капиталами, и со всем тем, что предназначалось для вышеозначенных школ и учреждений².

В связи с переходом всех учебных заведений в ведение Наркомата просвещения остро встал вопрос и о духовных учебных заведениях г. Владикавказа и Осетии. Местные органы решили: «1. Передать дело воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата народного просвещения. 2. Передаче подлежат все церковноприходские школы, духовное и епархиальное училища во Владикавказе со штатами, ассигнованиями, движимым и недвижимым имуществом, принадлежащим школам...»³.

Местное духовенство выразило недоумение по поводу передачи духовно-учебных заведений в ведение Наркомпроса: «Епархиальный совет искренне полагает, что во всем этом деле кроется какое-то недоразумение. Хозяином имущества духовного и епархиального училища является не весь народ, а часть

¹ Федирко О. П. Государственно-конфессиональные отношения в сфере религиозного образования в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России. // Вестник Томского государственного университета, 2010, №3. С. 47

² См.: Ключков В. В. Указ. соч. С. 140. Постановление Комиссариата по народному просвещению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по Народному Просвещению». // Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 9. С. 131; Постановление Комиссариата по народному просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению, 11 (24) декабря/Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1959. С. 210-212

³ Цит. по: Хубулова Э. В. Указ. соч. С. 125

его — общество православноверующих. Ни на построение здания епархиального женского училища, ни на оборудование его, ни на содержание педагогического коллектива не расходовалось ни одной копейки общенародных денег, а все средства поступали от общества православноверующих и духовенства. Посему собрание полагает, что СНК Терской области имущества духовного и епархиального училищ не считал частной собственностью, каковой в действительности они являются»¹.

Власть тут же отреагировала надлежащим образом: «Ссылка на то, что хозяином церковного имущества является не правление, а епархиальный съезд не может быть принята Советом народных комиссаров в соображение, так как распоряжения верховной народной власти Терской области являются, безусловно, для всех лиц и учреждений обязательны»².

Считая себя вправе распоряжаться учебными заведениями бывшего духовного ведомства, Наркомат просвещения Терской области реформировал, например, во второй половине 1918 года Ардонскую духовную семинарию в осетинскую общую гимназию. Декретом Терского Совнаркома от 29 июня 1918 года Владикавказское духовное училище также было передано в ведение Комиссариата Народного Совета³. Совершенно бесперспективными в этой ситуации оказывались резолюции съездов верующих о сохранении Закона Божьего в учебных программах⁴.

Светскость школы и ее независимость от церкви в понимании большевиков означала не только светскость образования. Она предполагала запрет на преподавание религиозных канонов в школе, а также воспитание воинствующего безбожия. Это воспитание имело своей целью подготовить поколения атеистов, которые готовы вступить в идеологические

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф.143. Оп.2. Д.372. Л. 364.

² История Владикавказа. Сб. док-тов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 365

³ Там же.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 372. Л. 33

споры с верующими, людьми, по их мнению, невежественными и консервативными; новые генерации, воспитанные в духе коммунистической морали, о вере в Бога думали как о чем-то постыдном. Нравственная сторона веры отбрасывалась как нечто отжившее.

Был нанесен удар и по местным храмам: «В согласии с декретом СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школ от церкви, предлагается всем казначействам Терской области с 1 июня прекратить выдачу содержания лицам духовного ведомства и отпуск средств на содержание учебных заведений этого ведомства. Все кредиты по смете Синода и других ведомств на эти надобности закрыты, и остатки этих кредитов записаны на приход в общегосударственную сумму Терского Областного Совета Народных Комиссаров»¹. В феврале 1921 г. распоряжением ЦИК Горской республики был распущен епархиальный совет.

Дальнейшим шагом к урезанию социального пространства РПЦ стал Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г., по которому церковный брак признавался незаконным, и вводился гражданский — единственная форма брака для всех граждан России независимо от вероисповедания². Церковные браки, заключенные ранее, сохраняли законную силу, и они не нуждались в переоформлении³, подтверждалось, что браки, заключенные после обнародования Декрета, и совершенные по религиозным обрядам, не являются законными, если они не зарегистрированы затем в отделах ЗАГС.

Внесены существенные изменения и в сам традиционный процесс оформления брака⁴. Так, нижняя граница брачного

¹ Терский казак, 1918, 4 июня.

² Ключков В. Закон и религия... С. 128.

³ СУ РСФСР, 1917, №11. Ст. 160.

⁴ Ключков В. Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1982. С. 90.

возраста невесты определен не ниже 16 лет, 18 лет — для мужчин. Брачующиеся могли не спрашивать согласия родителей на заключение брака, препятствием служили лишь душевные заболевания, близкое кровное родство жениха и невесты, а также наличие нерасторгнутого брака¹.

12 мая 1918 года Терский Народный Совет обнаружил Декрет, устранявший приоритет церковного брака перед гражданским². Всем местным храмам было разослано обязательное постановление: «Объявить духовенству епархии, чтобы оно при брачном обыске в числе других сведений *обязательно* (выделено — Авт.) требовало предоставления сведений о том, что их брак записан в надлежащем гражданском учреждении»³.

Был подтвержден приказ Терского Облревкома о создании ЗАГСов: «1. Всю регистрацию рождений, браков, разводов, смертей сосредоточить в подотделе актов гражданского состояния; всем духовным и административным учреждениям, местам и лицам, на обязанности коих лежало производство упомянутой регистрации и связанных с нею дел, таковую с сего числа прекратить и регистрационные книги передать в ведение подотдела; духовным лицам всех религиозных культов не производить религиозные обряды: крещение, обрезание, венчание, развод под страхом законной ответственности, впредь до предоставления заинтересованными лицами документа, удостоверяющего соответствующую регистрацию в подотдел, ибо, хотя существование у лиц различных вероучений обряды не возбраняются, но не являются обязательными...»⁴.

Соблюдение этих норм было неукоснительным, местные власти периодически требовали от религиозных общин «сведений о количестве зарегистрированных духовным ведомством браков, рождений и смерти со времени издания народ-

¹ СУ РСФСР, 1918, № 76. Ст. 818.

² См. например: Хубулова С. А., Царикаева З. Е. «Женская история» народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2004.

³ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д.4 (ч.1.). Л. 2.

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 137. Л. 35.

ной властью декрета о гражданском браке, рождениях и смерти»¹. В 1923 г. органами НКВД на неопределенный срок были извлечены все книги регистрации церковных таинств².

Еще одним шагом на пути слома традиционного семейного уклада стало уравнивание в гражданских правах мужчин и женщин. «В целях окончательного раскрепощения женщин Востока и скорейшего приобщения их к культурной жизни, указывалось в постановлении Гор ЦИКа, — правительство ГАССР, основываясь на декретах и постановлениях, как центральной власти РСФСР, так и правительства Горской Республики, устанавливающих с незыблемостью принцип полного равноправия женщин и мужчин, постановляет: 1. Как в области публично-правовых, так и в области частных гражданских правоотношений мужчины и женщины вообще, горянки и горцы, в частности, пользуются полным равноправием; 2. Каждая горянка может добиваться защиты своих личных и гражданских прав перед административными и судебными органами, опираясь на общие и специальные законы РСФСР, проводящие неуклонно принцип равноправия полов...»³.

Женщины, поддерживаемые властью, стали активно заявлять о своих правах. Так, уже не замалчивались такие пережитки как калым, умыкание, не осуждавшееся традиционными религиозными нормами. Женская общественность встала на защиту чести похищенной девушки, требуя вмешательства не шариатского суда, решавшего дело в пользу мужчины, а советского, способного «восстановить социалистическую законность»⁴. По советским законам женщина имела право самостоятельно решать судьбу: вступать в брак, разводиться. О легкости получения разрешения на заключение брака или его

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп.2. Д.372. Л.35

² ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 4. Л. 16

³ Культурное строительство в Северной Осетии. 1917-1941 гг. Сб. документов и материалов. — Орджоникидзе, 1978. Т. 1. — С. 238

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 137. Л. 13

расторжение можно судить по высказыванию одного священнослужителя: «...Вмешиваются (большевики — Авт.) в церковные дела. Теперь закон о браке и разводе вошел в практику, ежедневно масса народа находится в штабе и все просят развода и получают его»¹. Это приводило к свободе разводов, следовательно, разрушались традиционные семейные нормы. Так, только в апреле 1923 г. в г. Владикавказе было положительно решено 53 дела о разводе².

В комсомольской среде распространялись новые традиции. Газеты тех лет красочно описывали немногие факты внедрения новых обрядов: регистрация брака в ЗАГСе, без калыма и дорогих подарков³.

Еще одним успешным законодательным решением было также уравнивание в правах законных и незаконнорожденных детей (чего не было в царской России). Кроме того, было возможно установление отцовства в судебном порядке⁴.

Уникальным для того времени законом стал Декрет «О расторжении брака». Бракоразводные дела также были выведены из компетенции судов духовных консисторий, и переданы в местные окружные суды. Сторонам же давалось право, «не выжидая прекращения прежнего дела, заявить новую просьбу о расторжении брака по настоящему декрету, причем относительно отсутствующих новая публикация (пп. 4 и 5) не обязательна, если таковая была уже произведена в прежнем порядке»⁵. Бракоразводные дела, возбужденные по заявлению одного из супругов, были в компетенции местных судов. О выплате средств на содержание детей, а также об алиментах бывшей жене решались по соглашению между супругами. Так один за другим падали бастионы РПЦ.

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Д. 440. Л. Л. 115-115об

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 160. Оп.1. Д. 83. Л. 6

³ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт./Культура и быт народов Северного Кавказа. — М., 1967. — С. 203

⁴ Клочков В. Закон и религия...С. 136

⁵ Декреты Советской власти...С. 194

Документом, окончательно развеявшим иллюзии относительно намерений новой власти, стал Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г.¹.

Юридический статус церкви по Декрету был весьма ограничен вплоть до запрещения владеть собственностью. Власть решительно отмежевалась от постепенного реформирования, а немедленно перешла к прекращению государственных ассигнований в пользу церкви. Отныне религиозные общества могли получить необходимые для богослужения здания и предметы на условиях бесплатного пользования и с разрешения местных властей, а эта процедура подлежала налогообложению².

Для покрытия налогов церковь не могла прибегать к взысканию сборов, т.к. по закону этого права религиозные общины были лишены. В Декрете оговаривалось, что свобода религиозных обрядов возможна, если они не нарушают общественного порядка, последнее расширительно толковалось местными светскими властями, которые под нарушение общественного порядка могли подвести любое отправление церковных обрядов. Провозглашение свободы совести являлось чисто декларативной, т.к. церковь рассматривалась как классовый враг, подлежащий уничтожению.

Уже в данном законодательном акте много противоречий, что, впрочем, было характерно для всей религиозной политики советского государства³. Так, в параграфе 3-м заявлялось, что религия является личным делом гражданина. Однако ниже указывалось, что религиозные общины не являются юридическим лицом и не имеют права владеть собственностью. В долгосрочное пользование им передавались помещения и культовые предметы. Потеря статуса юридического лица для церкви

¹ Там же.

² Ключков В. Закон и религия... С. 138.

³ Следственное дело патриарха Тихона... С. 139.

имела следствием затруднение отправлять религиозные службы, а для верующих — удовлетворять духовные потребности.

Прежние Декреты о школьном деле были еще более ужесточены. Школа отделена от церкви, стала светской и в учебных программах не предусмотрено преподавание религиозных вероучений. Граждане могли обучаться религиозным вероучениям лишь частным образом. Весьма остро переживали церковь и верующее население отмену религиозного воспитания в школе — фактическое лишение церкви возможности влиять на формирование юных поколений. Новое общество предлагалось строить по новым законам, как в экономике, так и в сфере просвещения и идеологии.

Закон об отделении школы от церкви предполагал, что в учебных программах получают распространение коммунистические взгляды, там нет места для Закона Божьего. Терским СНК был опубликован Декрет, в котором особо отмечалось: «В связи с проведением в жизнь начал отделения церкви от государства и школы от церкви, преподавание Закона Божия всех вероисповеданий в школах всех ступеней с началом учебного года упразднить. Опубликовывая настоящий приказ, комиссариат нисколько не посягает на свободу совести и веры граждан Терской области. Отныне государственная власть совершенно не вмешивается в религиозные дела и предоставляет область веры полному усмотрению каждого гражданина»¹.

В соответствии с нормами советского права отделение школы от церкви означало, что религиозные знания граждане не могли получать только в специальных духовных учебных заведениях; население могло приобщаться к религиозным знаниям только частным образом, в индивидуальном порядке и «никаких отступлений от этого Декрета быть не может»². Эти и другие положения были закреплены в Конституции РСФСР

¹ Терский казак, 1918, 4 июня; Хубулова Э. В. Указ. соч. С. 129.

² ЦГА РСФСР-А. Ф.143. Оп.2. Д.372. Л.10.

1918 г. Таким образом, признавался лишь один метод — анти-религиозная пропаганда.

Большинство родительских организаций выступило против Декрета об отделении школы от церкви. Центральный комитет Всероссийского союза родительских организаций вынес резолюцию о том, что запрещение преподавания религии в школе является «явным нарушением принципа автономии русской школы...и отрицанием истинной свободы совести», дающей родителям право выбора: учить детей Закону Божьему или нет¹. Проведение Декрета об отделении школы от церкви уже в самый начальный период приняло формы, оскорбляющие зачастую религиозные чувства верующих.

Существовавшие законы устанавливали, что религиозные убеждения не являются причиной уклонения от исполнения от своих гражданских обязанностей. Однако этими же законами предусматривалась замена некоторых обязанностей по решению народного суда. Так, в это время формировалась политика по вопросу о воинской обязанности верующих, была даже предусмотрена возможность замены военной службы².

Если в Декрете «Об отделении церкви от государства...» допускалась возможность уклонения от исполнения гражданских обязанностей, ссылаясь на свои религиозные чувства, то Декретом СНК РСФСР от 4 января 1919 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» гражданину предоставлялось право через суд избрать санитарную службу в инфекционных госпиталях или иной соответствующей полезной работой по желанию самого призывника³. Однако, на местах эти конституционные нормы нарушались,

¹ Ключков В. Закон и религия... С. 138

² Савин А. И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX–начало XXI в.). / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 71

³ [http://www. BestPravo.ru](http://www.BestPravo.ru). Информационно-правовой портал (дата обращения 23.04.2013).

граждане не освобождались от несения воинской службы по религиозным убеждениям¹.

Одним из первых местных законодательных шагов стал приказ Ревкома Терской области о регулировании взаимоотношений между светской и духовной властью: «...Религиозную клятву или присягу во всех государственных и иных публично-правовых общественных установлениях отменить; 4. Введение актов гражданского состояния исключительно поручить гражданской власти; 5. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных учебных заведениях, как обязательное, устранить, предоставив родителям учащихся, в случае их желания, на свой счет приглашать законоучителей соответствующих религиозных учений; 6. Предоставить право религиозным обществам устраивать школы за свой счет для религиозного обучения желающих; ввиду того, что все имущество соответствующих в области церковных и религиозных обществ является народным достоянием»². Советское государство на первом этапе борьбы с православием вело политику «компромиссов» в отношении всех инославных религий.

Существенно в первые годы советской власти отличались взаимоотношения правительственных структур с национально-религиозными объединениями. В течение достаточно продолжительного времени этноконфессиональная политика советской власти носила компромиссный, и, в некотором смысле, щадящий характер, допускавший многочисленные отступления от сути и буквы базового Декрета 1918 г. Большевики проявляли известную лояльность к неправославным меньшинствам, надеясь на взаимные симпатии со стороны иноверцев, не испытывавших ностальгии по царизму, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции в национальной среде.

¹ Горская правда, 1921, 3 апр.

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 39. Оп.1. Д.1. Л.8.

Эта позиция была четко определена в специальном «Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока»: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными»¹. В. И. Ленин дал специальные указания на этот счет члену РВС Кавфронта С. Орджоникидзе (апрель 1920 г.): «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и при том самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее»².

Один из лидеров российского исламского движения А. Цаликов в этой связи особо подчеркнул, что «большевизм не нов исламу... Горцы, вы пойдете за коммунизмом потому, что ваша религия вам это показывает»³. Он высоко оценивал отношение советской власти к религии и мусульманским ценностям: «Новая власть дает в религиозном отношении полную свободу. Мусульмане тесно связаны с религией. И новая власть, которая даже и не знает подробностей жизни мусульман, даже в малейших вопросах относится к нам, мусульманам, с особым вниманием и с деликатностью... Таковую власть мы можем только любить и защищать»⁴.

Конечно, новые власти осознавали, что успехи социализма в национальных республиках тесно связаны с преодолением ре-

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40

² Синанов Б. А. Духовное образование в поликонфессиональном-северо-кавказском регионе: история и перспективы. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, Грамота, 2012, №5 (19). С. 168; Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение советской власти (октябрь 1919 г. — август 1920 г.): сб. док-тов материала/сост. О. А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. С. 44

³ Съезды народов Терка. Сборник док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1978. Т. 2. С. 191

⁴ Там же. С. 181

лигиозности, в том числе мусульманского населения¹. Но надо отдать должное теоретикам большевизма, они учитывали и некоторые местные особенности «политического момента».

Например, в первой половине 20-х гг. на Северном Кавказе популярностью среди многих мусульман пользовалась идея о создании независимого мусульманского государства, лидером движения стал Н. Гоцинский, который имел свое видение будущего народов Кавказа. Чтобы выбить у него из-под ног социальную базу (крестьянство и определенные слои города), нужна была определенная гибкость и умение идти на компромисс. Поэтому местные большевики осторожно лавировали. Так, в праздник Рамадан-Байрам служащие и рабочие всех гражданских и военных учреждений Горской АССР мусульманского вероисповедания освобождались от работы на 3 дня². Наперекор Декрету об отделении церкви от государства, областной комиссариат труда уведомил мусульман области, что «не регулирует времени отправления богослужений, и таковые могут отправляться в любые дни по настоянию церкви»³.

Оберегаемые государством, мусульманские приходы, в отличие от православных, остались практически не затронутыми конфискационными процессами. Опасаясь эксцессов, комиссия по изъятию церковных ценностей особо оговорила: «Изъятие ценностей из мечети произвести после выяснения вопроса через местную комячейку о возможности безболезненного изъятия таковых»⁴.

Местным властям приходилось искать компромисс, чтобы не разрушить хрупкое равновесие. Дело доходило до того, что муллам давали разрешение обучать детей исламу в советских школах, что противоречило положению об отделении школы от церкви. Была разработана инструкция ВЦИК «О пре-

¹ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998. Т.1. С.512

² ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

³ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 436. Л. 4

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп. 1. Д. 24. Л. 25

подавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение». В ней подчеркивалось, что мусульманское вероучение может преподаваться в мечетях для желающих, но не моложе 14-летнего возраста. На местный отдел народного образования возлагался контроль за тем, «чтобы в мечетях под видом вероучения не было бы преподавания общеобразовательных предметов; чтобы вероучение преподавалось исключительно в дни свободные от школьных занятий»¹.

Вместе с тем в Горский ЦИК поступали жалобы на притеснение местных мулл, которые обучали детей в мечети. Так, Центральное духовное управление мусульман России и Сибири сообщало, что на местах создаются препятствия для обучения догматам ислама, и обратилось в коллегия Наркомата по делам национальностей с ходатайством о разрешении преподавать мусульманское вероучение в помещениях общегражданской школы во внеурочные часы для всех желающих, как это и было ранее. Наркомнац выяснял точку зрения местных властей по этому вопросу². Местный ЦИК опубликовал специальное постановление, в котором особо отмечалось: «1. Недопустимы какие-либо репрессии в отношении мулл за проповедь ислама и обучение догматам мусульманского вероисповедания в мечетях, на дому у себя, а также в частных домах. 2. Преподавание догматов религии в советских школах и в частности, где обучаются общеобразовательным предметам, не допускается декретом об отделении школы от церкви, и противоречат основам советского права»³.

Время 1922-1925 гг. стало промежуточным этапом политики подавления ислама внутри России. Победоносное завершение гражданской войны и укрепление советской власти на местах позволили перейти от политики компромиссов с мусуль-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 2. Д. 5. Л. 168-168об

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп. 2. Д. 5. Л. Л. 204-205

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 81. Оп. 1. Д. 60. Л. 24

манским населением к вытеснению религии и религиозных организаций из жизни общества. Данной задаче сопутствовали успехи в борьбе с Н. Гоцинским. Кроме того, власть была обеспокоена существенным увеличением числа религиозных мусульманских школ и частой созываемостью региональных съездов мусульманского духовенства. Нужны были решительные меры для преодоления сложившейся ситуации.

Новые акценты в период нэпа появились в государственной политике по отношению к другим неправославным конфессиям. В 1921-1923 гг., в условиях укрепления экономических позиций мелкобуржуазных слоев города и оживления деятельности некоммунистических и антикоммунистических политических формирований, большевистская партия резко активизировала идеологическую работу в местах компактного проживания «нацмен», интенсивность которой, по мнению большевиков, не должна была зависеть от национальной принадлежности населения¹.

Предстояло решить задачу нейтрализации деятельности католических и других инославных религиозно-политических объединений как одно из главных условий преодоления религиозного влияния.

Этноконфессиональная государственная политика в годы «религиозного нэпа», как и в предыдущий период, строилась с обязательным учетом внешнеполитического фактора, который был для советской власти определяющим. Желание выглядеть в глазах иностранных сообществ с лучшей стороны, большевики опасались осуществлять широкие преследования иноверческого и инославного духовенства. Поэтому вплоть до начала 1930-х гг., например, во Владикавказе продолжали службу «национальные» церкви, прежде всего немецкая, которая «распространяла влияние на половину Северного Кавказа»².

¹ Ключков В. Закон и религия... С. 139

² ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л.109

Преследование официальной церкви вызвало к жизни различные сектантские организации. В начале XX в. в Терской области насчитывалось 9228 сектантов¹, к середине 1920-х гг. их количество увеличилось в 2 раза, т.к. создались условия ведения сектантами активной миссионерской деятельности.

Однако даже при таких благоприятных условиях сектанты не спешили высказывать открытой поддержки новой власти. Тем более что после прихода к власти большевиков недвижимое имущество молокан, евангельских христиан, баптистов на основании п.13 Декрета было национализировано. Сектантские общины, как и православные, продолжали пользоваться бывшим своим имуществом, но уже в качестве арендаторов.

Положительное решение вопроса о праве на отказ по религиозным мотивам от общевоинской службы и замены ее на вневоинскую было принято руководством страны не без колебаний, и только учитывая антимоноархическое прошлое сектантства. В июне 1920 г. в г. Пятигорске проходил объединенный съезд кавказских общин евангельских христиан и баптистов, который высказался против несения сектантами воинской и всеобщей трудовой повинностей². На этом же съезде был поднят вопрос о пересмотре Декрета об отделении церкви от государства.

Теоретические постулаты и каждодневная практика сектантских объединений рано или поздно должны были вступить в противоречие с официальной линией большевистской партии и правительства. Призыв к классовому миру, аполитизму, благотворительность и др. был истолкован частью советских функционеров как стремление отвлечь трудящихся от участия в общественной и культурной жизни, а отказ от службы в Красной Армии — как подрыв обороноспособности страны³.

¹ Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1915

² ГАНИ РСФСР. Ф. 4. Оп.1. Д.40. Л.126

³ Проскура А. В. Религиозные секты Псковской губернии и советская власть. // Псков, 2001, №15. С.160

Сектанты были убеждены в пагубности и бесполезности репрессивных методов, бывших в арсенале большевиков, противопоставляя «внешней революции» революцию духа. Лишь когда сектанты убедились, что советская власть «всерьез и надолго», они пошли на сотрудничество: предложили свои услуги в реализации мирных планов, заявив в 1923 г. о своем признании советской власти¹.

В партийно-государственных верхах возникли ожесточенные споры о границах и формах возможных уступок сектантам, имея в виду, что их требования зачастую выходили за рамки действовавших законодательных актов. Закрытие церквей, гонения на верующих, раскол в Православной церкви приводили многочисленных верующих в различные секты. Ряд сект у большевиков не вызывали опасений, даже приветствовались как поборники идей социализма (среди них молokane, духоборы, штундисты), другие, например, толстовцы, за свои взгляды жестоко преследовались².

Определенную активность в этот период проявляли так называемые «сухие» сектанты во главе со своими руководителями Т. Дадиановым и И. Ефремовым. «Сектанты устраивают собрания с выдачей подарков, имеют свои женотделы, союзы молодежи», — обеспокоенно сообщало в центр местное отделение ГПУ³.

В конце 20-х гг. с сектантством было бороться гораздо труднее, т.к. оно не поддавалось учету: «Они имеют два десятка церквей и молитвенных домов с хорошо налаженными хорами, активом и т.п.»⁴. Союз Безбожников сетовал: «Наряду с ослаблением антирелигиозной работы наблюдается

¹ НА СОИГСИ. Ф.9. Оп.1. Д.20. Л.4

² Лебедева Д. В. Политика власти в отношении внеконфессиональных религиозных объединений на начальном этапе отделения церкви от государства. //Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2012, №27. С. 269

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 4. Оп.1. Д.40. Л. 17

⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д.57. Л. Л. 83

оживление религиозной пропаганды, проводимой сектантами и церковниками. Во Владикавказе существует зарегистрированных 7 сект, с общим количеством 1807 человек, из них 2/3 женщины. Самая активная и жизненная секта — баптисты. На 1 января 1926 г. их 297 чел, на 1 января 1928 г. — 367. По социальному составу — рабочие. Секта официально признала возможность служить в Красной Армии, имеет свое влияние на молодежь, поступающую в армию. Молодежи воспрещается посещать театры, кино, клубы. 2. Евангельские христиане. Большинство осетины. Имеет проповедников на осетинском языке. 3. Молокане — почти вся Молоканская слободка»¹.

Сектанты утверждали: «Цель-то у нас с коммунистами одна, но пути разные. Мы не против советской власти, мы только против некоторых ее мероприятий». Сектанты даже помогали властям разоблачать местные «святые места»: «... Евангельскими христианами, осетинами, был разрушен национальный жертвенник в доказательство небожественности данного сооружения»². В газетах отмечалось с тревогой, что «религиозные течения растут, расширяют свое влияние»³. Крестьяне, особенно при ошибках коммунистов в проведении антирелигиозной пропаганды, через антиклерикализм приходили не к атеизму, а к сектантству⁴.

Анализ отложившегося архивного материала позволяет сделать вывод о том, что первый период в становлении отношений власти и общества в религиозной сфере характеризуется неустойчивостью. Если в Центре большевики сумели подчинить церковь благодаря достаточно сильной поддержке пролетариата, то в кавказской провинции их позиции были не столь прочными. Отсюда вытекает и определенная терпимость власти по отношению к верующим.

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д.53. Л. Л. 75-76

² ГАНИ РСО-А. Ф. 4. Оп.1. Д.40. Л. 127

³ Власть труда, 1927, 28 июля

⁴ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 165

Хотя местные органы и проводили в жизнь законы о религии, но эта политика носила характер определенной уступчивости. Местные газеты пестрят заголовками, в которых наряду с революционной звонкой фразой присутствует и церковная стилистика, это связано с большевистской стратегической установкой не оттолкнуть от себя те слои владикавказского общества, которые воспитывались на образцах православного и иного вероисповедания. Пока шло политическое оформление большевистской диктатуры, вопрос о конфессиях решался вяло.

Уже первые законодательные опыты показали удивительное расхождение декларируемых истин и практики: фарисейство и жесткий диктат — так можно определить линию поведения большевиков в религиозном вопросе. Вместе с проявлением некоторой веротерпимости, государство урезало религиозное пространство, неуклонно сокращая поле деятельности храмов. Началось юридическое оформление этого отделения.

В Совнарком специально обсуждался вопрос о взаимоотношениях местных исполкомов и церковных советов. Были подтверждены положения Декрета об отделении церкви от государства, по которому религиозные общины лишались собственности, последняя объявлялась общенародной. По инструкции церковное имущество, предназначенное для совершения религиозных обрядов, передается в бесплатное пользование группам граждан, причем в соответствии со ст. 10 Декрета все церковные и религиозные общества объявлялись частными союзами.

После передачи в пользование гражданам церковного имущества они могут иметь добровольные сборы для обслуживания своих нужд, и собранные для этой цели средства не могут уже отбираться вне общего порядка реквизиции и конфискации. «Местный исполком имеет право лишь проверять наличие и сохранность имущества, переданного группе верующих. Никакой платы за пользование этим имуществом быть

не должно»¹. В то же время собственность храмов подверглась секуляризации. Так, недвижимость и остальное имущество Владикавказского женского монастыря весной 1921 года были переданы в местный коммунальный хоз, а пасеки, коровы и лошади — детскому городку (детдому)².

В соответствии с правительственным постановлением от 12 июня 1922 г. деятельность религиозных общин считалась законной лишь при условии их регистрации в местных органах власти. В подтверждение общероссийским законам Горским ЦИКом весной 1923 года принято постановление «О регистрации религиозных обществ», по которому ни одно религиозное общество какого-то ни было культа, не могло осуществлять отправление обрядов без регистрации его в местном отделе НКВД³. В постановлении указывалось, что «граждане, желающие учредить религиозное общество, обязаны вместе с заявлением о регистрации в 3-х экземплярах предоставить в НКВД: а) протокол собрания учредителей общества; б) устав общества; в) список учредителей, дав о них сведения — ФИО, место жительства, общественно и служебное положение, принадлежность к тому или иному сословию, время присоединения к данному культу»⁴.

Основания для создания религиозного объединения регламентировались определенными правилами: устав общества, число членов должно было составлять не менее 50 человек, не ограниченных по суду в правах; задачи и методы деятельности общества не должны были противоречить Конституции⁵; существенные поражения в правах выражались в непризнании за ними статуса юридического лица и прав собственности⁶. Наблюдение за длительностью религиозных обществ возлагалось на НКВД.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 81. Оп. 1. Д. 52. Л. 34-35

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 22а

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп. 1. Д. 175. Л. 69-70

⁴ Там же. Л. 74

⁵ Там же. Л. 69

⁶ Там же. Л. 69об

Уже функционировавшие религиозные общества были обязаны представить в административный отдел НКВД устав, список пресвитеров, проповедников и выборных общественных лиц, а также заключить договор. Религиозные общества, не зарегистрированные в указанном порядке, закрывались. В то же время в письме за подписью М. И. Калинина, разосланном на места, указывалось: «Необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, избегать всяких поводов к истолкованию того или другого мероприятия органов советской власти как намерение стеснить или ограничить свободу совести верующих»¹.

Ужесточение взаимоотношений между властью и верующими произошло в середине 1923 года в связи с выходом печально знаменитого постановления ВЦИК о закрытии храмов: «Все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов»².

Советское законодательство развязывало руки административным органам по преследованию незарегистрированных религиозных групп и их руководителей, а также прихожан. Процесс регистрации должны были пройти все лица, обслуживающие данный храм, приход, епархию. Таким образом, власти четко следили за жизнью религиозной общины, вмешивались в кадровые перестановки в общине и часто использовали в качестве борьбы с «опасными» верующими такую меру как высылка на три года без суда. В этой травле препятствием служила лишь первая Конституция РСФСР, так как она провозглашала свободу и религиозной, и антирелигиозной пропаганды.

Чтобы обойти это препятствие, 19 июля 1923 г. Народный комиссариат юстиции принял инструкцию, конкретизирующую

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 38. Оп.1. Д. 1. Л. 20

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 175. Л. 60

щую механизм проведения в жизнь Декрета, которая запрещала пропаганду религиозного учения¹. Церковь лишили одной из главных ее функций — материальной поддержки страждущих и сирых, запретив благотворительную деятельность Церкви и религиозных обществ, которая преследовалась в уголовном порядке.

Были определены обязанности религиозного общества перед государством. Религиозное общество, количеством более 20 человек старше 18 лет, могло получить в пользование храм и культовые предметы. Общество обязано было хранить и беречь данное имущество и делать ремонт по первому требованию властей. Наем работников могли осуществлять отдельные члены общества, и это рассматривалось как частная сделка, которую облагали высоким налогом. Циркуляр, разработанный Народным комиссариатом юстиции, разъяснял, что при получении храма группа верующих должна заключить с местными органами власти договор о его использовании.

Особой обязанностью прихожан светская власть определила заботу о благоустройении храма: «Мы, нижеподписавшиеся, граждане гор. Владикавказа, имеющие в нем свое жительство, как представители религиозной общины, заключили настоящий договор с коммунальным отделом управления местного хозяйства г. Владикавказа в том, что сего дня приняли от Владикавказского коммунхоза бесплатное и бессрочное пользование храм, находящуюся внутри ограды сторожку, каменный одноэтажный дом». Религиозная община давала обязательства содержать церковное помещение в исправности, отчитываться перед местными органами власти по первому требованию, не допускать антиправительственных акций².

Принимая данные обязательства, религиозная община была вынуждена искать разные источники пополнения своей казны, иначе община могла быть распущена, а храм конфиско-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 38. Оп.1. Д. 3. Л. 19

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 51. Оп.1. Д. 125. Л.2

ван. Первые постановления советской власти свидетельствуют, что главной задачей режима было уничтожение Церкви. Отсутствие подготовленных в юридическом смысле кадров создавало благоприятные условия для административной самостоятельности на местах.

Духовная сфера на время оказалась как бы выключенной из гонки по социалистическому переустройству общества.

Церковь, лишенная государственного покровительства, к которому она привыкла, оставленная в одиночестве перед напором воинствующего просвещения, с большим трудом противостояла этому напору. Оказавшись отстраненной от основных источников пополнения епархиальной казны, руководство епархии обратилось ко всем приходским организациям и православным верующим и «с горячим призывом прийти на помощь своими добровольными жертвами Владикавказской епархии, находящейся в столь опасное и критическое время в тяжелых материальных условиях, так и вообще Всероссийская православная церковь. Пожертвования каждая приходская организация и лично каждый прихожанин могут добровольно без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны сделать или периодически-постоянным для себя или просто единовременным»¹. Было решено провести двоякое обложение: принудительного характера и добровольное (самообложение). Священство не теряло надежды на то, что восторжествует справедливость, и церковь вновь займет в обществе место, отведенное ей историей.

В главе 4 нового уголовного кодекса отмечалось, что «совершение обманных действий с целью возбуждения суеверий в массах карается исправительно-трудовыми работами сроком до одного года с конфискацией о имущества или штрафом до 500 рублей»². Гражданам разъяснялось, что любая антисоветская деятельность, в том числе с использованием религиозных

¹ ЦГА РСФСР. Ф. 143. Оп. 2. Д. 436. Л. 6

² Уголовный кодекс 1927 года. М., 1927

предрассудков, влечет за собой наказание в виде расстрела с конфискацией имущества, лишением гражданских прав и изгнание из пределов СССР навсегда.

Продолжая борьбу с религией и верующими, власти стали предъявлять общинам, заключавшим договор аренды культовых зданий, повышенные требования. Так, в договоре аренды Покровской церкви от 17 апреля 1927 г. община обязалась «не допускать: а) политических собраний враждебного советской власти направления; б) раздачи и продажи книг, брошюр, листов и посланий, направленных против советской власти или отдельных представителей; в) произнесения проповедей и речей, враждебных советской власти; г) совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти»¹. Со временем перечень ограничений был дополнен: в случае нехватки помещений для разных государственных организаций религиозные общины могли быть потеснены; по требованию общественных организаций и резолюций собраний трудящихся, которые направлялись и организовывались властями же, было возможно расторжение договора. Например, Бюро Владикавказского окружного комитета ВЛКСМ обратилось к местным властями с открытым письмом, в котором просило закрыть Линейную церковь и отдать ее по центральный пионерский клуб².

19 сентября 1927 г. до сведения религиозных общин был доведен циркуляр № 351 «О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества», который впоследствии стал основанием для прекращения публичного использования культовых зданий. Долго не заморачиваясь о причинах, была выработана универсальная — при срочно организованном техническом осмотре храма выявлялись серьезные неполадки, которые грозили общественной безопасности. После закрытия церкви особо ценное имущество, особенно

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.1. Ч.1. Л. 19

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д. 26. Л. 86

драгоценности, передавалось в фонд государства, а вещи менее ценные — в другие храмы.

Эти положения нашли свое подтверждение в документах высших инстанций страны. На проходившем в декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) был взят курс на модернизацию народного хозяйства на социалистических принципах¹. Это предполагало «изживание мелкособственнической психологии» путем широкой пропаганды большевистского учения, культурно-просветительской работы, антирелигиозной агитации. Тем более, по мнению руководства страны, в ходе коллективизации борьба кулацких элементов подогревается религиозными деятелями, запугивающими сельское население вредом коллективизации. Эти послы широко использовались на местах: «Сегодня они прибегают к обреза, завтра к срыву очередной советской кампании, а послезавтра — к организации производственной коммуны и декларации о преданности советской власти», — заявлял рупор владикавказских большевиков — газета «Власть труда»².

Таким образом, проведение законов, регламентирующих деятельность религиозных организаций в Северной Осетии в первой половине 1920-х гг. имело некоторую специфику. Причина кроется в том, что край оказался втянутым в гражданское противостояние. Столкновение интересов различных классов, социальных, сословных, национальных групп привело к усилению социальной напряженности. Первый период антирелигиозного наступления не принес желанных результатов, большинство населения, несмотря на варварские методы борьбы с Церковью, продолжало оставаться верующим. Ощущение большевиками безрезультатности предпринимаемых усилий заставило власти отказаться от использования исключительно военных способов преодоления церковно-религиозного влияния. В этот период борьба власти и церкви носила латентный

¹ КПСС в резолюциях и решениях... Т.4. -М., 1984. — С. 305

² Власть труда, 1929, 23 сент.

характер, который сменился со временем воинствующим атеизмом.

1.2. Процесс реализации в регионе законодательных актов советской власти в отношении религии и Церкви в конце 1920-х — 1930-е гг.

Очередной период издания законов о свободе совести связан со второй волной гонений на церковь в конце 1920-х — 1930-е гг. Временное перемирие завершилось, и нужен был лишь повод, чтобы перейти к террору беспощадному и эффективному¹.

Идеологический посыл о связи священства с антисоветскими силами активно использовался в период хлебозаготовительных проблем 1928-1929 гг. Борьба с религией в деревне становится одной из первоочередных задач советской власти. Большинство постановлений советской власти по вопросам антирелигиозной работы касались, прежде всего, деревни.

В многочисленных сводках с мест проводилась связь между ростом антиправительственных выступлений по поводу насильственной коллективизации и религией: «Религия совместно с кулачеством пускает нелепые слухи, как-то в ст. Ардонской, частично в Николаевской, конечно и др. о том, что скоро конец света, кладут печати (контрактация), скоро будут людям класть эти печати, следовательно, они пойдут в ад. Выселенных кулаков квалифицируют как мучеников за грехи всех, а колхозы — это ад, где все вошедшие в него теряют уже свою христианскую душу...»².

Повсюду рекомендовалось создавать отделения Союза безбожников, читать лекции атеистического содержания, прово-

¹ По мнению известного историка С. Кара-Мурзы «антицерковная кампания 1922-1923 гг. была именно целенаправленной «военной» операцией, а не выражением каких-то прирожденных нутряных установок». См.: Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М., 2002. С.257

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 51. Оп.1. Д. 57. Л. 121

дить агитсуды над сектантами и руководителями «двадцаток». Для отвращения крестьян от влияния местных священников настоятельно требовалось усилить кооперацию бедняков и кредитование их через ссудо-сберегательные кассы.

В 1928 г. Е. М. Ярославский, главный гонитель веры, очертил круг проблем борьбы с религией, в том числе указал, что пробуксовка коллективизации в ряде районов страны напрямую связана с деятельностью священников, которые «проводят под религиозной оболочкой в крестьянстве самые контрреволюционные мысли и планы»¹.

В 1928-1929 гг. в силу вступили законы, которые значительно ухудшили положение духовенства в социалистическом государстве. Так, циркуляр Наркомзема от 13 марта 1928 г. о правах землепользования священства лишал его возможности иметь землю. Священнику для того, чтобы получить участок земли для хозяйствования, приходилось испрашивать согласия земельных ведомств, которые могли отклонить просьбу. Право на получение земли служителем церкви должно было реализовываться в последнюю очередь².

Не менее трагичным было правительственное решение взимать плату за обучение детей «нетрудовых элементов», в число которых попадали и дети священства. Духовенство было обложено высокими налогами за аренду жилья, подоходным налогом в размере 75% с «нетрудовых доходов». К этому добавлялись следующие обложения: налог за неучастие в выборах (как лишенцы, служители культа не имели права избирать и быть избранными равно как и служить в Вооруженных Силах) и обложение за непризываемость на военную службу. Минимальный размер платы за неслужение в армии равнялся 50% подоходного налога, но не мог превышать 20% общего до-

¹ Ярославский Е. М. О религии. М., 1958. С.33

² Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941 гг. Документы и материалы. М.: Библейский Богословский Институт Св. Апостола Андрея. 1996.

хода облагаемого. Постановление 1929 г. лишало священников государственной страховки. Но даже выплата всех налогов не служила гарантией того, что семья духовного лица могла спокойно жить в своей квартире или доме, т.к. была развернута кампания по выселению священнослужителей. Единственным пристанищем для них становились церковные подворья, в частности, сторожки. Однако и здесь Комиссия по культам оказалась настороже: «Церковные сторожки религиозными общинами должны использоваться *только по своему прямому назначению для жилья лиц, несущих обязанности сторожа* (выделено — Авт.), — указывалось в постановлении Комиссии по культам, — Сторожки же используются исключительно под квартиры служителей религиозных культов, т.е. вопреки закону по культам...»¹. Тем более, что в 1928 году Агитпроп ЦК ВКП (б) констатировал оживление религиозной агитации в стране, ее модернизацию: «Служители культа ведут индивидуальную обработку верующих, посещают их квартиры, — доносит уполномоченный по культам, — призывают в своих проповедях и на исповедях к совершению обрядов, используют для работы среди верующих своих активистов и фанатиков»². ЦК партии подчеркивал, что борьба с религией ведется компанейски, поэтому на данном этапе главной задачей всех государственных учреждений и общественных организаций является умелое сочетание антирелигиозной агитации и административного воздействия на религиозные общины-«двадцатки».

2 марта 1929 г. был рассмотрен проект закона о религиозных объединениях. Наряду с уже существующими положениями в него было добавлено еще одно — о лишении религиозных обществ прав юридического лица; следовательно, отказано в праве заниматься любой деятельностью, кроме «удовлетворения религиозных потребностей». Этот проект был утвержден

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 6 (ч.2). Л. 33

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 773. Оп.1. Д. 2. Л. 2

ВЦИК 8 апреля 1929 г. в виде закона «О религиозных объединениях».

По новому закону отменялось понятие «приход», теперь религиозное общество называлось «двадцаткой»: «Религиозное общество есть местное объединение верующих, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка, в количестве не менее двадцати лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей»¹. Они не обладали правами юридического лица. Свою деятельность общества могли начать только после регистрации в местных органах власти (п. 4-7).

Имущество Церкви ей не принадлежало, а являлось государственной собственностью, которую верующие получали в пользование безвозмездно: «Религиозные общества имеют право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке»².

Вся деятельность общины проходила с разрешения и под контролем властей, которые по своему усмотрению могли выделить отдельным лицам на правах аренды молитвенные помещения (договоры на право пользования такими помещениями заключались верующими за их личной ответственностью). Кроме того, помещения эти должны были удовлетворять строительно-техническим и санитарным нормам.

Существовал обширный перечень запретов на деятельность общины: нельзя создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения; исключалось оказание материальной поддержки; верующих ограждали от участия в воспитании молодежи, формировании как и общих библейских, литературных, трудовых, по обучению религии

¹ Цит. по: Русская православная церковь и большевистское государство в 1925-1927 гг... С. 16

² Цит. по: Цыпин В. Указ. соч. С. 113

кружков, так и организации библиотек и читален¹. Расторжение договора с религиозными объединением носило односторонний характер. Так, Александро-Невскую религиозную общину обвинили в том, что допускалась антисоветская деятельность, «проводились нелегальные собрания, где подтасовывались списки кандидатов в церковный совет»². Чтобы все выглядела более-менее законно, Владикавказским Окрисполкомом было дано задание Комиссии по культурам «в 5-дневный срок произвести дополнительный осмотр молитвенного здания о его состоянии»³, а результаты осмотра практически всегда были в пользу закрытия храмов.

Церковные здания подлежали обязательному страхованию за счет подписавших договор лиц в исполнительном комитете совета депутатов трудящихся, на территории которого находилось здание, а «страховые суммы за сгоревшие молитвенные здания использовались по решению СНК автономной республики, исполнительного комитета краевого, областного, городского Совета депутатов трудящихся, согласованному с Советом по делам религий, на восстановление сгоревших молитвенных зданий или на культурные нужды района, города, в котором находилось сгоревшее молитвенное здание»⁴.

Священники также должны были платить непомерный налог как «доходные» частные предприятия. Надзор за деятельность сельских религиозных общин осуществляли сельские советы. Зарегистрированное общество по закону обязывалось соблюдать законодательство и полностью подчинялось ему.

Данный закон, несомненно, существенно урезал религиозное пространство, делал его полностью зависимым от воли местных властей, положил конец иллюзиям о возможности сотрудничества государства и верующих.

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР»N 27 (873), 1929, 8 апр.

² ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 915. Л. 148

³ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 114. Л. 7

⁴ Там же

Претворение в жизнь закона еще сильнее препятствовало отправлению религиозных таинств. В мае 1929 г. в Конституцию страны были внесены поправки, которые еще сильнее урезали права верующих и духовенства в отправлении культа. Свобода религиозных исповеданий и свобода антирелигиозной пропаганды, исполнение религиозных обрядов и возможность религиозных проповедей были официально признаны. Но за собой власть сохранила право утверждать состав церковного управления, регламентировала процесс богослужения, так что обряды можно было совершать только в специально предназначенных для этого местах⁵.

В июле 1929 г. к Постановлению были разработаны инструкции, по которым деятельность и само существование религиозных общин подпадала под жесткую регламентацию государственных органов и ограничивалась рамками удовлетворения религиозных потребностей религиозной общины, что находилось в противоречии с Декретом «Об отделении церкви от государства».

Для централизации дела борьбы с религией по инициативе Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП (б) в 1929 г. была образована Комиссия по вопросам культов, функции которой прописаны в постановлении ВЦИК «О положении Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов»: разрабатывать законопроекты по религиозным вопросам с последующим представлением в Президиум ВЦИК РСФСР, осуществлять контроль за выполнением законодательства. В ноябре 1931 г. в Северной Осетии также была создана Постоянная комиссия по вопросу культов⁶. Интересен ее состав: представители из Обкома ВКП (б), ОГПУ, ОНО, милиции, прокуратуры, финотдела, профсоюзов, ВЛКСМ⁷. Ос-

⁵ Антирелигиозный сборник на 1929 год с материалами для антирелигиозной кампании. — М., 1929. — С.51

⁶ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 104. Л. 5

⁷ Там же. Л. 5об

новой задачей местной комиссии было «вести систематическое наблюдение за зданиями, изъятыми у церковных общин и переданными под культурно-бытовые учреждения...»¹, а также «вести усиленную борьбу с остатками старого быта и религиозных предрассудков как через безбожников, так и через марксистов-материалистов-педагогов»².

В 1931 г. Комиссией была составлена инструкция «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», где определялись права и обязанности религиозных объединений, правила регистрации и ликвидации религиозных объединений. Составление данной инструкции было своевременным, т.к. на местах искаженно трактовали закон от 8 апреля 1929 г. и часты были «перегибы». При этом П.Г. Смидович, глава Комиссии, докладывал о «небрежном отношении» на местах к антирелигиозной борьбе. Так, для координации всех видов антирелигиозной деятельности в Осетии была принята специальная программа, описывающая особые меры по недопущению деятельности храмов: «Засыпают «временно» хлебом, а затем не возвращают верующим; предлагают произвести ремонт в преувеличенных размерах и в явно короткий срок; отказ в регистрации новых членов религиозного общества вместо выбывших; отказ в регистрации служителей культа; начисление налогов в преувеличенных размерах и закрытие храма за неуплату в положенный срок»³.

В мае 1934 г. на правительственном уровне было принято постановление «Об образовании Союзной Комиссии для руководства вопросами культа». В ее состав вошло 12 человек, председателем назначен все тот же П. Г. Смидович⁴.

Деятельность ее началась с создания двух важных доку-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 4. Ч.1. Л. 174

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 104. Л. 27

³ Поспеловский Д. Указ.соч. С. 275

⁴ Кочетова А. С. Формирование и деятельность Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК СССР. //Вестник архивиста, 2013, октябрь. С. 113

ментов, которые стесняли священство в большой степени: служители культов, позиционируемые как нетрудовые элементы, не могли входить ни в промысловую кооперацию, ни в профсоюз. Некоторые послабления были все же сделаны для рядового персонала религиозного управления, которые «хотя и обслуживают тот или иной культ, но в то же время являются и обслуживающими общественные или государственные нужды, как, например, сторожа церквей...»¹. Отчетливо проводилось деление на «своих» и «чужих» в рядах клира: священнослужители были лишены земельных участков, хотя тех из них, кто открыто порвал с прошлым, данное решение не коснулось. Итак, направленность многих принятых законов и постановлений понятна — создать невыносимые условия для священников, которые оправились от нанесенных церкви ударов в первой половине 1920-х гг.

Совершенно очевидна связь между экономическими процессами и раскручиванием репрессивного религиозного законодательства, которое ужесточается в моменты, судьбоносные для страны: проведение индустриализации, когда потребовались богатства храмов для промышленности; сплошная коллективизация, когда нужно было вовлекать население деревни в активный процесс создания колхозов, а кулаки и священники стали, по мнению большевиков, главными врагами социалистического переустройства сельского хозяйства. Для всех этих преобразований нужны были люди-винтики, в основном люмпенизированные слои общества вообще и деревни, в частности.

2 февраля 1930 г. из ведомства ОГПУ вышел приказ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса», в котором совершенно отчетливо обозначена эта государственная стратегия: «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного

¹ Цит. по: Русская православная церковь и большевистское государство... С. 15

подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь, в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар»¹. Мероприятия предполагалось развернуть в двух направлениях. Во-первых, немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива. Во-вторых, «массовое выселение (в первую очередь, из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которого формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (вторая категория)»². Так как священники признавались советской властью оппозиционной частью населения, то реализация приказа привела к арестам не только духовенства, но членов их семей, а также рядовых верующих. Репрессивно-административные меры полностью отвечали направлению государственной политики и политической атмосфере в стране.

Для осуществления поставленных задач планировалось в кратчайший срок ликвидировать все действующие контрреволюционные организации и активных одиночек, обеспечить быстрое проведение дознания во внесудебном порядке — в «тройках» ОГПУ. Коллективизация сочеталась с раскулачиванием служителей культа, закрытием церквей и молитвенных домов, на это «крестьянство в знак протеста выходит из кол-

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 2. ноябрь 1929 — декабрь 1930./Под ред. В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С.163

² Там же. С. 165

хозов, требует открытия церквей и освобождения арестованного духовенства»¹.

Понимая, что дальнейший нажим может взорвать общество, ЦК ВКП (б) 14 марта 1930 г. принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», которое призвано было выправить сложившуюся обстановку путем прекращения применения методов принудительной коллективизации, административного закрытия церквей, допущение закрытия только в случае добровольного решения большинства крестьян, подтвержденного постановлением облисполкома.

Церковь в годы первых пятилеток рассматривалась как доходное предприятие, поэтому приходы облагались высокими налогами, а в случае неуплаты приходы закрывались.

Однако в результате существенных уступок со стороны высших церковных иерархов власти некоторым образом смягчили положение клира, пересмотрев ряд законов. В 1930 году происходит некоторое затухание антирелигиозной борьбы, что связано со статьей И. В. Сталина «Головокружение от успехов», критиковавшей методы администрирования местного руководства. Другим послабляющим фактором стала деятельность Комиссии по культурам.

Прежде всего, это коснулось положения духовенства. Учитывая, что отменить законодательство о лишении избирательных прав служителей культов не в ее силах, Комиссия прикладывала, тем не менее, усилия для реабилитации тех, кто отказался от религиозного сана: права на трудоустройство, землепользование и на восстановление в избирательных правах, постановку в качестве безработных на биржу труда².

В циркуляре от 20 июня 1930 г. указывалось на существен-

¹ Политбюро и церковь... Кн.2. С. 380

² Кочетова А. С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме вцик. 1929-1934 гг.: автореф. дисс... канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. М., 2012. - С. 28

ные искривления партийной линии: произвольное закрытие культовых зданий и одностороннее расторжение договоров с религиозными общинами, чрезмерное налоговое бремя, ущемление в жилищном законодательстве, незаконные препоны в отправлении церковных таинств. Власть вновь позволила призывать на службу колокольным звоном. Из ведения милиции было изъято право производить оценки культового имущества, передаваемого в ведение соответствующих сельсоветов и райисполкомов.

Однако кратковременные отступления от генеральной линии закончились уже в 1933 г., когда на январском 1933 г. пленуме ЦК ВКП (б) делегаты призвали к усилению борьбы с «чуждыми элементами» (к которым причислены были и священники), в том числе в деревне. Эти решения стали генеральными для работы Комиссии по вопросам культов при ВЦИК, которая призвала государственные органы и общественные организации «вести линию по сокращению влияния священников и верующих на массы трудящихся»¹.

В инструкции ЦК ВКП (б) и СНК СССР (май 1933 г.) дана была отмашка на применение репрессий против «врагов». В их число попали и религиозные деятели. В Осетии в 30-е гг. было репрессировано свыше 100 священников, а целом по стране их количество сократилось вдвое, к 1936 г. в РСФСР осталось действующими только 35% церквей от уровня 1917 г.²

В ст. 124 Конституции СССР, принятой в 1936 г., гарантировалась свобода совести, выражающаяся в отправлении обрядов, либо в антирелигиозной пропаганде³. И далее в ст. 135 указывалось: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой, национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения,

¹ Пропаганда и агитация. 1937. №№5-6. С.41

² Антирелигиозник. 1935. №4. С.10

³ Конституция СССР 1936 года. М., 1937

имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов»¹.

Конституция гарантировала избирательные права духовенству, однако де-факто у верующих не было шансов провести своих кандидатов на выборах в Советы. Это в скрытой форме заметил и сам И. Сталин, отмечая сомнения некоторых коммунистов, что в верховные органы страны могут попасть представители бывших белогвардейцев, кулаков и священства: «но чего собственно бояться? Волков бояться, в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти. Во-вторых, кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслуживаем такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы...»².

А в июле 1937 г. в местные органы ОГПУ поступил секретный приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в котором указывалось, что деревня наводнена «враждебными советской власти людьми», ранее репрессированными, бежавшими из лагерей или ссылки. В связи с этим определялись группы лиц, подлежащих преследованиям, в их числе выделены и служители культов — бывшие репрессированные церковники и сектанты. В срочном порядке их дела рассматривали «оперативные тройки», которые состояли из представителей НКВД, прокуратуры и местного комитета ВКП (б). Предопределена была и участь арестованных — расстрел. Менее активные, но враждебные элементы получали сроки от 7 до 10 лет отбывания лагерей. В 1930-е гг. в райисполкомы продолжают

¹ Там же.

² Русская православная церковь в советское время (1917-1991 гг.). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/Составитель Г. Штриккер. М.: «Прописи», 1995. С. 264.

поступать различные рекомендательные документы по поводу отношения власти к религиозным вопросам. Нередко местные государственные и общественные организации подвергаются критике за разрешение отправления религиозных культов с нарушением закона.

В 1935-1937 гг. документы антирелигиозного характера становятся все более редкими, т.к. РПЦ была полностью подчинена государству, находилась под неусыпным его контролем, и более не требовалось корректировать ее деятельность. Не было более необходимости координировать деятельность РПЦ по регионам, составлялись типовые договоры с обязательствами запретительного характера. Велся самый подробный отчет о деятельности религиозных общин, вплоть до количества верующих, пришедших на исповедь. Финансовые средства, которыми располагали общины, требовалось незамедлительно сдавать на хранение в сберкассы, а при получении денег из сберкассы требовалось представить документ за подписью пяти подписей членов церковной двадцатки. Подтверждался запрет на устройство церковных школ и библиотек, проведение детских молитвенных собраний. С 1936 году епархиальное руководство само уже не инспектировало приходы, а управляло ими на расстоянии. Общине вменялось в обязанность беспрепятственно допускать в храм проверяющих из государственных органов. В сложившихся условиях религиозные общины были заняты поиском путей выживания.

Либеральное отношение к инославным религиям в рассматриваемый период также претерпело существенные изменения. Со второй половины 1920-х гг. акценты в проведении вероисповедной политики в среде нерусских народов постепенно начинают смещаться в сторону ее ужесточения. В противовес практике первых послереволюционных лет государство самым решительным образом боролось с попытками левых течений «примирить религию и коммунистические ценности», использовать социалистические лозунги (скажем, про-

возглашение ислама религией бедняков) в целях завоевания доверия в глазах властей и трудящихся масс. В конце 1920-х гг., когда отпала необходимость заигрывания с мусульманами, основные очаги религиозного сопротивления на Кавказе были подавлены, развернулась кампания по закрытию мечетей, сокращению количества духовных лиц.

Партийное руководство преследовало попытки создания национально-религиозных организаций, дабы воспрепятствовать приданию религиозной идеологии патриотической окраски. В декабре 1929 г. состоялось заседание Владокрисполкома, на котором среди прочих рассматривалось ходатайство граждан Ингушетии о передаче им во владение мусульманской суннитской мечети города Владикавказа, находящейся в пользовании Владикавказского Суннитского религиозного общества. Гражданам было предложено объединиться с общиной города Владикавказа на предмет общего пользования мечетью, ввиду «невозможности нарушения договора с существующей Владикавказской религиозной общиной верующих» (выделено — Авт.)¹. Горсоветом это решение было подтверждено: «Принимая во внимание, что религиозная община, арендовавшая здание мечети в городе Орджоникидзе по ул. Кирова, 2, распалась и здание это уже ряд лет не используется для религиозных целей, Совет Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР постановляет: 1. На основании ст. 35 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» здание бывшей мечети для несения религиозных обрядов закрыть»².

На хозяйства мулл были распространены те же ограничения, что и на православные: они были отнесены к кулацким, началась кампания раскулачивания, сопровождавшаяся арестами, отправкой в лагеря и т.д. Оставшихся угрозами принуждали отказываться от веры. Насильно собирались подпи-

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1457. Л. 14

² ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 32. Л. 45

си верующих с просьбой о закрытии мечетей¹. В августе 1929 г. советское правительство приняло постановление о замене в письменности мусульманских народов России арабского алфавита латинским. В связи с этим началась новая волна репрессий.

К 1937 году с церковной организацией в провинции было покончено. Но это была пиррова победа. С закрытием большей части храмов потребность людей в религиозной вере не исчезла, она принимала новые формы, о чем свидетельствует официальный источник — перепись 1937 г. — две трети сельского населения и одна треть городского населения оставалась верующей².

Таким образом, в 1920-1930-е годы православные общины прошли тернистый путь. Многие храмы закрывались, общины были обложены тяжелыми налогами, а духовенство и верующие ограничены в гражданских правах. Приходы были отнесены к категории доходных предприятий и облагались всевозможными налогами и сборами, которые выплачивали члены религиозных общин, приравняемые к кулакам. Духовенство лишалось практически всех прав.

В 1920-е — 1930-е гг. политика по насильственной ликвидации религии была законодательно оформлена в указах и постановлениях органов советской власти. Принятию правительственных постановлений чаще всего предшествовали указания партийных органов. На основе принятых законодательных актов государство активно вмешивалось в церковную жизнь и каноны.

Но опыт показал, что даже в самых неблагоприятных для религиозных организаций условиях, созданных дискриминационным законодательством, успехи борьбы с религией были скромными. Население, особенно сельское, оставалось верующим.

¹ Энциклопедия для детей. Т.6. Ч.2. М., 2000. С.513

² Коновалов В. Н. К массовому атеизму. М., 1974. С. 108

1.3. Ограничение религиозной жизни духовенства и верующих в Северной Осетии

Анализ архивного материала позволяет выделить два периода в репрессивной политике советской власти: с 1917 г. по 1927 г. (внутри которого еще три этапа) и с 1928 г. по 1937 г.

Первая волна связана с гражданской войной, когда духовенство, оказавшееся на территории белых правительств, поддержало антибольшевистское движение. При этом вся тяжесть репрессий обрушилась на православное духовенство. Отечественные исследователи отмечают, что в начале 1920-х гг. «из всех конфессий России гонениям подвергалась в основном Православная Церковь, под предлогом того, что она, якобы, является реакционным и контрреволюционным наследием царизма»¹.

Формально внесудебные приговоры стали возможны в сентябре 1918 г., когда советская страна была объявлена на военном положении. Вводился красный террор и по законам военного времени все контрреволюционеры подлежали расстрелу². В числе оппонентов новой власти были названы и попы³.

В 1918 г. власти перешли к планомерной атаке на руководство РПЦ, видя в Тихоне лидера антисоветского движения⁴, который осудил незаконные действия большевиков: «Вы разделили народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контрреволюции. Это ли свобода, когда ни-

¹ Синанов Б. А. Указ. соч. С. 117

² Иванов А. Свобода совести в первых законодательных актах советского государства // Наука и религия, 1978, №10. С. 32

³ Там же. С. 35.

⁴ Архивы Кремля... Кн.1. С. 175

кто не может высказать открыто свое мнение без опасения попасть под обвинение в контрреволюции?»¹.

Церковь пошла на открытую конфронтацию с советской властью. Патриарх Тихон объявил большевиков «извергами рода человеческого», призвал всех «противостоять им силой... властного народного вопля, который... покажет, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума»².

«Декрет о свободе совести», по мнению современников, положил начало законодательному походу против церкви» «В стране, покрытой на трудовую копейку тысячами православных храмов, монастырей, часовен, в стране, многомиллионный народ которой призывает благословение церкви на брак, рождение детей, обращается к ней за молитвой во все дни своей жизни и напутствием в последний земной путь, — провозглашается отделение церкви от государства, и последнее, как грезится оно Совету Народных Комиссаров, под непрерывную стрельбу пулеметов, стоны убиваемых, дикий разгул пьяных орд, носит безусловно атеистический характер»³.

Деникинским правительством было определено, что «высшая церковная власть на юго-востоке России сосредоточена во Временном Высшем Церковном Управлении». С целью оздоровления духовного состояния общества (в данном случае Юга России, где Деникин какое-то время владел ситуацией) был созван Юго-Восточный Русский Церковный Собор⁴. Первое его заседание проходило в июне 1919 года. На нем были вскрыты факты глумления над чувствами православного населения: «Оскверняются храмы Божия, народ стонет от голода и разорения, от убийств»⁵. Особая следственная комиссия, в которую входили и представители Владикавказской епархии

¹ Следственное дело патриарха Тихона... С. 21

² Там же. С. 25

³ Цит. по: <http://www.Ateism.ru> (дата обращения 02.04.2013)

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп.2. Д.440. Л.105

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР. 6. Оп.2. Д.4. Л.133

И. Г. Левитский, Г. Ф. Светличный, игуменья женского монастыря Ермония, была создана «для выяснения перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма»¹.

Среди собранных материалов о преступлениях было немало о злодеяниях против церкви и клира. Так, в станице Тарской красноармейцы отряда Сорокина, разорив квартиру священника, нарядили лошадь в одеяния последнего, крест привязали к ее хвосту, и так водили ее по площади.

В другом месте красноармейцы устроили кощунственные «похороны» живого товарища, глумились над обрядом: «Мы расстреливаем вашего Бога» и пр. Церковные облачения безбожники использовали для пошива штанов, кисетов, попон для лошадей, глумились над иконами².

Издевательства над церковными реликвиями сопровождалась физической расправой. Так, среди убитых заложников был терский священник отец Иоанн Рябухин. «Вся эта казнь представляла из себя ужасную кровавую бойню, во время которой престарелых и больных заложников рубили в ночной темноте шашками на краю ямы, в которую падали убитые, а иногда еще и живые, — вспоминали свидетели казни. — Священник Рябухин упал в яму ещё живым, и в течение ночи ему удалось несколько высвободиться из-под груды навалившихся на него тел и тонкого слоя земли. На его стон явился кладбищенский сторож, который застал отца Рябухина выглядывавшим из ямы и умоляя вытащить его и дать ему воды. Но страх сторожа перед красноармейцами был настолько велик, что в душе его не оставалось более места для других чувств, и он забросал живого священника более толстым слоем земли. Стоны стихли. А когда через несколько месяцев яма эта была раскопана, то труп священника был обнаружен с поднятыми

¹ Там же.

² Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии. // Вопросы истории, 2001, №10. С.6.

руками, что свидетельствовало о его усилиях выбраться из могилы»¹. Во время разграбления имущества Владикавказского Покровского женского монастыря красноармейцами была подвергнута страшным пыткам игуменья Клавдия: «от нее требовали ключи от кладовых монастыря». Не получив желаемого, они сожгли ее на медленном огне².

Полномасштабные военные действия на Юге России поставили РПЦ и большевиков по разные стороны баррикад. Духовенство не могло простить большевикам вмешательства в церковные дела, секуляризацию имущества: «Новая власть стала всячески стеснять проявление и воспитание религиозного чувства вне церкви: преподавание Закона Божьего в школах запрещено, и священнослужители от школ отстранены окончательно; из школ удалены иконы, установлен налог на ношение священнических наперсных крестов, церковные браки признаны недействительными — одним словом, церковь не только взята под подозрение, но приняты все меры к дискредитированию ее авторитета в народных массах и к вселению в этих массах убеждения о том, что религия не только не нужна, но и вредна, т.к. она является для народа опиумом»³.

Эти негативные настроения поощрял патриарх. 8 октября 1919 года патриарх Тихон открыто объявил о гражданской лояльности Православной Церкви новой (белогвардейской) власти. За время гражданской войны было сделано четыре заявления, в той или иной степени осуждающие коммунистическую власть⁴. Одно обращение Тихона было переведено на осетинский язык: «Вы упрекаете нас, что мы — контрреволюционеры, и сами убиваете безвинных священников и монахов. Вы пытаете, без покаяния посылаете в иной мир, да еще не от-

¹ <http://www.ateism.ru> (дата обращения 02.04.2013)

² <http://www.ive1875.narod.ru/texts/skriptcand/g7.htm> (дата обращения 24.02.2013)

³ Красный террор в годы гражданской войны... С. 11

⁴ Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 227

даете покойников»¹ — с гневом писал Владыка, обращаясь к правительству.

На местах священство поддержало Тихона². Поэтому приход деникинцев в Осетии был воспринят клиром как богоданное чудо. 25 июня 1919 года Преосвященный Макарий произнес весьма показательную речь. Остановившись на гонениях на церковь, фактах осквернения храмов, убийств священнослужителей, он сказал: «Не первый раз мы собираемся и переживаем радости о славном движении победоносной добровольческой армии, которая во имя восстановления дорогих святынь совершает свое великое историческое дело. Наш взор с глубокой надеждой останавливается на гениальном народном избраннике» — А. И. Деникине³.

Макарий резко критиковал Декрет о секуляризации церковных имуществ, Декрет о гражданском браке: «Отрицая и попирая всякую нравственную чистоту, — отмечал он, — современные выродки расшатывают устои семьи, чтобы через бессовестный способ обезличения прав русской женщины и низведения ее до положения безответной вещи вернуть разрушить строй общественной и государственной жизни»⁴.

Такое поведение церковного лидера не осталось без внимания. И когда в Терской области была восстановлена советская власть, Макарий оказался в числе ярых контрреволюционеров, на которого обрушился пролетарский гнев. Преосвященному напомнили о поклонении «белому генералу» Деникину, забыв о его прежних заслугах. Прошло публичное слушание «дела епископа Макария»: «10 октября Терский областной ревтрибунал слушал дело по обвинению епископа Владикавказского и Моздокского Макария (Михаила Михайловича Павлова) в контр-

¹ НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.538. Л. 3

² 30 мая 1919 г. состоялся епархиальный съезд, на котором владикавказское священство определило свое благоприятное отношение к новой власти.

³ Терский казак, 1919, 26 июня

⁴ Терский казак, 1919, 26 июня

революции и в соучастии в сокрытии мануфактуры, серебра и других предметов в церкви. Совершил следующие преступления: 1. Во время приезда генерала Деникина в Кафедральном соборе говорил ему приветственную речь. 2. Распространял листовки. Обращаясь к молодежи, развращал население политически и толкал его на борьбу против рабочих и крестьян. 3. Соучаствовал в сокрытии 271 аршин мануфактуры, много серебра». Только благодаря заступничеству влиятельных лиц и преклонному возрасту приговор Макарию смягчили: ссылка в Пермскую губернию без права возвращения во Владикавказ¹.

Священство также классифицировалось как оппозиционное советской власти и подлежало ущемлению. Допускались оскорбительные выпады в адрес служителей культа и верующих. В 1920-е годы вслед за центральными органами Общества безбожников местные власти начали «охоту на ведьм». В 1923 г. газета «Горская правда» опубликовала ряд обличительных статей о деятельности епископа Малиновского, «уличенного» неизвестным «доброжелателем» в пьянстве, участии в азартных играх, «поведении, которое не к лицу не только епископу, но и простому пресвитеру»². В местной печати широко освещался суд над диаконом Владикавказской Петропавловской церкви П. С. Ткаченко. Его обвинили в развратных действиях, несовместимых с саном. В газете «Власть труда» этот процесс получил политическую окраску, стал показательным, «открывающим целый ряд эпизодов из жизни белого и черного духовенства»³.

В 1927 г. общественное внимание привлек процесс по делу руководителей общины е.д.х. Шевцова и Ефремова. Им вменялось в вину не только нехристианское поведение (пьянство, разврат), но главным образом — «антисоветскую контрреволюционную деятельность»⁴.

¹ Коммунист, 1920, 13 окт.

² Горская правда, 1923, 1, 14 нояб.

³ Власть труда, 1927, 9 июля.

⁴ Власть труда, 1927, 17 окт.

По имеющимся сведениям, в 1922 г. в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей по стране было по суду расстреляно 8100 лиц священнического звания¹, а без суда — 15 тыс. человек, к середине 1920-х гг. в тюрьмах и ссылке находилось около половины священников страны².

Были существенно ограничены права так называемых маргинальных групп советского общества, т.е. тех, чья биография и дореволюционная деятельность не могли быть признаваемы новой властью. В ст. 7 Конституции РСФСР 1918 г. утверждалось, что нетрудовые слои общества не могут быть представлены в органах власти, а в ст. 65 перечислялись конкретные категории «лишенцев», среди которых по пункту «Г» проходили монахи и духовные служители церквей и религиозных культов³;

Ст. 40 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. уточняла, что имелось в виду под **лишением избирательных прав**:

«1) лишение на срок не более 5 лет активного и пассивного избирательного права;

2) лишение активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие общественные организации;

3) лишение права занимать ответственные должности, быть заседателем или защитником в суде, поручителем и опекуном»⁴.

Главной целью ограничения в правах населения страны было устранение неугодных новой власти людей от участия в активной политической жизни. Постепенно лишение избирательных прав превратилось в мощный инструмент изменения социальной среды. Например, в Осетии с 23 августа 1924 г. по

¹ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941 гг. М., 1996. С. 69

² Русская православная церковь в советское время (1917-1991 гг.). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/Составитель Г. Штриккер. М.: «ПроPILEI», 1995. С. 97

³ Конституция РСФСР 1918 года. М., 1918

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. М., 1922

1 октября 1925 г. по статье 65 п. «Г» было лишено избирательных прав 65 монахов и других служителей культа¹. Конечно, действия местных функционеров, предпринимаемые в отношении лишенцев, имели юридическую основу. Тем не менее, городские и районные советы накладывали на лишенцев дополнительные ограничения, чаще всего это выражалось в ограничении прав членов семей священнослужителей². Так, в Президиум Владгорсовета поступила жалоба Коцоевой Тамары — дочери священника. Она была лишена избирательных прав «как иждивенка отца-священника». Несмотря на то, что девушка стала социально полезным гражданином, т.к. работала, Президиум принял решение отказать в просьбе³.

Лишенцы из категории «Г» тяжело переживали ограничения особенно в экономической сфере, т.к. были созданы барьеры для получения высокооплачиваемой работы, пенсии, льгот. Из-за этого многие маргиналы оказывались на грани выживания.

Сами лишенцы тяжело переживали ущемление социального статуса.

Некоторые решительно порывали со своим прошлым, общая об этом через местную печать: «Я, диакон обновленческой Апшеронской церкви, Митряев Александр Афанасьевич, перед лицом трудящихся города Владикавказа, через газету «Власть труда» отрекаюсь от своего диаконского сана и от церкви вообще...Хочу быть человеком полезным и трудолюбивым гражданином Советской Республики и я им буду!»⁴.

Другие пытались восстановить справедливость, апеллируя к властям. Так, на заседании Владикавказской окружной избирательной комиссии по перевыборам в горсовет рассматривались заявления граждан об исключении из списков лишенных

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 223. Оп.1. Д. 1. Л.80-83

² Хубулова С. А. Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920-1930-е гг.). //Былые годы, 2012, №4. — С. 21

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д.28. Л.59

⁴ Власть труда, 1928, 12 окт.

избирательных прав (пункт «Г» ст. 69 Конституции) — Дзахова Михаила, Коцоева Моисея, Беленького, Халина, Королева и других «бывших»¹. Многие, особенно молодые, добивались восстановления в избирательных правах, именно для того, чтобы почувствовать себя вновь полноценным членом общества.

Тщательные проверки жалоб и заявлений иногда приносили положительные результаты: лишенцы, доказавшие свою лояльность советской власти, оказывались полноценными гражданами страны. Так, на очередном заседании Владикавказской избирательной комиссии из списков лишенцев были исключены Халин Д.И., бывший «служитель религиозного культа, как сбросивший сан диакона в 1920 г. и с того времени непрерывнослужащего советской власти»²; Солнцев П.Е. «как живущий на трудовой доход, несущий общественно-полезную работу»³.

Чтобы лишенец прочувствовал всю тяжесть своего положения и не претендовал на скорое восстановление в правах, ему определялся продолжительный срок вхождения в «новую» жизнь: «Гр. Новоятлову И.А., бывшему пресвитеру общины духовных христиан-молокан, в ходатайстве о восстановлении в правах отказать, как недавно освободившемуся от этой должности»⁴; а бывшего священника Королева Г.М., не только не восстановили в правах, но и продлили этот срок «как бывшему офицеру и священнику»⁵.

Поскольку статьи, предусматривающей наказание за веру в Бога, в советском Уголовном кодексе не было, то людей, преследуемых за религиозность, осуждали по другим статьям (пресловутая 58 — антисоветская деятельность, враждебная агитация, шпионаж) и по уголовным и по бытовым (как-то:

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 2. Д. 9. -95

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д. 9. Л. 335

³ Там же. Д. 23. Л.147

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д.23. Л.430

⁵ Там же. Д.9. Л.394

незаконный промысел, спекуляция). Только в Притеречном округе СОАО в январе 1924 г. было лишено избирательных прав 19 служителей культов и монахинь¹.

Во второй период (1927-1937 гг.) политика репрессий стала носить упорядоченный характер. Кампанейщина сменилась плановым подходом. Этот период связан с построением социализма, в котором нет места врагам и попутчикам, к коим были отнесены религиозные иерархи.

В этой связи усилилось давление на приходы и священство. Духовенство было лишено любой материальной поддержки со стороны государства: прекращались социальные выплаты. Согласно принятому уставу 1929 г., обязанность оплачивать труд церковного причта возлагалась на приходскую общину, которая не могла рассчитывать на пособие от государства².

Содержание духовенства состояло из фиксированного размера жалования и нефиксированного вознаграждения, источником которого являются братские пожертвования, тарелочные и кружечные сборы, плата за исполнение треб. А это во многом зависело от имущественного состояния прихожан.

Наглядно данные явления на примере ряда владикавказских приходов можно проследить по отложившимся архивным материалам. Так, в 1924 г. причту Братской церкви было установлено содержание в 30 руб., из которых на содержание священнику — 25 руб., псаломщику-диакону до 5 руб. в месяц³. Так как священство было причислено к категории предпринимателей, то подоходный налог мог составлять 81% дохода. Этот вопрос решался финансовой инспекцией произвольно, о чем свидетельствуют многочисленные письма членов семей священников, пущенных фининспекцией по миру после ареста священника за неуплату налога и конфискации всего имущества в счет недоплаты. К этому добавлялись следующие

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 51. Оп.2. Д. 7. Л. 286

² Политбюро и Церковь. Кн.2. С. 412

³ ГАНИ РСФСР-А. Ф. 1849. Оп.2. Д. 35. Л. 302

обложения: налог за неучастие в выборах (как лишенцы, служители культа не имели права избирать и быть избранными равно как и служить в Вооруженных силах) и обложение за непризываемость на военную службу. Минимальный размер платы за неслужение в армии равнялся 50% подоходного налога, но не мог превышать 20% общего дохода облагаемого. Постановление 1929 года лишало священников государственной страховки.

Относительно городского духовенства в 1929 году появилось постановление, запрещающее ему проживать в государственных или муниципальных квартирах, если их доход превышал 3000 руб. в год. Требовалось немедленно выселить всю семью священнослужителя¹. Поскольку частный жилой фонд в городах был крайне ограничен, перенаселен, да и мало кто в те годы согласился бы приютить изгоев, семьи священнослужителей владели нищенское существование².

Львиную часть зарплаты забирали многочисленные налоги, но и цены на рынке были высокими: хлеб пшеничный 1 фунт — 5 коп.; сало свиное, 1 фунт — 40 коп.; картофель 1 пуд — 1 руб. 20 коп.; говядина 1 фунт — 20 коп, да и одевать-обувать большие семьи было недешево³. Ситуация не менялась даже в либеральный период взаимоотношений государства и церкви. Жалование было недостаточным: священник получал 500 руб., псаломщик — 300 руб., регент-певица — 300 руб., счетовод-бухгалтер — 250 руб.⁴. Этих денег остро не хватало, и «большинство священников бросило священство и ищет другую работу»⁵.

Коллективизация и раскулачивание серьезно подорвали последнюю материальную составляющую сельских доходов.

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 245; Пospelовский Д. Указ.соч. С. 162

² Власть труда, 1929, 14 мая

³ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 585. Л. 45

⁴ ЦГА РСО-А. ФР 629. Оп.1. Д. 265. Л. 34

⁵ Парտраба в Северной Осетии. Владикавказ, 1925. С.41.

Измученное разными налогами, реквизициями крестьянство, не могло поддерживать приходского священника, делать взносы на церковные нужды. Это не только ослабило приходы, но привело к ликвидации многих из них.

В 1929 году вышел ряд законов, запрещавших любую форму религиозной пропаганды, а Церкви — любую деятельность, кроме отправления культов.

В феврале 1930 г. местные органы получили руководящие указания о борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений, предлагавший поручить административным органам, производящим регистрацию религиозных объединений, провести тщательный социальный отбор в руководящем составе общин, дабы исключить проникновение туда лишенцев и «внутренних врагов»¹.

В 1930 г. по селам Осетии прокатилась волна арестов. Арестованные были представителями разных социальных слоев и групп, но большинство составляли крестьяне, основание для ареста «контрреволюционная деятельность»². Руководитель организации генерал-лейтенант царской армии А. Фидаров обозначил социальную стратификацию отдельных групп населения таким образом: «1. Духовенство к Советской власти и мероприятиям, проводимым ею на местах, относится враждебно, отрицательно. Объясняется это тем, что Советская власть не признает богатство и собственность, т.к. по шариату — обратное. 2. Интеллигенция (бывшие офицеры, чиновники) также относятся к Советской власти отрицательно: именно эти слои лишены избирательных прав, им был закрыт путь на советскую службу. 3. Имущий класс относился к Советской власти враждебно главным образом по экономическим

¹Трагедия советской деревни...С. 357

²Баликоев Т.М., Хубулова С.А. Социально-политическая напряженность в национальных районах Северного Кавказа в конце 20-х годов. //Вестник СОГУ, 1999, №1. С. 115

причинам (кулаки потеряли значительные земельные массивы, были обложены непомерными налогами). 4. Середняки и бедняки — незначительная часть с контрреволюционным прошлым — на почве новых мероприятий Советской власти на селе (хлебозаготовки, создание колхозов, артелей), также относились к Советской власти отрицательно»¹.

Острие классовой борьбы на ниве коллективизации было направлено, в том числе, и против духовенства. «Мы имеем совершенно определенные факты черного террора, участия церкви во всякого рода заговорах против колхозов», — отметил Е. М. Ярославский на Всесоюзной конференции Общества воинствующих материалистов-диалектиков. На прошедшей в 1932 г. XVII партийной конференции был обозначен вектор политической борьбы, направленный на ликвидацию капиталистических элементов в структуре общества, формирование сознательных и активных строителей социалистического общества.

Такая направленность политических устремлений власти стала роковой для религиозных организаций. «Новые люди» советской страны должны были стать атеистами. И. В. Сталин заявил, что «чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»². Нарастает новая волна репрессий, которая лишила приходы тысяч священнослужителей, обвиненных в антисоветской, подрывной деятельности. Об этом

¹ Цит. по: Атаев Р. А. Власть и крестьянство Северной Осетии в 1921-1927 гг.: формирование новых социальных реалий: автореф. дисс... канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. Владикавказ, 2008. С. 19

² <http://inethub.olvi.net.ua/ftp/library/traum/ru> (дата обращения 10.02.2012 г)

свидетельствуют нижеприведенные статистические данные второй половины 30-х годов.

Таблица 1

Репрессии в отношении духовенства по СССР (1937-1941 гг.)¹

Дата	Всего осуждено	В том числе к расстрелу	Из них церковников и сектантов	
			всего осуждено	в том числе к расстрелу
1 октября — 31 декабря 1937 года	13314	3247	1667	ИЗО
1 января — 1 июля 1938 года	2252	467	83	68
Октябрь — ноябрь 1938 года	1027	330	нет данных	
1939 год	750	4	10	—
1940 год	1080	—	84	—
1941 год	1290	69	77	11
ВСЕГО	19713	4117	1921	1209

Так как в законодательных документах не было статьи за веру, то поводы были разные: за «невыполнение наложенных государственных обязательств», «систематическую антисоветскую агитацию». Оперативный приказ Наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 0044730.07.1937 г.) определил механизмы и масштабы репрессий «антисоветских элементов». В перечень лиц, подлежащих репрессиям, вошли и церковники. По некоторым данным, только в 1937 г. в Осетии было репрессировано 17 служителя православной церкви.

Государство на этом не остановилось, оно перешло к физическому уничтожению религиозных лидеров.

¹ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Rat/04.php (дата обращения 17.05.2013 г.)

Самым расхожим было обвинение по 58-й статье за антисоветскую агитацию, контрреволюционную деятельность, выступления против колхозов и пр. Верующие обвинялись в защите интересов духовенства, хранении религиозной литературы. В ряде случаев с мирянами обращались более жестко, нежели со священнослужителями.

Таблица 2

**Количество расстрелянных граждан СССР за связь с религией
1928-1937 гг.1**

Годы	Количество расстрелянных
1928	500
1930	2500
1937	85330

Процесс репрессий достиг своего апогея в 1937 г., когда расстреливались не только священники, но и прихожане, члены их семей.

Северная Осетия не только не избежала колеса репрессий, но репрессии здесь были сильнее, чем во многих регионах страны², т.к. был репрессирован каждый третий гражданин Северной Осетии.

Дело было поставлено на конвейер. В отчетах о деятельности органов госбезопасности в Северной Осетии постоянно приводились факты борьбы с организованными шпионскими религиозными группировками: «Мы арестовали немецкого пастора, доказано, что он резидент контрразведки. Мы арестовали две группы попов и монашек, ведущих широкую разветвленную контрразведывательную работу, как в городе, так и в станицах нашей республики. Мы арестовали епископа, который вел большую контрреволюционную разложенческую работу, как в нашей республике, так и по другим городам Се-

¹ Маленков В. В. Государство и церковь на Дальнем Востоке России (1917-1937). Южно-Сахалинск, 2004. С. 109.

² Царикаев А. Т. Указ.соч. С. 190-198.

верного Кавказа. Мы арестовали актив баптистов — 6 человек, которые вели разложенческую контрреволюционную работу, имея связь с за кардоном...»¹.

Весьма печальная судьба осетинского священника Х. Д. Цомаева². Выпускник Ардонской духовной семинарии, он ряд лет служил в Церкви Рождества Богородицы. В годы гражданской войны спас от расстрела нескольких керменистов, захваченных полковником Беликовым³. В 1925 г. снял с себя сан священника, активно сотрудничал с Наробразом и издательствами местных газет, занялся переводческой деятельностью, им переведено 19 книг (среди них «Герой нашего времени», «Человек в футляре», «Десять дней, которые потрясли мир» и т.д.). Несмотря на лояльность к новой власти, он был лишен избирательных прав как бывший священник: «Принимая во внимание, что общественно-полезная работа гр. Цомаева Х. фактически начата им с конца 1925 г., т.е. с момента снятия с себя сана священника, и что в данном случае стаж его общественно-политической работы в государствен-

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп.1. Д. 69. Л. 107

² Цомаев Харлампий (Хазрет) Дмитриевич, 1875 г.р. дважды судимый. С 1905 г. являлся благочинным церковью 10 благочинного округа. С 1910 по 1925 г. служил священником церкви Верхне-Осетинской слободки. В 1919 г. получил чин протоиерея. В 1925 г. после снятия сана священника Х. Цомаев начал заниматься литературной деятельностью. Первый раз был привлечен к уголовной ответственности в 1933 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду, т.е. по ст. 58-10 УК РСФСР и, просидев 10 месяцев под следствием, был судом оправдан. Второй раз Цомаев арестован 10 сентября 1936 г. ОО УГБ УНКВД по СОАО за «контрреволюционную деятельность в Сеосетиноблализдательстве». Осужден Орджоникидзевским Крайсудом по Спецколлегии 29 апреля 1937 г. по ст. 58-10 ч.1. УКРСФСР к 10 годам лишения свободы. 28 декабря 1937 г. по постановлению Тройки НКВД СОАССР приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение 29 декабря 1937 г. По постановлению Верховного суда СОАССР от 12 ноября 1955 г. Х. Д. Цомаев реабилитирован.

³ НА СОИГСИ. Фонд филология. Оп.1. Д.609. Л. 13.

ных и советских учреждениях небольшой, — говорилось в решении заседания Северо-Осетинской избирательной комиссии, — в просьбе о восстановлении отказать»¹. После долгих разбирательств, 18 декабря 1925 г. он был восстановлен в избирательных правах. Однако уже в начале 1927 г. вновь стал лишенцем, и лишь после вмешательства видных партийных деятелей восстановлен. Последний раз арестован в сентябре 1936 г. В апреле 1937 г. осужден по ст. 58, п.10. ч.1 УК за контрреволюционную деятельность. Приговорен к высшей мере наказания².

Репрессии осуществлялись не только против православного духовенства, но и представителей других конфессий. Очередной жертвой продуманной акции в отношении католического духовенства стал глава римско-католической общины Владикавказа.

Ксендз римско-католической общины А.К. Червинский был арестован 2 декабря 1936 года и обвинен в создании и руководстве «контрреволюционной, фашистской, националистической и террористической группировкой». По приговору Военного трибунала от 1 ноября 1937 года был осужден к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. 27 мая 1958 года Военной коллегией Верховного суда он был реабилитирован³. По делу проходили также Э.К. Червинская, И.И. Рот — служитель религиозного культа римско-католического вероисповедания, Б.К. Блехман, В.С. Обухович — органист римско-католического костела. В приговоре сказано: «Подсудимый Рот И., являясь по своим убеждениям противником Советской власти, связался с агентурой фашистско-шпионских организаций одного ино-

¹ НА СОИГСИ. Ф.1. Д. 610. Л.14

² Там же. Д. Д. 610, 611, 613.

³ В 2001 г. в Новосибирске по инициативе католической церкви отмечался Всероссийский день памяти мучеников XX века. Среди тех, кто рекомендован к беатификации (прославлению) — и Антоний Червинский./Северная Осетия. 2000, 1дек.

странного государства. Занимался шпионской деятельностью»¹.

Аналогичный процесс был возбужден против проживавших во Владикавказе греков. 16 декабря 1937 года арестована группа владикавказских греков, среди них — директор греческой школы Ф. Д. Левантидис, священник греческой церкви А. С. Какулиди. За недоказанностью обвинения в организации контрреволюционной шпионской деятельности священник был освобожден и эмигрировал с семьей на родину в Грецию².

В середине 30-х гг. по стране прошло несколько громких политических процессов, связанных с разоблачением «шпионской деятельности» немецких поселенцев. Под видом «борьбы с фашизмом» режим начал мощное наступление на всякое проявление национальной специфики: преследования на религиозной почве, запреты на национальные традиции и т.д.

Были репрессированы лютеранские пасторы, в том числе и во Владикавказе-Орджоникидзе. В обвинительном заключении по делу лютеранских пасторов Юргенса и Геросянца было отмечено, что они широко применяли следующие тактические приемы: «широкое использование в контрреволюционных целях евангелическо-лютеранских религиозных общин; активное привлечение к антисоветской работе руководителей этих общин и религиозного актива; стремление оторвать немецкую молодежь из-под влияния комсомольских организаций и втянуть ее в религиозные общины...»³.

Мусульманские общины (1312 мечетей с 35947 верующими) страны имели духовный центр в г. Уфа⁴. В конце 1920-х гг. набирал силу и процесс репрессий среди мусульманских религиозных деятелей, «с контрреволюционной частью му-

¹ Архив УФСБ по РСО-Алания. Д. 3302. Л. 1.

² Шахбазов В. А. Греки Владикавказа. Мин-Воды, 1999. С. 129

³ Терещенко А. Г., Черненко А. Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ростов/Д., 2003. С.172; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.4. Д.806. Л.1-2

⁴ Емельянова Н. М. Ислам в Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2010. С. 176

сульманского духовенства через соответствующие организации, не останавливаясь перед применением репрессивных мер судебного и внесудебного характера»¹. Так, на совещании представителей национальных республик был прямо поставлен вопрос «о выработке конкретных мероприятий по усилению антирелигиозной борьбы с влиянием мусульманского духовенства»². Член Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б) М. А. Кундухов, характеризуя антирелигиозную работу в национальных областях Северного Кавказа, поставил вопрос о необходимости решения проблемы по мечетям, которые «эксплуатируют труд верующих крестьян»³. Дело не ограничилось лишь призывами: в конце 1920-х гг. началось разрушение мечетей в осетинских селах. По данным Н. Емельяновой, в 1930 году вс. Чикола (Вольно-Магометановское) не осталось ни одной действующей мечети. Во Владикавказе было до революции две мечети. Суннитскую мечеть ждала та же участь, что и многие духовные заведения, но спасло то, что «здание как по своей архитектуре, так и по художественному письму является редким не только в пределах Северного Кавказа, но и в пределах СССР, и представляет из себя большую художественно-архитектурную ценность.»⁴. Поэтому местные власти постановили использовать здание для организации антирелигиозного музея⁵. Худшая участь постигла шиитскую мечеть, которую на время строительных работ моста через р. Терек «использовать для нужд указанного строительства, а за-

¹ Сулаев И.М. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917-1991 гг.): автореф. дисс...докт.ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. Махачкала, 2009. С. 46

² ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. М., 2005. С. 502.

³ Кундухов М. А. К итогам краевого безбожного съезда. // Революция и горец. 1929. № 7-8. С.27.

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д. 27. Л. 26

⁵ Хубулова С. А. Весь мир — мой храм. Владикавказ, 2005. С. 105

тем снести в соответствии с планом реконструкции города»¹. При этом власти допускали оскорбления чувств верующих, нападкам подвергались муллы и хаджи².

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 января 1933 года ориентировало партийные кадры на активное уничтожение контрреволюционных элементов «путём заключения в концлагеря на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них»³.

Итак, массовые политические репрессии против духовенства начались именно в конце 20-х годов. Самые авторитетные религиозные деятели подлежали либо ссылке, либо физическому истреблению.

В 20-30-е гг. церковь оказалась неудобной. Это было началом конца былой мощи и силы религии в российском обществе. Сильное давление новой власти на религиозные учреждения наглядно характеризует выдержка из письма рядового священника на имя благочинного П. Свавицкого (настоятеля 9-го округа Владикавказской епархии): «У нас дела плохие: царит большевизм. Прожил день и Слава Богу! Духовенство с кафедры должно только восхвалять большевиков, а говорить что-либо другое предписано большевиками духовенству строго-настрою. Наша служба стала такая — живи да оглядывайся»⁴.

К октябрю 1939 г. в стране осталось всего несколько десятков церковных иерархов, основная масса духовенства была устранена от богослужений, значительная часть — репрессирована.

И все же РПЦ и другие религиозные конфессии России выстояли — за счет компромиссов и подчинения властям,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 629. Оп.2. Д. 32. Л. 45

² Емельянова Н. М. Указ.соч.

³ См.: Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 46.

⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Д. 440. Л. Л. 115-115об

исполнения властной воли. В церкви также изменили методы работы среди населения. Старый архиерей был заменен более активным, который выступает в церквях с докладами. После службы он выносит «от имени Москвы и Ростова благодарность верующим за посещение церкви» и предлагает молиться за людей, не посещающих храм. Из духовной академии стали специально приезжать студенты, которые выступали с докладами на тему: «Может ли современный интеллигент верить в божество Иисуса Христа».

Итак, в 20-30-х годах XX века в результате социалистической модернизации менялся экономический уклад, политика и идеология. Марксистско-ленинские идеологические постулаты должны были вытеснить устоявшееся миропонимание. Предполагалось в короткое время изменить мировоззрение не только молодых, но и зрелых людей, воспитанных на религиозных догматах. Большевики активно пытались внедрить в сознание людей пролетарскую революционную идеологию, пусть даже карательными мерами. Храмы не просто закрывались (что давало пусть даже слабую надежду на их возрождение), их разрушали, из строительных материалов строились партийные учреждения, детские сады, промышленные здания и т.д.

Православное священство подверглось репрессиям, паства практически осталась без наставников, на этой почве произрастало сектантство.

ГЛАВА 2. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В 1920-1930-е ГОДЫ: ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ

2.1. *Изъятие церковных ценностей из православных храмов Северной Осетии*

В отечественной историографии достаточно подробно исследованы причины, механизм репрессий советского государства в отношении религии и верующих в межвоенный период¹. Наряду с процессом отделения церкви от государства религиозное пространство РПЦ сокращалось в ходе изъятия церковных ценностей весной 1922 года². В это время был запущен механизм идеологических перемен, касающихся выбора основных духовных ценностей и формирования своеобразного восприятия действительности.

Для того чтобы ослабить социально-духовную роль РПЦ, власть постаралась лишить храмы экономического могущества, изъяв представлявшие какой-либо материальный интерес церковные ценности. Кампания по изъятию ценностей явилась крупнейшей антирелигиозной акцией, существенно ослабившей социальный статус Русской православной церкви, духовенства, способствовавшей устранению религии из общественного сознания³.

Создаваемая большевиками идеологическая модель способствовала постепенному и насильственному устранению церковного влияния во всех сферах жизни советского общества.

¹ Регельсон Л. Трагедия русской церкви 1917-1945. М., 2007. 218 с.; Лобанов П. П. Патриарх Тихон и советская власть (1917-1925гг). М., 2008

² Захарова Л. Б. Патриарх Тихон и духовенство в 1921-1922 гг. как защитники русской церкви и православных традиций. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012, №10-1. С.89

³ Слезин А. А. За «новую веру»: Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009

Объективные трудности, связанные с голодом 1921 г., удачным образом помогли большевикам направить напряжение в обществе против храмов, в которых предполагались неисчислимые богатства, необходимые для закупки зерна и продовольствия за границей. В проправительственных изданиях все чаще появляются статьи, в которых весьма прозрачно намекают на хранящихся в православных храмах богатства, которые могут быть использованы для помощи голодающим¹. Власти рассчитали, что переживаемые страной трудности — голод и отсутствие средств — могут стать весомым поводом для усиления антирелигиозной пропаганды.

Широкой и агрессивной кампании 1922 г. предшествовал ряд подготовительных шагов.

«Красногвардейской атаке» владикавказских властей подверглись прежде всего Свято-Троицкий и Покровский монастыри. Конфискация монастырских имуществ носила сложный и даже драматический характер. Институт монашества, существовавший в России многие века, усилиями большевиков был разрушен в несколько лет. Предполагалось, что деятельность монастырей, в том числе и владикавказских, может продолжаться в случае возбуждения ходатайства общинами верующих и обязательствах по содержанию храмов. Члены монастырских общин оказались выдворены из своих кельей.

27 декабря 1921 года был обнародован Декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях». Декрет касался судьбы «колоссальных ценностей, находящихся в церквях и монастырях», и все имеющееся имущество распределялось на три части: 1. Представляющее историческую и художественную ценность; 2. Представляющее интерес для Гохрана РСФСР; малоценное имущество, пригодное для отправления культа в храмах².

Очередным шагом, подрывавшим экономическую незави-

¹ Коммунист, 1922, №8. С. 31

² Изъятие церковных ценностей в Москве. М., 2006. С. 143

симось РПЦ, стало постановление ВЦИК от 2 января 1922 г. «О ликвидации церковного имущества», по которому ценное имущество, не имевшее историко-художественную значимость, подлежало передаче в Гохран¹.

Таким образом, рядом предварительных акций была создана законодательная база для изъятия ценностей из закрытых монастырей и заложены основы для их изъятия из действовавших храмов, в т.ч. в бывших монастырях. Раннесоветский период для православной церкви был трагичен, духовенство сосредоточило свои усилия на борьбе за выживание и сохранение влияния церкви в обществе, несмотря на все создаваемые препоны. Так, собрание духовенства и мирян Владикавказской епархии обсуждало предложение Преосвященнейшего Макария об определении однообразия в разделе братского дохода духовенства; об обеспечении священников епархии определенным содержанием и об устранении препятствующих исполнению прямых обязанностей; о возможности для пастырей совершать богослужения вне храма. В резолюции собрания записано: «В установлении однообразия в разделе братского дохода духовенства руководствоваться определением по сему вопросам Священного собора; рекомендовать приходским советам всех церквей епархии обеспечить священников определенным содержанием путем подушного, семейного, домашнего самообложения»².

Главным источником содержания клира и духовных учебных заведений являлись поступления от свечного завода в размере 200 тысяч рублей, обложение монастырей и часовни, домов, принадлежавших архиерейскому домоуправлению, а также сбережения, хранимые в банках, на общую сумму 395639 рублей, которые в результате национализации церков-

¹ Говорова И. В. Изъятие церковных ценностей в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дисс...канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. — М., 1996

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 372. Л. 38

ной собственности были изъяты¹. Это еще более усугубило материальное положение православных храмов и духовенства Владикавказской епархии.

Другим источником пополнения церковной казны являлось отправление церковных таинств. Но и эта статья дохода отпала. 18 декабря 1917 г. постановление Совнаркома установило гражданский брак единственной юридически признаваемой формой брака².

Очередной удар по материальному благополучию епархии был нанесен в 1922 г., во Владикавказе прошла волна муниципализации недвижимости. Среди прочих были включены в городскую собственность Соборный дом, духовные учебные заведения. Пострадали также католический храм, армянская церковь, синагога. Последняя без каких-либо объяснений закрыта и здесь размещен детский дом.

«Слишком много церквей во Владикавказе, — сетовали в антирелигиозной комиссии. — Количество верующих все уменьшается, а количество церквей продолжает оставаться прежним. Между тем для оставшихся верующих достаточно было бы одной-двух церквей, остальные же необходимо закрыть и использовать на культурно-социальные нужды трудящихся»³. Началось «уплотнение» религиозных общин. Например, Константино-Еленинскую общину перевели в Ильинскую церковь, мотивируя это тем, что «несмотря на неоднократные предложения о ремонте церковного здания, ремонт не производился, тем самым община допустила ухудшение технического состояния здания, чем нарушила ст. 43 постановления ВЦИК РСФСР от 8 апреля 1929 года, поэтому заключенный договор с указанной общиной на арендное пользование культздания считать расторгнутым»⁴.

¹ Терский казак, 1918, 6 июля

² Декреты Советской власти. Т.1. С. 247-249

³ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 4. Ч.1. Л. 263

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.1. Д.162. Л.75

Официальной причиной проведения изъятия церковных ценностей стал сбор средств в пользу голодающих из тридцати четырёх губерниях России¹. Голод был вызван как жестокой засухой, так и антигуманной политикой продразверстки, подорвавшей основы сельского хозяйства страны².

К маю 1922 года количество голодавших составило около 20 миллионов человек, несколько миллионов скончалось, в газетах отмечены факты людоедства. Страну охватили восстания крестьян, рабочих, советская власть оказалась в трудном положении, т.к. главная опора большевиков зашаталась³. Нужно было срочно искать виновных и средства для снятия социального напряжения. Выход был найден блестяще — в лице РПЦ убивалось сразу два зверя.

В опубликованном 23 февраля 1922 г. Декрете «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим» всем местным советам было предложено «немедленно изъять из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы НКФина со специальным назначением в фонд ЦК Помгол»⁴. Конфискация церковных ценностей, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа», согласно Декрету, объяснялась потребностями помощи голодающим, хотя церковь одной из первых откликнулась на начавшийся голод⁵.

¹ Тимошина Т. М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2010, С. 237

² Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). СПб., 1997. С. 328

³ Об этом: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... Т.1.

⁴ Васильева О. Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40

⁵ Шмелев Г. М. Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 года. // Вопросы истории, 2003, №11. С. 41

Общее руководство подготовкой кампании возложено на Л. Д. Троцкого, который вместе с В. И. Лениным должен был подвести идеологический фундамент под операцию по изъятию ценностей¹. Троцкий был настроен к РПЦ крайне враждебно, тем более что с конфискованных богатств в ведомство Троцкого, руководившего Народным комиссариатом по военным и морским делам, перечислялось 5%². Значительные средства, как убедительно доказано исследователями, шли далеко не на поддержку голодающих, а совсем на другие цели³.

Церковь первой стала искать пути спасения голодающих, Патриарх возглавил Комитет помощи голодающим и 17 августа 1921 г. направил руководству страны письмо, в котором сообщал: «Православная Церковь никогда, ни при каких обстоятельствах, не проходила безучастно мимо постигавших русский народ бедствий. Так и ныне, при надвинувшемся на значительную часть России голоде, Церковь должна и приложит все свои усилия к облегчению участи страдающего от голода населения»⁴. Однако только 9 декабря ВЦИК разрешил Церкви заниматься сбором пожертвований под руководством государственного Помгола.

Духовенство, миряне собирали деньги, продукты питания. Из канцелярии Патриарха 19 февраля 1922 г. было разослано

¹ Фирсов С. Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. №1. С. 205

² Орловский Д., игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001

³ Васильева О., Кнышевский П. Бриллианты для диктатуры пролетариата // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 8. С. 28; Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. №. 8. С. 43-45; Пospelовский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 103

⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994

специальное послание духовенству и верующим, призывавшее жертвовать не только личные средства, но также церковную утварь и украшения, не имеющие важного богослужебного значения. Это обстоятельство сразу же нашло поддержку и понимание не только в среде верующих, но остального населения страны, повысило авторитет церкви наперекор негативной пропаганде.

То обстоятельство, что религиозные организации стали во главе кампании по оказанию помощи голодающим, выступали с популистскими инициативами, сильно обеспокоило власть придерживающих. Власти оказывались перед угрозой нового революционного подъема, нужно было взять инициативу в свои руки и переложить ответственность за кризисную ситуацию на плечи духовенства, представив дело таким образом, чтобы иметь возможность расправиться с ним под знаком борьбы с его сопротивлением.

Чтобы конфискация имела результат, планировалось образовать на местах комиссии, состоявшие из представителей местной администрации, которым предоставлялись полные описи имущества религиозных общин. В районах в комиссии входили представители финотделов и помголов¹. Конфискационные комиссии руководствовались специальной инструкцией, в которой были прописаны условия производства работ по изъятию и их правильность. Исследователи считают, что издание этого руководства была вызвана неправомерными действиями местных властей, зачастую не позволявшими вольности и самоуправство².

С весны 1922 года продовольственное положение Горской Республики стало катастрофическим. На заседании областного комитета РКП (б) 6 марта 1922 года с тревогой сообщалось,

¹ Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917-1941. М., 1996; Революция и церковь. М., 1922. №1-3. С.57-58.

² Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917-1945. Париж, 1977. С. 278-279; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России 1917-1945. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 251-252

что голодом уже охвачены правобережная часть Осетии, Ингушетии, часть Чечни и горные районы республики — всего около 150 тысяч человек. Ложные слухи об «изобилии» хлеба привели сюда голодающих с Поволжья, Ставрополя, Дагестана и др. мест, что еще более усугубило положение. 22 апреля 1922 года председатель Совнаркома ГАССР С. Г. Мамсуров направил в адрес народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина телеграмму: «Хозяйственное и продовольственное положение Республики мрачное... Наступил голод, свыше 70 смертей на этой почве. Небывалый рост грабежей все усиливается, принимаемые путем крайнего напряжения чрезвычайные меры борьбы с грабежами и хозяйственной разрухой из-за отсутствия средств не дают заметных результатов»¹.

Помощь голодающим носила нередко принудительный характер. Как следствие, произошло падение прожиточного уровня. Несмотря на то, что только с февраля по март 1922 г. цены увеличились на 100%, население региона страдало от дороговизны, продналог, снятый с голодающего Поволжья, был распределен и на ГАССР. На заседании Совнаркома ГАССР 10 марта 1922 года было рассмотрено продовольственное положение в Северной Осетии. Оно оказалось крайне тяжелым — голодало уже 25% населения: в Унальском приходе — 438 человек, Зарамагском — 49 дворов, Мизурском — 50 дворов, Тибском — 94 двора².

Горская облкомиссия Помгола и районные комиссии взаимопомощи поначалу ограничивали свою роль агитационной работой — митингами и собраниями, однако вслед за выходом декрета была развернута мощная агитационная кампания, в ходе которой верующим разъяснялось, что конфискация не есть борьба с религией, а лишь оказание помощи страждущим и нуждающимся. В результате циничной по своей сути опе-

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 81. Оп. 1. Д. 21. Л. 3

² ЦГА РСО-А. ФР. 50. Оп. 1. Д. Д. 82-83

рации власть решала сразу несколько задач — конфисковать церковные реликвии и ценности, обвинить церковь в бездействии, настраивать население против церкви, требовать сурового наказания для священников за сопротивление политике партии, создать видимость заботы о голодающих и таким образом укрепить пошатнувшееся влияние советской власти в массах.

Горский обком РКП (б), разработавший план проведения кампании в целом и осуществлявший контроль за его исполнением, также не остался в стороне от генерального курса. 16 марта 1922 г. при ГорЦИКе была сформирована комиссия по изъятию церковных ценностей всех конфессий (председатель — К. Борукаев), с включением в ее состав представителей Горблпарткома, ЧК, милиции, Совнаркома и Помгола. А для того, чтобы создать видимость лояльного отношения к церкви, в состав комиссии включили протоиерея Малиновского.

Комиссия фактически самостоятельно запускала механизм конфискации: определяла время, организовала работу отделов агитпропа, поскольку именно их деятельность обеспечивала беспрепятственное проведение кампании. В этой работе комиссиям помогали окружкомы, решавшие проблемы, возникавшие в процессе: сопротивление изъятию, укрывательство церковных ценностей и др.

А проблем было достаточно. Декрет был встречен неоднозначно. Общество раскололось на тех, кто признавал правомерность изъятия, и тех, кто готов был жертвовать своим имуществом, но не церковным.

Первые, умело подготовленные советской пропагандой, считали необходимым лишить храмы их ценностей. Передовицы местных газет пестрели лозунгами типа «Мечеть и церковь пойдут впереди всех и у нас в ГорРеспублике в деле умаления страданий человека».

На очередном заседании Пленума Владикавказского исполкома была вынесена резолюция: «Церковные ценности совет

считает собственностью трудового народа, а потому право последнего распоряжаться ими по его твердому убеждению может принадлежать только рабочим и крестьянам в лице органов их власти. Совет находит необходимым немедленно положить конец контрреволюционной агитации реакционного духовенства против изъятия...». Далее власть подогревает настроение обывателя: «Совет обращается к мирному населению не слушать подлых шептунов, врагов миллионов голодающих и призывает поддерживать революционную власть, проводящую изъятие — дело спасения умирающих братьев»¹. На призыв откликнулись представители разных профессий: металлисты, горняки, крестьяне, кожевники, интеллигенция². Так, рабочие завода «Алагир» единогласно постановили «немедленно же изъять ценности и выразили твердое решение, что в случае оказания с чьей бы то ни было стороны противодействия, они, рабочие, как один станут в защиту и собственными руками произведут изъятие»³. 1-го мая курсанты и некоторые союзы на демонстрации прошли под лозунгами «Церковные ценности — народное достояние!», «Верните народу ценности!», «Церковные ценности для спасения жизни миллионов голодающих!»⁴.

Компания началась во Владикавказе, т.к. в архисекретном документе Комиссии по учету и сосредоточению ценностей было особо отмечено, что «изъятие ценностей производить в первую очередь в городских церквях, начиная с наиболее богатых. К церквям в крестьянских бедных приходах относиться с осторожностью и тщательно выяснив всю обстановку»⁵ Религиозные общины предоставляли ризничные описи имущества храмов, а оценочная комиссия определяла ценности тех или иных конфискуемых предметов⁶.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 112. Л. 43

² См.: Горская правда, 1922, 4, 13, 26 мая

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 1. Л. 155 об

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 127. Л.6

⁵ Архивы Кремля...Книга 2. С. 77

⁶ Кедров Н.Г. История общины верующих при церкви Вознесения

Следом приступили к изъятию ценностей в сельских храмах. Вот перечень тех церковных предметов, которые были конфискованы в селах Хумалаг и Дарг-Кох: «Шашка серебряная, дискос серебряный, риза, дарохранильница металлическая, рюмка медная, чашка Фраже, ковер персидский, колокол — 2 пуда, подсвечник медный, лампада медная, нарукавники, дорожки парчовые, блюдо серебряное, скатерти шелковые, разные куски от ризы, крест серебряный»¹.

Местное духовенство, религиозные общины активно включились в компанию по оказанию помощи голодающим. Священники во время богослужений просили жертвовать на тарелку приходских общин, а также в специальные кружки. Активисты общин ходили по домам прихожан, государственным учреждениям. Священники взяли на себя обязанность проведения разъяснительной работы среди верующих по данному вопросу. В беседах с верующими упор делался на том, что «процесс изъятия из храмов ценностей для оказания милости страждущим не есть оскорбление церкви и верующих, но является долгом каждого верующего»².

Пример показывало и местное духовенство. Священник Борисов обратился с воззванием «Не могу не присоединиться к многим высказываниям за выдачу всего церковного богатства для обмена на хлеб. Если мы воистину последователи Христа, который сжалился над проголодавшимися, и насытил их хлебом, неужели мы не последуем Его примеру и не обратим бездушный металл в хлеб?»³. А настоятель Вознесенской церкви священник Королев, призвав прихожан добровольно сдать ценности в пользу голодающих, снял свой личный наперсный серебряный крест⁴.

Господня в Устюжне (1919-1939 гг.) // Устюжна. Краеведческий альманах. Выпуск IV. Вологда. 2000. С. 118-119

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 53. Оп.1. Д. 78. Л. Л. 3, 4

² Власть труда, 1925, 12 февр.

³ Горская правда, 1922, 21 марта

⁴ Горская правда, 1922, 8 мая

15 апреля было проведено собрание православного, мусульманского, иудейского духовенства по обсуждению постановления ВЦИК. Докладчик, председатель Горисполкома М. Пантюхов, отметил, что часть духовенства не поддерживает идею изъятия ценностей из храмов. На собрании выступил ряд ораторов, после чего было принято вполне лояльное решение. В нем, в частности, отмечалось, что «пастыри церкви всех культов города Владикавказа совместно с представителями центральной комиссии ПомголаГАССР и ответственных советских работников считают своим долгом прийти на помощь голодающим беженцам, пожертвовав на это часть церковных ценностей»¹.

На призыв РПЦ откликнулись и представители других вероисповеданий. К сектантам обратился Союз христианских религиозных общин и групп Кавказа и Дона с призывом: «Мы, сектанты различных религий, представляем собой мощную духом творчески-трудолюбивую силу, которая ныне должна выявить себя в бурном потоке добровольных пожертвований, для нужд братьев, пострадавших от неурожая»². Не остались в стороне и мусульмане города. В начале мая проходил один из значимых праздников — Айде-Фитр, который предполагал сбор религиозного налога (Фитр) для расходов на угощения и подарки. Глава мусульман города Рахимкулов обратился к верующим: «Сокращайте свои личные расходы на это торжество и жертвуйте в пользу голодающих»³.

Анализ архивного материала приводит к выводу, что большинство верующих восприняли спокойно изъятие церковных ценностей, т.к. в развернувшейся акции была очевидной благородная цель — помощь голодающим. Серьезных столкновений верующих с властью не происходило. Этому способствовала широкая пропагандистская кампания в прессе.

¹ Там же.

² Там же.

³ Горская правда, 1922, 9 мая

С 15 мая по 2 июня 1922 года в 19 храмах Владикавказа и Змейской станичной церкви было изъято 11 пудов и 33 золотника золота и серебра:

Таблица 3

**Кампания по изъятию церковных ценностей
во Владикавказской епархии¹**

Наименование церкви	Пуды	Фунты	Золотники
Кафедральный собор	1	34	53
Старый собор	-	12	72
Осетинская	-	31	28
Армянская	-	1	33
Братская	-	31	6
Греческая	-	4	71
Вознесенская	-	16	91
Покровский женский монастырь	-	3	50
Римско-католический костел	-	1	70
Лютеранская	-	4	22
Грузинская	-	4	79
Петропавловская	-	9	41
Константино-Еленинская	1	8	45
Линейная	2	12	50
Иверская	-	24	76
Георгиевская (осетинская)	-	2	88
Троицкий мужской монастырь	-	4	27
Старообрядческая	-	4	10
Еврейская синагога	-	6	12
Церковь ст. Змейской	-	13	66

Центр негодовал по поводу скромных поступлений дорогостоящего церковного инвентаря из Владикавказской епархии, торопил скорее завершить изъятие: «Предложить Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей закончить изъятие к 10 июня. Разрешить комиссии производить обмен церковных предметов в самых необходимых случаях,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 155. Л. 39.

при условии представления взамен соответственного количества и качества ценностей с особого разрешения в каждом отдельном случае»¹. Основные задачи кампании в регионе не были реализованы: не удалось извлечь из храмовых хранилищ планируемого количества ценностей.

Примерно такая же ситуация сложилась в некоторых малочисленных епархиях страны. Так, в Астраханской епархии за тот же отрезок времени из 21 городского храма было собрано 26 пудов 30 фунтов 16 золотников и 19 долей церковных ценностей². Среди конфискованной утвари золота было очень мало. Но в целом по стране результаты были впечатляющими: золота — 17 пудов 36 фунтов 32 золотника 86 долей; серебра — 16518 пудов 19 фунтов 54 золотника 16 долей; меди — 62 пуда 36 фунтов 3 золотника 3 доли; платины — 8 золотников; золотых вещей — 2 пуда 16 фунтов 37 золотников; серебряных вещей — 31 пуд 10 фунтов 43 золотника; золотых монет — 2025 руб.; серебряных монет — 923 руб. 42 коп.; жемчуга — 1 пуд 21 фунт 53 золотника 54,5 доли; драгоценных камней — 1 пуд 13 фунтов 42 золотника 1 доля³. Конечно, на часть собранных ценностей за границей закупали хлеб для голодающих, что стало спасением для сотен тысяч нуждающихся. Так, в 1922 г. в Северную Осетию из Москвы было направлено около 2 млн. руб. для оказания помощи как местным жителям, испытывавшим тяготы засухи, так и многочисленным беженцам из Поволжья, разместившимся по селам Осетии⁴.

Несомненно, помощь спасла жизни многим голодающим,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 94. Оп. 1. Д. 65. Л. 122.

² Сколота Р.В. Кампания по изъятию церковных ценностей. 1922-1923 гг.: борьба с голодом и церковью (по материалам Астраханской области)//Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011.№3. С.27.

³ Захарова Л. Б. Отношения власти и церкви в начале 1920-х годов: кампания по изъятию церковных ценностей. //Вестник Самарского ГУ, 2013, №2. С. 65.

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 35. Л.9.

однако все же надежд на кампанию было больше. Кроме того, стало известно, что значительная часть конфискованных богатств ушла не по назначению¹, и это обстоятельство было использовано противниками конфискации в агитации среди верующих. Среди вопросов, задаваемых на собраниях, граждан интересовало: «В помощи в борьбе с голодом много не доверяют, дойдет ли до голодных собранное, хорошо было бы, если бы знали определенно кому дают, т.е. приписка какой деревни к учреждению или же сколько человек могут кормить, чтобы точно знать губернии, уезды, деревни, имена...»².

Большой спрос был с православного клира, который сетовал на чрезмерность обложения. Православное духовенство просило комиссию по изъятию подтолкнуть духовенство других культов, которые «до сих пор проявляют полную индифферентность, тогда как русское духовенство пожертвовало уже около 35 серебра»³. В мечетях особых ценностей не было, а то, что все же представляло какой-то интерес «предлагалось не трогать по политическим соображениям»⁴.

Наряду со сторонниками, у данной компании имелось немало противников.

Часть духовенства поддержала патриарха Тихона в его борьбе с изъятием ценностей, оказала сопротивление. 7 марта 1922 года на совещании благочинных, поддержавших Тихона, после оглашения воззвания патриарха обсуждался вопрос об организации сопротивления изъятию церковных ценностей. По некоторым благочиниям Владикавказской епархии были проведены совещания приходских советов и собрания верующих, на которых зачитывалось воззвание патриарха, велась антисоветская агитация, верующих призывали не поддерживать мероприятие. На собраниях прихожан выносились ре-

¹ Архивы Кремля... Книга 2. С. 279

² Архивы Кремля. Книга 2. С. 111

³ ЦГА РСФСР-А. ФР.41. Оп.1. Д.24. Л.25

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР.41. Оп. 2. Д. 1. Л. 8

шения сопротивляться конфискации ценностей, а в качестве компромисса заменить их либо продуктами питания, либо деньгами, либо церковными вещами, не представлявшими исторической и культурной ценности. Приходские общины считали, что они вправе распоряжаться по своему усмотрению церковным имуществом, переданным им в бесплатное пользование, поэтому могли выставлять свои условия конфискационным комиссиям.

Вот характерная зарисовка: 30 апреля в Доме профсоюзов собралась беспартийная конференция верующих, на повестке которой стоял вопрос о помощи голодающим путем изъятия церковных ценностей. «Кучки торговков, торговцев, домовладельцев, спекулянтов бросали фразы «не давать церковного золота», «я все отдам, отдам даже себя на расстрел, но не допущу до того, чтобы Христа раздевали». Одна из делегатов призывала присутствующих поддержать ее предложение против изъятия церковных ценностей»¹.

В конце апреля — начале мая 1922 года в Северной Осетии прошли собрания беспартийных и верующих, на которых главным был вопрос об изъятии церковных ценностей. На собраниях принимались резолюции о недоверии власти, в категоричной форме заявлялось о нежелании сдавать церковные ценности. Более осторожные предлагали взамен секуляризации обложить верующее население единовременным налогом.

Среди населения велась агитация, суть которой состояла в дискредитации власти, в частности сообщалось, что конфискованные церковные предметы частью осядут в «карманах советских работников»².

Противостояние было столь неприкрытым, что даже официозные газеты не могли пройти мимо этого факта: «В выступлениях некоторых сквозила неприкрытая ненависть к Со-

¹ Горская правда, 1922, 4 мая

² ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 4. Ч.1. Л. 281

ветской власти. Выступающие почти все говорили об обидах, которые они терпят от власти...»¹.

Довольно распространенной формой протеста была подача в конфискационную комиссию писем с требованием вернуть изъятое у общины церковное и богослужбное имущество.

Широкое распространение получили случаи сокрытия церковных ценностей с последующей инсценировкой краж. Так, в начале мая 1922 года был ограблен Владикавказский собор, похищены церковные ценности. «Что это, — вопрошал автор газетного сообщения, — дерзкий налет громил или повторение тех историй, которые практикуются сейчас по России «истинно верующими», скрывающими от изъятия ценности, симулирующими грабеж?»². Подобные факты не могли оставаться незамеченными, и СНК ГАССР принял решение: обязать «попов подписывать договоры, что они отвечают за хищения и грабежи в их церквях в первую голову»³.

К делу разоблачения священнослужителей, которые отказывались подчиняться Постановлению, подключилась общественность. В секретном циркуляре, разосланном на места, было указано: «Везде, где возможно, выпускать в церквях, на собраниях, в казармах представителей голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей»⁴. На многочисленных собраниях рабочих, крестьян, служащих, школьников выступающие гневно осуждали «происки попов» и утверждали, «что ничего такого, что могло бы оскорбить религиозное чувство самих верующих, в факте изъятия нет»⁵. Государство разъясняло, что «церковные ценности считаются собственностью трудового народа, а потому право последнего распоряжаться ими по его твердому убеждению может принадлежать только

¹ Горская правда, 1922, 30 апр., 3 мая

² Горская правда, 1922, 10 мая

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 53. Оп.1. Д. 67. Л. 4

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 16. Л. 3

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР. 53. Оп.1. Д.31. Л.2

рабочим и крестьянам в лице органов их власти»¹. В случае пропажи или кражи ценностей из храмов «арестовывать виновных попов и лиц, подписавших договоры, для привлечения их к суду за расхищение народного достояния»².

В секретной шифротелеграмме из Москвы на имя Горского обкома партии было дано специальное разъяснение: «Наблюдаются случаи, когда по телеграммам и предложениям различных учреждений центральных и местных некоторые храмы под различными предлогами освобождались от изъятия. Принять к руководству следующее: исключения по отношению действующих храмов всех вероисповеданий допускается только по отдельному в каждом случае специальному разрешению ЦК Помгола»³. Прихожане выступали с предложением выкупать церковные ценности, чтобы не оставлять свои храмы без утвари. На это существовала четкая инструкция, в соответствии с которой «предлагается производить изъятие ценностей согласно точному смыслу декретов ВЦИКа, неполное изъятие будет рассматриваться как нерадение местных органов»⁴, «замену следует производить в самых широких размерах, используя для этого свободные малоценные предметы из других церквей»⁵.

Чтобы выбить почву из-под ног противников изъятия, ГПУ активно фабриковало дела на священнослужителей, обвинявшихся в контрреволюционных выступлениях, своекорыстной эксплуатации религиозных верований с помощью религиозного обмана (обновление икон и т.д.) и др.⁶. После того, как были приняты репрессивные меры в отношении непокорного духовенства, изъятие церковных ценностей про-

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 112. Л. 43

² ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 1. Л. 35

³ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп.1. Д.155. Л.37

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 81. Оп.1. Д.215. Л.95

⁵ Горская правда, 1922, 20 марта

⁶ ЦГА РСО-А. ФР. 160. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

ходило «более чем спокойно, недоразумений никаких нет»¹, и духовенство шаг за шагом сдавало свои позиции. Патриарх Тихон из заточения обратился к епископату, духовенству и мирянам и призвал паству «являть примеры повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями божьими»².

Ряд благочинных города Владикавказа обратились к верующим города с воззванием: «...Знайте, дорогие братья и сестры, что не все вообще драгоценные церковные предметы будут изъяты, а только лишнее. Само изъятие церковных ценностей будет произведено особой авторитетной комиссией, в состав которой нами, настоятелями церквей, избран протоиерей Малиновский. Кроме того, в комиссию будут приглашать настоятеля данной церкви. И вот те предметы, которые комиссия с указанными представителями найдет необходимым, без которых обойтись нельзя, они будут оставлены в церкви. Хотя наши церкви и лишаются некоторых предметов, но нам, зато будет большим утешением, что за них будет куплен хлеб для голодающих»³.

6 мая в газетах было опубликовано обращение ряда священников Владикавказской епархии. Свое слово духовные пастыри начали призывом к верующим признать советскую власть. Указывалось, что «любая власть от Бога», поэтому сопротивляющиеся мероприятиям советской власти «тем самым сопротивляются божьему установлению». Священники подчеркивали, что изъятие церковных ценностей «существа христовой веры и святых догматов не нарушает», тем более, что предметы, без которых нельзя обойтись при богослужении, будут оставлены в храмах и «служба Богу не прекратится»,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп. 2. Д. 1. Л. 129

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти... С. 153

³ Горская правда, 1922, 6 мая.

призывали не возмущаться и не сопротивляться¹. Обращение подписали 13 священнослужителей.

И все же среди владикавказского духовенства были и такие, кто отрицательно отнесся к изъятию церковного имущества. Например, известный настоятель Косаковский сказал, что «руки недостойного к святыне да не прикоснутся». Когда же Зубков, ответственный по проведению кампании, возразил и привел в ответ цитаты из обращений к верующим епископов и священников центральных губерний РСФСР, то Косаковский «опять категорически запротестовал, говоря, что им важно слышать самого патриарха Тихона, но ни отдельных личностей...»².

Но в кулуарах духовенство сетовало: «Мы рады помочь голодающим, да только слишком большие налоги с нас берут»³. Наряду с уже существовавшими налогами с 10 апреля 1922 г. в пользу голодающих в РСФСР был введен новый общегосударственный налог на граждан. Освобождались от налогов красноармейцы, милиционеры, учащиеся, безработные.

Наряду с остальным населением духовенство несло другие виды обязательного налогообложения. Так, в 20-30-е гг. правительство часто объявляло о различных займах. В 1923 г. в г. Владикавказе прошел сбор средств на сооружение воздушного флота. Первым на этот призыв откликнулась Осетинская церковь, священник Цомаев снял с себя протоиерейский серебряный крест — награду Святейшего Синода и пожертвовал его на сооружение воздушного флота. Его примеру последовало еще 12 священников.

Осторожность и осмотрительность стали постоянными спутниками духовных пастырей и когда верующие Владикавказа выступили с предложением о замене определенных к изъятию ценностей равноценными вещами, местное духовенство

¹ Там же

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 1 Л. 136

³ Горская правда, 1922, 4 мая

заявило о невозможности подобной операции, т.к. такое деяние будет против власти¹.

Заметим, что государство, изымая ценности, подрывало экономическую мощь церкви, следовательно, ее социальную роль. Государству было вовсе не безразлично, что творится в церкви как в материально-общественной организации².

Итак, конфискация церковных ценностей во Владикавказской епархии по сравнению с центральной Россией носил мирный характер, что объясняется как лояльностью владикавказского духовенства к новой власти, так и бедностью местных храмов. Когда кампания закончилась, подсчеты показали незначительность полученных средств. В неудовлетворительных результатах власти обвинили православное духовенство, вспоминая все прегрешения РПЦ, приписывая ей участие в контрреволюционных заговорах, антисоветской пропаганде и саботаже, поэтому следовало провести реорганизацию церковной структуры, а церковникам принять сторону советской власти.

В целом проводимая в Северной Осетии, как и по стране, кампания представляет собой репрессивный рычаг воздействия на религиозную жизнь, противоречащий закону. Уже в ходе кампании закреплялся принцип силового воздействия, который прочно утвердился затем во взаимоотношениях Церкви и государства. В то же время события 1922 г. показали наличие в Северной Осетии традиции милосердия и взаимопомощи. Накопив большой опыт участия в общероссийских и даже всеправославных акциях милосердия (оказание помощи увечным воинам, детям-сиротам и проч.), они делом ответили на призывы пастырей и власти.

Таким образом, кампанией изъятия ценностей был не только нанесен большой ущерб экономическому могуществу

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д.1. Л.161 об.

² Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. Новосибирск, 1998. кн.2. С. 311.

РПЦ, но непоправимый урон понесло историко-культурное наследие страны, утратившее немало памятников церковного искусства. Был накоплен опыт репрессий государства по отношению к религии и церкви.

2.2. Церковные расколы

Являясь придатком самодержавия, РПЦ долгое время была лишена возможности самостоятельно решать внутренние проблемы, провести назревшее давно реформирование.

В Северной Осетии реформаторские идеи в начале XX в. исходили от простых священников и миряне стремившихся к нормализации церковной жизни¹.

Среди исследователей нет единства мнений о причинах обновленчества на осетинской почве: А. А. Горобец полагает, что главной причиной складывания обновленческого движения в Северной Осетии является реакция местного духовенства на кризис синодальной системы². Игумен Андрей (Мороз) указывает на общий низкий уровень нравственности и образованности среди духовенства Владикавказской и Моздокской епархии, куда нередко отправлялись не лучшие духовные лица³.

Думается, что прав исследователь Пантюхин А. М., указывающий, что активная позиция ряда церковников и учащихся Ардонской семинарии расчищали почву для более успешного реформирования православных институтов в Осетии. 17 октября 1905 г. началось восстание в Ардонской духовной семинарии, целью которого было изменение статуса семинарии, свободное издание студенческих журналов и проведение публичных чтений, запрет на контроль личной корреспонденции и

¹ Пантюхин А. М. Либерально-реформистские тенденции в церковной жизни Северной Осетии начала XX в./Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений, г. Ставрополь, 11-12 мая 2011 г. Выпуск II. Издательский центр СтПДС, 2012. С. 226

² Горобец А. А. История Православной Церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.). Владикавказ, 2004. С. 105

³ Андрей (Мороз), игумен. История Владикавказской епархии...

обыски в кельях, вето на наказание или отчисление забастовщиков¹. Бунт удалось погасить только силами казаков².

Беспрецедентные общественно-политические процессы, вызванные к жизни Февральской революцией, не могли оставить безучастной Владикавказскую епархию, которая по своему геополитическому положению играла значительную роль не только в религиозной, но и социальной жизни Северного Кавказа.

Революционная перестройка внутренней жизни вызывали не только интерес духовенства, но нередко и активное участие в ней, например, через собрания и съезды духовенства и верующих. Например, 29 марта 1917 г. епископ Владикавказский и Моздокский Макарий предложил священству «выразить свои чаяния и нужды на местных съездах по районам благочиний...», советовал «на этих поместных, пастырских с пасомыми, собраниях» обсудить текущие вопросы и резолюции направить в консисторию³.

Высшее епархиальное начальство рекомендовало сосредоточить внимание на таких вопросах, как избрание кандидатов на предстоящий общеeparхиальный съезд; членство духовенства в местных органах власти; выборы благочинных, членов благочиннических советов и председателей Епархиального Училищного Совета и Окружных Отделений; устройство на демократических началах приходской жизни и широкое участия в ней мирян и т.д.⁴. Эти вопросы обсуждались на епархиальном съезде в апреле — мае 1917 г., одной из основных резолюций которого было всемерное содействие тому, «чтобы обновление и возрождение свободного народа совершилось в возможной степени безболезненно»⁵.

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 150. Д. 114. Л. 159

² Революция 1905-1907 гг. в Северной Осетии. Сб. док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1990. Т.1. С. 163

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 431. Л. 60

⁴ Там же. Л. 63

⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 341. Л. 4

Касаясь переустройства внутренней жизни РПЦ, делегаты съезда приняли решение о выборном порядке замещения духовных и административных должностей, начиная с епископской кафедры и далее членов епархиальных управлений, благочинных и приходского духовенства, о создании благочиннических и приходских представительных советов из духовенства и мирян¹. Ряд других вопросов, в том числе о создании особой Осетинской епархии, решено было представить на рассмотрение Всероссийского Съезда духовенства и мирян и поместного Собора Русской Церкви².

Установившийся после революционные октябрьских событий режим видел в религии одно из главных препятствий на пути к построению социализма.

Советская власть, параллельно с экономическим развалом церкви, в 1920-е гг. занялась подрывом ее изнутри, путем организации раскола на староцерковцев (тихоновцев) и «живоцерковцев» (обновленцев). Современными исследователями достаточно убедительно доказана иницирующая роль партийных и силовых ведомств в организации и проведении обновленческого раскола в РПЦ³.

Большие надежды в этой борьбе возлагались на обновленцев, идейным вдохновителем которых был 6-й отдел ГПУ под руководством Е. Тучкова⁴. Предполагалось, что осуществление Декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей должно было

¹ Там же. Л. 5

² Там же. Л. 14

³ Архивы Кремля. В 2 кн. Политбюро и церковь. 1922-25 гг. М.; Новосибирск, 1997; Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства. М., 2001; Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917-1922). М., 2005; Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922-1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997

⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 86.

вызвать противодействие Церкви, привести к конфронтации в обществе, что развязало бы руки репрессивным органам в отношении оппозиционной части духовенства и мирян. Когда расчет не оправдался, власть перешла к организации раскола Церкви изнутри. Лев Троцкий, в секретной записке в Политбюро от 30 марта 1922 года так определял вектор государственно-церковных отношений: «Церковь стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией. Идеология «советского» духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т.е. «буржуазно-согласительская»... Мы должны заставить сменовеховских попов...заставить довести кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии»¹.

Отношение советской власти к обновленцам было откровенно пренебрежительным: «...2. Расколоть духовенство...4. Расправиться с черносотенными попами (тихоновцами — Авт.). 5. Побудить определиться и открыто выступить сменовеховских попов (обновленцев — Авт.). Взять их на учет. Неофициально поддерживать. 6. Теоретически и практически подготовиться ко второй кампании (разгром обновленчества — Авт.). Выделить для этого одного партийного «спеца» по делам церкви»². Вскоре эти планы начали претворяться в жизнь.

В центральных городах ОГПУ инициировало создание «Живой церкви». Часть сочувствующих идеалам советской власти священнослужителей отошла от патриаршей Церкви и примкнула к обновленцам, призванным «обновить православную жизнь». Таким образом, искусственно была создана цер-

¹ Там же. С. 88

² Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев: Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922-1944 гг.) // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики/Сост. И. В. Соловьев. — М., 2002. С. 860.

ковная оппозиция. 12 мая 1922 г. ее представители посетили патриарха Тихона и, предъявив ему обвинение в нелояльности к советской власти, в расшатывании самой церковной организации, потребовали отречения. Было создано обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ)¹, а при нем институт уполномоченных при епархиальных управлениях, которые обладали большими полномочиями, вплоть до отмены решений епархиальных органов. Виднейшими представителями обновленчества стали А. Введенский; бывший епископ Владикавказский и Моздокский, создатель автокефального СЦВ, экс-глава Высшего церковного управления Антонин Грановский; Владимир Красницкий². Многие обновленцы во главе со своим лидером А. Введенским искренне хотели верить, что христианских идеалов можно достигнуть путем социалистической революции.

Прошло достаточно времени, прежде чем обновленцы поняли, что стали разящим орудием в руках атеистического государства. Введенные в заблуждение и веря в свою революционную роль, представители «Живой церкви» самовольно вносили изменения в богослужение, попирали церковный устав. «Живая церковь» ставила своими задачами «выделение из общей массы православного церковного народа тех священнослужителей и мирян, которые открыто заявили своей общественной деятельностью свое действительное сочувствие преобразованию русской православной церкви и вложили свой труд в это дело.

«Живая церковь» имеет ввиду следующие цели:

1) установление почтительных отношений к Советской власти, твердо помня слова: «всякая душа властем предрержащим да повинуется и что нет властей не о бога».

¹ Леонтьева Т.Г. Рецензия на книгу: Н.А. Кривовой. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. М., 1997. //Отечественная история, 2000. №3. С. 193.

² Игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста, 2006. С. 78

2) Пересмотр действующих законов о церковном управлении с целью выяснить, какие из них аннулированы самой жизнью и даже вредны для церкви.

3) Пересмотр церковной литургики с целью выяснения и устранения тех наслоений, которые внесены в православное богослужение пережитым периодом союза церкви и государства и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения, без нарушения совершительных обрядов таинств.

5) Пересмотр положения о приходе в связи с современными условиями церковной жизни.

6) Пересмотр церковной этики и разработка учения о христианской общественной жизни, применительно к социальным задачам, выдвигаемым переживаемым временем.

7) Вообще — пересмотр и изменение всех сторон жизни церковной, какие повелительно требуются современной жизнью»¹.

Конечно, нововведения, происходящие в церковной жизни, были нужны, и это отметил и принял поместный собор 1917-1918 гг. Но при этом сохранялся стержень — вера, вокруг которого осуществлялась деятельность самой церкви. Но обновленчество 20-30-х гг. попрало многие церковные традиции, стало суровым испытанием для Церкви. На готовившемся в апреле 1923 г. обновленческом соборе «группа православного духовенства «Живая церковь» путем организованного выступления имеет добиться следующих прав белому духовенству:

- а) права на занятие епископских кафедр;
- б) права участвовать в разрешении дел высшего церковного управления и епархиальных управлений вместе с епископами;
- в) права распоряжения церковными суммами, объединенными единой церковной епархиальной кассой;

¹ Платонов, Н. Ф. Православная церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории и атеизма. Т. 5. М.; Л., 1961

г) права организации в союз белого приходского духовенства для дальнейшего осуществления своих прав»¹.

Обновленцы выступали за возможность руководить жизнью Русской Православной Церкви, однако, ошибочно полагая, что поддержку и помощь окажет им советское государство, которое в принципе отвергало всякую религию: «Вопрос о взаимоотношениях церкви и государства является одним из важнейших вопросов церковности. Отделение церкви от государства должно быть церковью признано определенно и безоговорочно. Если церковь признает для себя за величайшее благо раздельное существование с государством, ей будет безразличен тот или иной политический строй»². Эти эфемерные надежды были несбыточны, т.к. власть, используя «Живую церковь», готовила и ее уничтожение. Большевики использовали разнообразные рычаги борьбы с Церковью. В секретном «Докладе о тихоновщине» руководитель 6-го отделения ГПУ Е. Тучков отмечал: «Пять месяцев тому назад в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача борьбы с тихоновским реакционным духовенством и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами. Для осуществления этой задачи была образована группа «Живая церковь», состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность посорить попов с епископами... Уволено тихоновских архиереев около 100 человек, назначено в епархию живоцерковниками 11 человек, назначено и переведено старых служащих и при Тихоне архиереев, относящихся лояльно к Соввласти и церковному обновлению, 10 человек и таких же оставлено правящими в епархиях около 20 человек, находится совершенно без епископов 9 епархий и, наконец, ярых тихоновцев остается незамененными 5 человек. Таким образом,

¹ Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917-1999 гг.: Православная энциклопедия. М., 2000. С. 138

² Обновление православной церкви на евангелических началах. // Живая Церковь, 1922, №10. С. 5

если даже из этих «лояльных» половинную часть отнести к отнеси к тихоновцам, то получается, что половина тихоновских архиереев заменена обновленцами и полуобновленцами»¹.

Многих верующих охватил страх. В городах заметно уменьшилась посещаемость храмов, даже на праздники. Сельские жители к обновленческому движению относились индифферентно.

Организация обновленчества на местах также была подготовлена ГПУ. В секретном отчете ОГПУ отмечалось, что Владикавказская епархия проделала большую работу «по распространению идей обновления и главным образом все обновленчество держалось на Владикавказском Епархиальном Управлении, но *«несмотря на колоссальное усилие Епархиального Управления во Владикавказе дело внедрения обновления находится в весьма неважном положении, откуда имеется сильное идеологическое засилье консерваторов...»*²(выделено — Авт.). Во многом это обстоятельство было связано с тем, что обновленческое Высшее Церковное Управление назначало в епархию епископов, не имевших большого влияния и духовного авторитета, а также сильное противодействие реформаторам со стороны наиболее священнослужителей и верующих — приверженцев традиционной церкви. Местные функционеры, не таясь, всячески содействовали организации «Живой церкви»: «В июле 1922 года, — пишет «Горская правда», — состоялась в зале Главполитпросвета лекция т. Пантюхова на тему «Новая церковь». Лекция привлекла массу слушателей и оставила хорошее впечатление. Чувствуется сдвиг в заснувшей было работе лекционного зала...»³. Партийная печать республики немедленно начинает напористую антитихоновскую пропаганду, всячески превознося достоинства обновленче-

¹ Архивы Кремля...Кн.2. С. 295

² Гюева И. А. Русская Православная церковь в истории Северной Осетии...С. 15

³ Горская правда, 1922

ства: «...В великой революции, создавшей из помещичье-капиталистической России первую и единственную в мире Республику трудящихся, мракобесам не было места, они в ней не участвовали.

И теперь, когда Россия, несмотря на тяжелые условия существования, заняла должное место в ряду мировых держав, где еще господствует капитал, когда она признана всем капиталистическим миром как мощная сила, для этого отсталого духовенства новой России нет, а есть только «миродержатели тьмы века сего», разбойники и грабители большевики. Таково старое духовенство. Каково же новое? Они признают советскую власть. Они вышли из низов, они ближе к крестьянской массе, видят ее жизнь, знают ее нужды и сочувствуют стремлению народа создать свое свободное трудовое государство. Они протестуют против попытки патриарха Тихона использовать изъятие ценностей для антисоветской агитации... Часть духовенства убедилась, что пришли новые времена... Кто не хочет оставаться позади и вне жизни, тот должен к ней применяться. Вот почему новое духовенство уверяет, что и Советская власть существует... по воле божьей... Признав власть пролетариата, церковь устами священников признает правильность классовой борьбы. Если власть рабочих и крестьян правильна, то правильна и программа тех, кто эту власть проводит на деле...»¹. Им вторили представители «Живой церкви»: «...доставляет сугубую радость то, что родина..., наряду с политическим возрождением, одновременно идет и по пути духовного, церковного обновления. Лучшие иерархи Русской Церкви, прогрессивное духовенство Москвы и Петрограда и выдающиеся светские богословы и канонисты руководят новым церковным движением... Пора бы и нам, духовенству Гореспублики, выйти из своего косного, бесцветно-выжидательного положения и смело выявить свой духовный облик и сим-

¹ Горская правда, 1922, 4 сент.

патии либо темному прошлому, либо светлому будущему»¹.

В отличие от центральной России в г. Владикавказе обновленчество смогло сформироваться к середине 1920-х гг, В информационной сводке VI секретного отделения ОГПУ «О состоянии православных церковников по губерниям СССР» (январь 1924 г.) отмечалось, что «Владикавказская епархия, территориально объединяющая Дагестанскую, Кабардинскую, Чеченскую и Горскую республики, проделала большую работу по распространению идей обновления и главным образом все обновленчество держалось на Владикавказском Епархиальном Управлении. Но, несмотря на колоссальное усилие Епархиального Управления во Владикавказе, дело внедрения обновления находится в весьма неважном положении, откуда имеется сильное идеологическое засилье консерваторов. Ярким показателем этого является в настоящее время борьба за новый стиль...»².

Поддержка была мощной, поэтому в 1928 г. в отчете Союза безбожников г. Владикавказа указывалось, что в городе «официально существует только обновленческая церковь, хотя тихоновская группа фактически не ликвидирована»³.

Во Владикавказской епархии на сторону «Живой церкви» стали настоятели и рядовые священнослужители ряда храмов, среди них — клир Михайло-Архангельского собора, священник Калиновский, протоиереи А. Шубин, В. Жуков, С. Быстров, П. Свавицкий, П. Городецкий, И. Попов, Н. Лясковский, Р. Сибирцев, В. Рождественский. Священники: С. Никитин, К. Попов, С. Васильев, С. Доценко, псаломщики Н. Барсученко, Н. Иванов и Н. Бабченко⁴. Сам Макарий встал во главе об-

¹ Горская правда, 1922, 15 сент.

² Гюева И. А. Русская Православная церковь в истории Северной Осетии... С. 13

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л. 110. Тот же и.о. Андрей указывает, что Владикавказская епархия перестала существовать в 1922 г.

⁴ Горобец А. История обновленческого раскола среди духовенства Владикавказской и Моздокской епархии./Православная Осетия, 2011, 3 марта

новленческого движения сначала Владикавказской, а затем и Пятигорской епархии: «Недавно в Пятигорске группа священно-церковнослужителей Пятигорской епархии, всецело разделяющих правила жизнедеятельности «Живой церкви», выработанные на московском учредительном собрании от 16/29 мая 1922 г., образовала местную группу «Живая церковь» и зафиксировала свое бытие перед органами Советской власти». Владикавказскую кафедру занимали архиереи-обновленцы: Мельхиседек (Николин Михаил Иннокентьевич) — с 1 марта 1924 года архиепископ Владикавказский; Модест (Никитин Тихон Николаевич) — с 1924 архиепископ Владикавказский, Донской и Новочеркасский; Петр (Рождественский) — с 15 октября 1925 года правящий архиепископ Владикавказской епархии¹.

Очередным шагом, обеспечившим распространение обновленчества, стала передача многих действующих храмов в их подчинение. К декабрю 1923 г. при активном покровительстве органов ГПУ и местной администрации многие городские и сельские храмы были захвачены обновленцами, хотя их религиозные общины были малочисленны и храмы нередко пустовали, в то время, как верующие традиционного толка вынуждены были «уплотняться».

К 1 января 1926 г. на Северном Кавказе насчитывалось 9 обновленческих епархий против 3 тихоновских, 934 синодальных церкви против 727 патриарших, обновленческого духовенства — 2165 человек, а патриаршего — 1916². Д. В. Поспеловский утверждает, что к 1928 г. в стране насчитывалось 3364 храма, принадлежащих обновленцам³, из них 876 церквей в 1926 г. располагались на территории Северо-Кавказского края.

¹ Там же

² Беликова Н. Ю. Развитие обновленческого движения в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2004, №3. С. 32

³ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1996. С. 166

Представители обновленческого течения всеми силами стремились продемонстрировать советской власти свою приверженность. Так, в мае 1923 года после гибели большевика Воровского, участника расправы над царской семьей, Владикавказское Епархиальное Управление, состоявшее из обновленцев, осудило убийц, стремящихся внести растерянность в партию большевиков¹.

В епархии сложилась редкая ситуация: во главе местной РПЦ оказались, с одной стороны, епископ Макарий и епархиальный совет, состоявший в основном из обновленцев, с другой — Союз религиозных общин, коллегиальный орган местного церковного самоуправления. В ситуации, когда сам Преосвященный перешел в обновленчество, эта организация делала много для сохранения организаций, верных патриаршей Церкви².

Совсем иначе позиционировало себя второе течение. Противостояла обновленческому движению группа тихоновцев, лидером которой были протоиерей А. Малиновский, протоиерей Александро-Невской (Линейной) церкви Дмитрий Беляев, другие священники, создавшие Союз религиозных общин³. Тихоновцы объявили войну епископу Макарию, собрали обвинительный материал и послали его патриарху Тихону с просьбой о смещении Макария, который отбыл в г. Пятигорск, пережить «грозу»⁴. Для компрометации Макария духовенство «распускало» по городу легенду о небогоугодном поведении главы епархии: «..сам-то епископ Макарий не промах по женской части. Он, будучи во Владикавказской епархии, прогремел далеко за пределами своим отношением к регентше женского монастыря Анфисе Тишковой, что его, вероятно, побудило уйти в Пятигорск»⁵

¹ Горская правда, 1923, 20 мая

² Горобец А. А. Указ. соч. С. 65

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 62. Л. 9

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 41. Оп.2. Д.1. Л.183 об

⁵ Цит. по: Горобец А. История обновленческого раскола среди ду-

Отложилось небольшое количество статистических материалов, позволивших ученым составить картину распространения тех или иных религиозных толков на территории Северного Кавказа.

Таблица 4

Соотношение канонических, синодальных и григорианских общин на Северном Кавказе на 15 октября 1926 года¹

	Тихоновцы	Синодалы	ВВЦС
Митрополий	–	1	–
Епархий	3	8	2
Церквей	545	960	219
Церковных советов	545	951	219
Духовенства	7633	2159	330
Монастырей	23	1	1
Монахов в монастырях	750	30	80
Монахов «бродячих»	972	146	-

Например, в г. Владикавказе в 1927 г. из 13 православных храмов 9 принадлежали обновленцам, один Патриаршей Церкви, а еще три храма функционировали по этнообрядовому признаку (2 осетинских и 1 грузинский)².

Постановление ВЦИК от 21 августа 1924 г. спровоцировало дальнейшую эскалацию противостояния между обновленцами и тихоновцами, выразившуюся в борьбе за приходы. Истинные цели постановления раскрыты в записке представителя Северо-Кавказского крайисполкома во ВЦИКе Ф.М. Зяв-

ховенства Владикавказской и Моздокской епархии. /Православная Осетия, 2010, №3

¹ Бирюкова Ю.А. Указ.соч. С. 18

² Пантюхин А. М. Обновленческое движение Русской православной церкви в Северо-Кавказском крае во второй половине 1920-х годов. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, №5. Ч. 2. С. 137

кина: «Товарищи Смидович и Полуян высказывались определённо: если религиозные течения имеются, то чем больше вер, чем больше между ними трений и споров, тем лучше... нет надобности ослаблять старотолковцев путём изъятия от них церкви в пользу обновленцев, тем более, что изъятие церкви неизбежно вызывает организацию новых молитвенных домов в частных домах, куда пускать их совсем не следует»¹.

Так как регистрация «тихоновских» общин была ограничена, они ушли в подполье, откуда вели активную агитацию, особенно в сельских районах Северной Осетии. В сводке ОГПУ за март 1930 г. это обстоятельство было отмечено особо: «В основном батрачество, беднота и середняк за колхоз. Но агитация кулака и остатков контрреволюции в скрытой форме все еще в условиях округа (Притеречный округ — Авт.) сильна. Немалую роль в этом играет и религия, как основной придаток кулачества. Последняя совместно с кулаком пускает нелепые слухи о том, что скоро конец света, кладут печати скоту (контрактация), скоро будут людям класть эти печати... Выселенных кулаков классифицируют как мучеников за грехи всех, а колхозы — это ад, где все вошедшие в него теряют свою христианскую душу, не говоря об одеяле, о неимении в колхозах жен и т.п.»².

В Осетии тихоновцы раскололись на три группы. Первая во главе со священником Беляевым «ныне по предложению органов власти выбыл и вместо него орудует священник Тихонович. Группа старается вернуть церковь или устроить молитвенный дом. Группа имеет много средств и ездит во ВЦИК с ходатайством». Вторая группа во главе с бывшим офицером Помогайло также стремилась отвоевать свою церковь, «возврат церкви явится большой победой для тихоновцев и с ними для всех 2бывших людей» и поражением для власти»³.

¹ Там же.

² Царикаев А. Т. Репрессивная политика советской власти... С. 117

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л. 110

Следует отметить, что политикой большевиков были довольны не только духовенство и верующие, но и представители крестьянства и рабочих. Наглядно это проявилось в ходе избирательных кампаний¹. Избирательная кампания 1924/1925 г. стала переломной, в ходе которой был дан новый толчок ограничению некоторых категорий населения в политических правах: «Выборы в Советы 1925 г...поставили...задачу дальнейшего охранения советов от проникновения в них эксплуататорских элементов»². Из числа избирателей исключались сельские жители, использовавшие наемный труд для извлечения прибыли и владевшие помимо земледельческих хозяйств, промышленными и промысловыми предприятиями с применением наемного труда, а также духовные лица³.

Некоторые расплывчатые формулировки инструкции давали местным органам власти возможность толковать ее по своему усмотрению, заносить в категорию «лишенцев» людей, живущих на нетрудовые доходы, допускать по отношению к ним незаконные, административный произвол: «Сведения о рассмотренных жалобах лишенцев на неправильное лишение их избирательных прав в перевыборную кампанию 1927 г.: 1) Поступило всего жалоб лишенцев (заявлений) — 531; 2) Из них рассмотрено — 482; пересмотрено — 49. Из рассмотренных жалоб: 1) Восстановлено в избирательных правах (удовлетворено) — 197 или 41%; 2) Отказано — 285 или 59%»⁴. Эти и другие факты возбуждали население, настраивали против большевиков. Нередки были случаи, когда собрания по организации колхозов перерастали в открытые антиколхозные выступления крестьян. Это вынуждено было признать и ЦК ВКП (б) в закрытом письме: «Головотяпство с административ-

¹ Бирюкова Ю. А. Указ.соч. С. 63

² Новейшая история Отечества. XX век./Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 2002. Т.1. С. 415; Собрание законов (СЗ) СССР. 1924-1929 гг. М., 1931. С. 237

³ ЦГА РСО-А. Ф. Р.47. Оп.1. Д. 962. Л. 15

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. Р.47. Оп.1. Д.1049. Л.49.

ным закрытием церквей, доходившее до грубого издевательства над религиозными чувствами крестьян, зачастую подменяло необходимую и умело организованную работу в массах против религиозных предрассудков»¹.

Поэтому в ходе выборов 1925 г. на Северном Кавказе были единодушно заблокированы все списки кандидатур от фракций ВКП (б), в некоторые советы прошли представители тихооцев.

В докладной записке начальника СО ОГПУ «О состоянии духовенства на Северо-Кавказском крае на 15 октября 1926 г.» сообщается о ряде характерных случаев²: во время выборов выдвигались лозунги: «Советы без коммунистов», «Объединение для защиты прав церкви и казачества».

Почему обновленчество в регионе развивалось медленнее остальных районов страны и продержалось дольше? Отец Андрей (Мороз) пишет, что «ввиду особого положения этой кавказской епархии, где порой приходское служение граничило с исповедничеством, не приходилось особо тщательно выбирать кандидатуры на замещение вакантных мест. Здесь часто служили священники, которые за те или иные нарушения запрещались в других епархиях. По этой же причине и общий уровень образованности священнослужителей был значительно ниже, чем у их собратьев, служивших в средней полосе России... Неправильная кадровая политика привела к тому, что практически все духовенство епархии уклонилось в обновленчество»³.

Однако уже в конце 20-х гг. обновленчество постепенно стало ослабевать, обозначился его кризис. С этого времени и поддержка обновленцев со стороны Политбюро и ГПУ начина-

¹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М., 1989. — С. 388.

² Власть и крестьянство Северного Кавказа (1917-1929 гг.). Сборник док-тов и материалов./Под ред. Н. Д. Малиева. — Владикавказ, 2009. — С. 184.

³ Игумен Андрей (Мороз). Указ.соч. С. 159.

ет сокращаться. Началом массовых репрессий против обновленческого духовенства можно считать февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) 1937 г., который привел в движение маховик широкомасштабных преследований «врагов народа».

При этом арсенал обвинительных статей был незначительным, да и не требовалось изобретать что-то новое, кроме обвинения в «контрреволюционной деятельности» и вредительстве. В одном из выступлений на Пленуме докладчик, давая характеристику проблемам, возникшим во второй половине 20-х гг. в Осетии, отметил: «...по Осетии пошел хабар, что скоро Советская власть падет, придут англичане и прочие»¹. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Большой террор в Осетии принял невиданные масштабы. В НКВД был сфабрикован материал о якобы деятельности Всесоюзной антисоветской церковной организации, и к суду были привлечены десятки тысяч священнослужителей и мирян, в том числе и приверженцы обновленчества. От этого удара неопиты так и не оправились.

Учитывая неприязнь большинства верующих к реформаторам, т.к. «церковная революция выдумана коммунистами с целью добиться раскола Церкви»², обновленцы ищут пути к сближению с тихоновцами. Однако эти запоздалые действия уже не могли спасти ни обновленческую, ни тихоновскую церкви, т.к. произошло к тому времени подчинение всех православных течений государственному контролю, ибо был взят курс на сворачивание нэпа и построение социализма. В дальнейшем власть отказывается от поддержки обновленчества, выполнившим отведенную ему роль, а позже переходит к открытым репрессиям³. Происходит постепенное затухание и

¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. // Вопросы истории, 1995, №2

² Далгатова А. Г. «Оппозиционная религиозность» в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). СПб, 2003. С. 70.

³ Сколота Р. В. Сущность и региональные особенности обновленческого раскола в Астраханском крае (1920-1925 гг.). // Вестник Новго-

исчезновение раскола. На примере Владикавказской епархии мы можем видеть, что немалую роль в противодействии расколу играли рядовые верующие, с чьей помощью священнослужители, оставшиеся верными традиционной церкви, могли бороться с обновленчеством.

2.3. Кампания по массовому административному закрытию храмов

1920-1930-е гг. стали самыми трагическими в истории Русской православной церкви и верующих. В это время политика Советского государства в отношении Церкви была особенно беспощадной и нетерпимой. Священство и верующие, воспринимаемые властью как база оппозиции, подвергались преследованию. Происходило вытеснение христианских ценностей классовыми, уничтожение национального самосознания россиян, многочисленные репрессии против верующих, что не могло не сказаться определенным образом на снижении культурного уровня населения.

Все эти негативные процессы распространялись и на провинцию. Первые значительные изменения в приходской жизни Северной Осетии отмечены в 1922-1925 гг.

Прежде всего, они коснулись столичного города. В 1922 г. в г. Владикавказ прошла волна муниципализации недвижимости. Среди прочих были включены в городскую собственность Соборный дом, католический храм, армянская церковь, синагога, женский монастырь и проч.

Ужесточение взаимоотношений между властью и верующими произошло в середине 1923 года в связи с выходом печально знаменитого постановления ВЦИК о закрытии храмов: «Все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользо-

родского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 49. С. 29.

вании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов»¹.

Проблема взаимоотношений государства и верующих, возникшая в уже первые годы нового режима, всегда была острой. Каждый год сокращалось религиозное пространство, уничтожались храмы, многие из которых были историческими памятниками. Процесс этот не прекращался многие годы, то активизируясь, то несколько затухая. Так, по данным В. Цыпина, в 1928 г. по стране было закрыто 534 церкви, а в 1929 г. уже 1119².

Третья волна закрытия храмов началась с 1929 г., когда был объявлен курс на сплошную коллективизацию. Особенность этого периода состояла в том, что теперь власть боролась с религиозными предрассудками в деревне. Под удар попали сельские священники, которые «под религиозной оболочкой проводят самые контрреволюционные мысли и планы»³. Результатом подобных выводов стало усиление гонений, закрытие храмов приобретает более широкий размах. Последнее проводилось в соответствии с циркуляром «О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества». Службы прекращались в тех храмах, которые специальные технические комиссии признавали аварийными. Если религиозное общество не принимало на себя обязательство по восстановлению храма, то договор с ним расторгался и храм передавался местному совету под его нужды. Так, Христановское сельское общество вынесло постановление, согласно которому «существующая в с. Христановском группа верующих отказалась от содержания церкви и передала церковное имущество и здание церкви в полное распоряжение Христановского сельского совета... Церковь признать закрытой и передать

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 175.

² Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917-1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. С. 204

³ Ярославский Е. М. О религии. М., 1991. С. 33

церковное здание и церковное имущество в ведение сельского совета для использования под общественные нужды. Реализовать церковное имущество с обращением вырученных от реализации сумм в доход казны»¹.

В 1929 г. по стране начался «антирелигиозный поход»². Процесс закрытия церквей приобретает массовый характер уже в первой половине 1929 г. Центральный Совет СВБ приводит следующие данные о количестве закрытых церквей:

Таблица 5

Количество закрытых церквей по СССР³

	Первая половина 1928 г.	Первая половина 1929 г.	Вторая половина 1929 г.
Всего, из них:	219	423	317
городских	-	243	154
сельских	-	180	163

Следует принять во внимание, что список этот неполный, сюда вошли лишь те, которые были закрыты по формальным признакам (в виду ветхости, непригодности и т.д.). Другие источники более объективны: только по РСФСР за 1928 г. закрыто 354 храма, за 1929 г. — 1119, из которых 322 — разрушены⁴.

Следующий шаг по уничтожению РПЦ связан с постановлением «О мерах усиления антирелигиозной работы», которое полностью развязало руки местным работникам для репрессий против религиозных организаций.

В Осетии началось массовое движение по снятию колоколов для нужд индустриализации и повсеместное закрытие храмов. Окрисполкомы выносили типичные для того времени решения: «считаясь с требованиями населения о приспособле-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 51. Оп.1. Д. 43. Л. 130

² КПСС в резолюциях и решениях... Т.4. М., 1984. С.522

³ Антирелигиозник. 1929. №9. С. 107

⁴ Проскурина А.В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне северо-запада России... С. 196

нии церковного здания под культурные нужды, Дарг-Кохский сельский совет вынес решение «церковь закрыть»¹.

К началу 1931 г. в Осетии оставалось еще 9 действующих культовых зданий. 6 апреля 1929 г. в секретном приказе ОГПУ №00447 подчеркивалось, что «перед органами госбезопасности стоят задачи разгромить банду антисоветских элементов...», в числе которых были названы и служителей культа². 8 апреля 1929 г. было принято печально известное постановление СНК и ВЦИК «О религиозных объединениях». По этому закону церковь рассматривалась как частное предприятие и за пользование храмом верующие платили налоги. Постановление Президиума ВЦИК «О религиозных объединениях» вогнало религиозную жизнь в жесткие рамки. Одновременно 6 февраля 1930 г. комиссия по культам при Президиуме ВЦИК приняла решение об упрощении процесса закрытия молитвенных заведений и «уплотнении» приходов. Судьбу храмов решали теперь краевые и областные советы.

Дискриминационное законодательство о порядке функционирования религиозных организаций, отправление культа сопровождалось также оскорблением чувств верующих, что нередко вызывало их протест и сопротивление.

Репрессивные процессы проявились в период кампании по закрытию храмов, имевшей свою специфику Северной Осетии.

На начальном этапе часто указывалась в качестве причины нехватка помещений для общественных и хозяйственных организаций. На этом основании, например, церковь на Шалдонском кладбище без каких-либо объяснений оказалась переданной Исполкому городского Совета депутатов трудящихся³.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 51. Оп.1. Д. 64. Л. 3

² Гулаг: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне-М., 1999. С.342

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 31. Л. 156

Не менее многострадальная судьба Троицко-Братской церкви. Студенческая общественность города требовала передать здание церкви Клубу студенчества¹. Комиссия по культурам решила, что это весьма своевременное предложение и при определенных затратах помещение Братской общины может быть переоборудовано под культурно-просветительное учреждение. В 1932 г. община распущена, а в ее помещении решено устроить звуковое кино к 10-й годовщине пионерского движения². Однако скудные капиталовложения (всего 75 тыс. руб.) не позволили осуществить этот проект и власти решили приспособить Братскую церковь под пионерский клуб³. Но лица, уполномоченные произвести ремонтные работы, оказались пассивными. Более того, в горсовете вынуждены были принять особое постановление об активном использовании бывших церковных зданий для нужд культурно-просветительных учреждений: «Отмечая недостаточное наблюдение за использованием зданий и отсутствие решительности воздействия на лиц, безобразно-халатно относящихся к своевременному к переоборудованию зданий со стороны комиссии по делам культов, — считать необходимым вести систематическое наблюдение комиссии по делам культов за зданиями, изъятыми у церковных общин и переданными под культурно-бытовые учреждения до момента их полного переоборудования и начала использования по назначению»⁴.

После некоторых колебаний горсовет решил все же ликвидировать здание, а полученный стройматериал передать на строительство жилого дома.

Постановлением Комиссии по культурам при Президиуме горсовета (17 окт. 1933 г.) изъята из пользования Армяно-гри-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д.1047. Л.22

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.4 (Ч.1).Л.175

³ Там же. Л. 283

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.4 (ч.1.) Л. 174

горианской церкви сторожка. «Учитывая необходимость наличия в улучшении постановки социально-бытовых условий коврового производства, но в силу отсутствия помещений добиться реальных результатов в этом отношении не представляется возможным, признать необходимым Армянскую церковь и сторожку как расположенных рядом с корпусом коврового производства, передать промартели для указанных выше целей»¹.

В свете постановления от 8 апреля 1929 г. во Владикавказе на вагоноремонтном заводе состоялся летучий митинг, на котором обсуждался вопрос о передаче церкви под культурные учреждения. Выступающие в прениях пионеры и школьники настаивали на переделку церкви под пионерский клуб². Быстрыми темпами на местах прежних храмов возводились светские культурные заведения.

Этот процесс получил поддержку местных советских и партийных органов. Так, на бюро Северо-Осетинского обкома партии был поставлен вопрос о «закрытии церкви в рабочих районах, используя освободившиеся помещения для культурных очагов»³.

Следующей причиной закрытия храмов стала малая посещаемость и как следствие — отказ в регистрации данной религиозной общины.

На основании наказа избирателей о закрытии церковью Владикавказский Горсовет в 1929 г. принял решение о ликвидации культовых учреждений по следующим показателям: «1. Церковь имени Великомученика Георгия Победоносца, расположенная на Владимирской слободке. Группа верующих, в числе 29 человек, являющихся юридическими лицами, взявших на договорных началах в бессрочное пользование здание, отказалось от него и просит определить здание церкви по усмот-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 6. Ч. 1. Л. 33

² Власть труда, 1929, 12 дек.

³ Власть труда, 1929, 12 янв.

рению; 2. Осетинская церковь имени Рождества Богородицы. Верующие посещают ее только один раз в неделю от 10 до 15 человек максимум. Кроме того, избиратели Верхне-Осетинской слободки в числе 1501 человека и местная газета не раз высказывались за закрытие церкви; 3. Троицко-Братская церковь посещается в день 30 человеками. За закрытие данной церкви высказалось 4114 человек избирателей; 4 Покровская церковь бывшего женского монастыря посещается 100 чел. Служба производится 2 раза в неделю. Основной причиной закрытия этой церкви является то обстоятельство, что она расположена в одном дворе с Исполкомом, райкомом ВКП (б), Нарсудом»¹.

В качестве страшного приговора для дальнейшего функционирования той или иной общины звучало обвинение в оппозиции к существующей власти: «Наиболее антисоветской, — записано в информационном отчете Владикавказского Окружного комитета РКП (б), — является одна церковь — Линейная — и эту церковь в значительной степени посещают представители интеллигенции, в частности, учительство»². Можно предположить, что отчасти гнев номенклатурных атеистов был связан с тем, что клир храма во главе с протоиереем Д. Беляевым остался верным старой (патриаршей) церкви, не примкнул к обновленцам, положительно воспринимавшихся новой властью. Александро-Невской (Линейной) общине инкриминировались следующие прегрешения перед властью: а) допущена антисоветская работа; б) проводились нелегальные собрания. В результате община в 1928 г. закрыта, активная ее часть выслана³.

Запрещалась всякого рода благотворительность. Баптисты города проводили «Праздник жатвы». Часть вырученных средств предполагалось отдать нуждающимся, что было

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 198

² ГАНИ РСФСР-А. Ф 4. Оп.1. Д. 36. Л.69

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д,915. Л.143

в духе благотворительных традиций всех религиозных конфессий. Но этого по закону им не разрешали делать¹.

В 1932 году прокатилась новая волна закрытия храмов, расторжения договоров с общинами верующих. Наступивший этап массового закрытия церквей отличался тотальным характером и спешкой. Как известно, попытки свалить вину на церковь за просчеты обычно активизировались в трудные периоды истории страны. Так произошло в голодные 1932-1933 гг. Правительство трижды в течение года поднимало вопрос о борьбе с религией.

Нередко речь шла не просто о закрытии того или иного храма, а о его разрушении под разными предлогами. Первый опыт разрушения коснулся Александро-Невской церкви. Были предъявлены повышенные требования к религиозной общине. Комиссия для технического осмотра здания церкви пришла не к утешительным выводам: «Александро-Невская община в течение многих лет безответственно нарушала существующие законоположения о культах по части невыполнения договора по ремонту церкви и относящихся к ней прочих строений (сторожки, изгороди и пр.), что даже привело к разрушению отдельных элементов здания церкви»². Здание церкви было разрушено, как не представлявшее «по своей архитектурной отделке никакой абсолютно исторической ценности... а наоборот, как по своему месторасположению, так и стилю являлось явно устаревшим и отжившим»³.

Материал от разбора церкви был передан для строительства театра, являющегося «по своему расположению и тяготению всех частей города — единственным центром в отношении культурного обслуживания трудящегося населения».

Вторым был Михайло-Архангельский Кафедральный Со-

¹ Власть труда, 1927, 21 сент.

² Там же. Л. 99

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.4 (ч.2).Л.131

бор (Новый Собор), который разрушен в 1933 г., стройматериал передан на строительство зданий обкома и горкома¹.

Церковь на Шалдонском кладбище была снесена, а на ее месте разбили парк².

27 марта 1933 г. Президиум Владгорсовета постановил снести Петро-Павловскую (Тенгинскую, Апшеронскую) церковь, а на ее месте разбить сквер³, «считаясь с требованием избирателей Владимирской слободки в необходимости в этой части города устройства парка культуры и отдыха»⁴. В протоколе заседания горсовета записано: «Предложить Комиссии по культурам выделить часть кульмущества, потребного для общины, а остальное имущество, а также строительный материал от разбора Апшеронской церкви ГорФО реализовать в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР»⁵.

В 1933 г. здание Спасо-Преображенского Кафедрального собора было также снесено, а со временем на его месте разбит Пушкинский сквер.

Известно, что большевики при захвате власти стремились завладеть некоторыми ключевыми точками в городе, это для новой власти играло решающую роль. Им было необходимо физически вытеснить старую власть из старых мест. Кроме того, по чисто практическим соображениям легче управлять и выполнять те же административно-управленческие функции, имея доступ к документации, к технике, к оборудованию. Союз безбожников города обратился в 1929 г. во Владикавказский горсовет с просьбой о закрытии церкви в женском монастыре. Свою просьбу он мотивировал следующим образом: «Все религиозные общины и их церкви должны быть давно ликвидированы вместе с ликвидированными по декрету правительства монастырей. Церковь же бывшего женского мона-

¹ Хубулова С. А. Весь мир мой храм... С. 104

² Там же.

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.5 (ч.1.). Л.168

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 162. Л. 74

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д.162. Л.73

стыря была ликвидирована, но в 1923 году почему-то снова передано имущество церкви религиозной общине... Буквально рядом с церковью народный суд, около которого толпятся крестьяне-ингуши. Часто среди них можно слышать разговоры, что вот, мол, нашу мечеть закрыли, а свою церковь, в которую никто почти не ходит, не закрывают»¹.

В соответствии с ходатайством окрестного населения Президиум окружного исполкома постановил: «Ввиду того, что церковь бывшего женского монастыря, расположенная буквально рядом с Исполкомом и его отделами мешает работать в учреждении (звон) и идя полностью навстречу решению общего собрания всех рабочих и служащих исполкома о закрытии этой церкви, Президиум постановляет возбудить перед Владикавказским горсоветом вопрос о закрытии церкви бывшего женского монастыря»². На заседании Президиума Горсовета 31 марта 1932 г. было решено: «1. Передать помещение по ул. Авг. Событий, 94 Ингушскому ДГК. 2. Предложить Колхозсекции использовать бывший женский монастырь, одновременно предложить Ингушскому ДГК и ОКХ оплатить расходы, затраченные колхозом им. Крупской по ремонту дома на предмет их возврата. 3. Проработать необходимые мероприятия по приспособлению бывшего женского монастыря для нужд Колхозсекции»³.

Укрепившая свои позиции власть не желала идти на уступки церкви. Так, несмотря на многочисленные просьбы об отсрочке закрытия Покровской церкви хотя бы до Троицы, президиум Владгорсовета вынес решение — «отказать»⁴. Здание претерпело существенную перестройку.

Вторым важным моментом в запретительной политике была ссылка на отказ религиозных общин заключать догово-

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1047. Л. 19

² ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1047. Л. 20

³ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д.4 (ч.1). Л. 139

⁴ ЦГА РСО-А. Ф Р. 56. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

ры с местными органами власти. По этой причине закрыты несколько храмов города. Церковь св. Великомученника Георгия ввиду отказа общины верующих от договорных обязательств в 1929 г. была закрыта¹. По постановлению комиссии по культурам в 1933 г. здание бывшей Георгиевской церкви отдано под избу-читальню и ликпункт колхоза им. Сталина².

Еще один мотив — неблагоприятное поведение священнослужителей. Вознесенская церковь на Курской слободке была закрыта по требованию рабочих крахмальных заводов, хлебозавода, макаронной фабрики, «Кавцинка». Под закрытие церкви было подведено ставшее уже стандартным обвинение в использовании сторожки не по прямому назначению: в ней временно проживал дьякон церкви С. И. Кравец³. В адрес общины сыпались обвинения в том, что на квартиру к дьякону устраиваются «хождения, устраиваемые служителями культа, сопровождаемые скандалами, шумом, пьянкой», которые осложняли работу Курской избы-читальни, расположенной по соседству. В результате ходатайства общественности Вознесенскую и Николаевскую общины без их согласия было решено перевести в часовню Госпитального кладбища, а с членов общин «взыскать за расхищенное церковное имущество»⁴. Помещение церкви было передано Нацкавполку для культурных нужд⁵. В 1934 г. здание церкви снесено.

Отличительной чертой начавшейся кампании было то, что инициатива теперь исходила не только от властных структур, но и от общественных организаций, профсоюзных комитетов промышленных предприятий, студентов и др.⁶ Теперь на первый план выходит новый аргумент — «по просьбе трудящихся», которые стоят во главе государства. Партийные органы

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д.1047. Л.22

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д.6 (ч.1.). Л.34

³ ЦГА РСФСР-А. ФР-56. Оп.1. Д.149. Л.44

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 6. (ч. 2). Л. 462

⁵ Там же. Оп.2. Д.6. Ч.2. Л.465

⁶ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 187

всегда усиленно подчеркивали, что глас народа — самый весомый и неоспоримый аргумент в любом государственном деле. Поэтому многочисленные обращения общественности города с «просьбой оградить жителей от назойливости духовенства» были восприняты с должным вниманием.

Таблица 6

Число религиозных организаций в г. Владикавказ¹

Наименование верований	Число религиозных обществ		
	1925 г.	1927 г.	1940 г.
Православных	13	16	3
Старообрядческих	1	1	1
Евангельских	1	1	
Католических	1	1	
Лютеранских	1	1	
Баптистских	1	1	1
Иудейских	2	1	
Магометанских	2	2	
Прочих	4	4	2
Всего	24	28	7

Как видно из таблицы, государство удачно расправлялось с религиозными общинами и их храмами. Некоторый рост православных общин между 1925 г. и 1927 г. произошел за счет организации обновленческих общин.

Следует отметить как особенность религиозной жизни Северной Осетии и то обстоятельство, что религиозно верующих, не состоящих в официальной православной церкви, в Осетии было много. Поэтому закрытие сельских храмов проходило безболезненно. Куда опасней для власти было посягательство на национальные традиции, закрытие святых мест, запрещение отмечать осетинские национальные праздники.

Партийно-хозяйственный аппарат, для которого уничто-

¹ Подсчитано нами: ЦГА РСО-А. ФР.47. Оп.1. Д.1459. Л.13; Д. 710 (ч. II). Л.269

жение культовых учреждений было лишь очередной кампанией, подвел под нее некую правовую базу — массу различных решений и постановлений, в том числе таких, которые максимально упрощали процедуру их закрытия. При этом мало кого интересовало то обстоятельство, что лавина бумаг, а также существующая практика, противоречила 124-й статье Конституции СССР 1936 года, декларирующей отделение церкви от государства, свободу совести и отправления религиозных обрядов: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹. Такая разнузданная кампания по закрытию храмов вызывала беспокойство даже у рупора антирелигиозной борьбы в СССР — Союза Безбожников. В Центральном Совете ВБ выражали беспокойство по поводу стихийного и бесконтрольного характера кампании. Местные ячейки самоуправствовали, не согласовав свои действия с партийными органами, нередко их действия шли вразрез с настроениями верующих, в результате чего дискредитировались не только Союз безбожников, но и партийно-административные органы.

Параллельно с закрытием храмов был утрачен еще один церковных атрибут — колокольный звон. Из средства оповещения верующих и созыва на молитву, в трагические антирелигиозные кампании он стал символом духовности и стойкости церкви, который нужно было запретить «как нелепый обычай, вредный и мешающий трудящимся»². В 1926 г. разосланная на места инструкция о пользовании колоколами регламентировала колокольный звон³. Церковь лишалась права

¹ Конституция Союза ССР 1936 года. М., 1937. С. 23

² Ярославский Е. М. О религии. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 187.

³ Русская православная церковь и коммунистическое государство: 1917-1941. Документы и фото-материалы. — М.: Библейский богословский институт Святого апостола Андрея, 1996. — С. 248

колокольного звона, который регламентировался местными властями. В инструкции утверждалось, что колокольный звон, не связанный с отправлением культа, «нарушает нормальное отправление общественного правопорядка и особенно стеснительно отражается на жизни городских поселений»¹. Далее, запрещалось совершение набатного звона «для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», не допускалось «пользование колоколами и производство в них звона не связанного непосредственно с отправлением культовых служб, а лишь в силу установившегося обычая, как например: дни «Пасхи», «Рождества» и др. в городских поселениях не допускается»². Производство «Красного звона» с употреблением большого церковного колокола разрешалось лишь при воскресных и праздничных службах, а «при ликвидации молитвенных зданий, имеющиеся при них колокольни разбираются или же при соответствующем переустройстве приспособляются под противопожарные наблюдательные пункты, водонапорные башни...»³. Колокольни с колоколами в значительной мере отчуждались от еще действовавшего храма, а старинные традиции церковного колокольного звона были серьезно подорваны.

В антиколокольной кампании большую роль играли ячейки СВБ. Руководство организации, подводя итоги 5-летней борьбе с религией, не без гордости констатировало: «Несколько лет назад мы очень робко намечали программу борьбы с колокольным звоном. На заседании антирелигиозной комиссии даже при некотором сопротивлении со стороны руководящих товарищей мы провели постановление о том, что необходимо разработать в законодательном порядке закон, по которому в местах большого скопления рабочих и учреждений надо запретить колокольный звон, но не окончательно, а оставив ко-

¹ Там же.

² www.zvon.ru (дата обращения 23.07.2012 г.)

³ Там же.

колокола определенного небольшого веса, звонить в отдельные часы, запретить общий «Красный звон»¹.

Инспирируемые центром, местные власти подключили к кампании общественность. На рабочих собраниях решался вопрос о снятии колоколов: «Мы в меди нуждаемся до зареза и в то же время высокосортная медь висит в церквях, не принося республике никакой пользы... Если мы снимем колокола, то ущерба никому в государстве не будет, а наоборот — в государстве останутся миллионы рублей золота»². Движение «Потише, колокола!» приняло большой размах. «Страдают учащиеся, больные военного госпиталя, рабочие», — таков был довод за снятие колоколов.

К Рождеству 1930 г. на страницах местной печати развернулась антирелигиозная кампания, приуроченная к «празднику безбожия», одним из лозунгов которой был «Колокола — на индустриализацию». За передачу колоколов в фонд индустриализации страны выступили 180 учащихся школ, 32 студента пединститута.

Во Владикавказский обком партии поступали жалобы от студентов, рабочих, крестьян с просьбой о закрытии церквей, снятии колоколов: «Звон несется из церкви по целым дням. Не только невозможно заниматься из-за него, но спать он не дает»³. Имея в виду согласие со стороны исполнительного органа религиозной общины, предложено ГОРФО церкви колокола снять и реализовать их в фонд государства в соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 8 апреля 1929 года. Указанное культивещество с церкви надлежало списать. Президиум Горсовета принял одно за другим постановления о снятии колоколов в Спасо-Преображенском соборе и Константино-Еленинской (Харламовской) церкви»⁴.

¹ Безбожник, 1929, № 6, с. 20

² Власть труда, 1929, 18 мая

³ Власть труда, 1929, 9 мая

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 149. Л. Л.41-42а

Итогом развернувшейся борьбы было снятие колоколов практически со всех церквей. На вырученные от сдачи лома деньги планировалось закупить трактора для сельского хозяйства Северной Осетии.

К сожалению, окончательные результаты кампании выявить не удалось. Согласно «Справке о фактическом поступлении колокольной бронзы на Московский электролитный завод им. Молотова», за 1929/30 гг. поступление составило 11 тыс. тонн¹, что, конечно же, не является окончательной цифрой. Весной 1930 г. во Владикавказ поступили деньги от продажи снятых колоколов. Всего, по данным Рудметаллторга, за 1929-1930 гг. фактическое поступление колокольного лома по России составило 11 тыс. тонн², но кампания получила дальнейшее ускорение осенью 1930 г.: «Изъятие излишних колоколов необходимо осуществить, по возможности, быстрее, т.к. мы решили их использовать в первую очередь для чеканки разменной монеты, не придавая этому политического значения и излишней огласки»³.

Между социально-экономическими свершениями: индустриализацией, набравшей силу коллективизацией и происходившим в конце 20-х и начале 30-х годов движением за закрытие церквей и молитвенных домов прослеживается закономерная связь. Новый строй предполагал новую идеологию, старой — христианской — уже не было места.

Фарисейская политика государства состояла в том, что оно создавало видимость невмешательства в церковные дела, ссылаясь на энтузиазм населения, которому не нужны церкви, священники. Естественно, что этот энтузиазм умело направлялся властями. С другой стороны, эта деятельность подкреплялась

¹Тосин С. Г. Колокольный звон в России: традиции и современность: автореф. дисс...докт. Искусствоведения (17.00.02-17 — музыкальное искусство). Новосибирск, 2010. С. 26

² Русская Православная церковь и коммунистическое государство...С. 245

³Там же. С. 285-286

непомерным налоговым бременем, возложенным на церковь, всевозможными обязательными сборами, ущемлением гражданских прав служителей культов верующих. По требованию собраний и сходов трудящихся закрытые церкви, монастыри, синагоги, мечети и другие здания религиозного культа передавались под школы, клубы, музеи и другие культурно-просветительные учреждения¹.

В предвоенные годы осуществлялось беспрецедентное преследование верующих. Большевицкая доктрина не оставляла «опиуму для народа» места в жесткой схеме пролетарского государства².

Это вызывало негативную реакцию верующего населения. Анализ архивных документов позволил заключить, что прихожане были возмущены как закрытием церквей, так и изъятием наиболее чтимых святынь из приходских храмов. В петициях в местные властные структуры оскорбленные верующие писали: «При закрытии храмов необходимо..., чтобы решающим считалось не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием»³.

20 июля 1938 г. собрание верующих выразили свое недоумение по поводу переоборудования храмов: «Закрытие синагог и обращение их в места увеселений несовместимо с провозглашенной Конституции свободой совести и культа и что потребность незначительной группы граждан в клубе для развлечений не должна покупаться храм для молитвы и отправления культа»⁴.

В апреле 1929 г. в Вербное воскресенье в городских храмах верующие выражали демонстративно свое отрицательное отношение к сносу храмов. Получило распространение такое

¹ Известия, 1929, 22 марта

² Православная церковь. С. 275

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 4. Ч.1. Л. 273

⁴ Политбюро и Церковь. С.397.

протестное движение как подача жалоб, заявлений, прошений в различные инстанции — от районных до всесоюзных. Известны жалобы представителей армянской, греческой, еврейской общин на неправомерность действий властей. Специальные комиссии, в состав которых входили представители прокуратуры, ОГПУ, горсовета не находили никакого криминала в факте закрытия и разрушения храмов.

Опасаясь преследований за открытое сопротивление властям, церковь, в то же время стремилась укрепить свое влияние на население. В конце 1937 г. Владикавказский окрисполком отмечал, что духовенство организует массовые собрания верующих, беседы с сельскими жителями по вопросам взаимоотношений с государством. «Эти люди, подчас оставаясь незаметными, творят свои контрреволюционные дела»¹, — так характеризовал их деятельность руководитель местного НКВД. Священник Лукьянов на Курской слободке проводил беседы, в ходе которых давал «установку выступать на собраниях, проводимых горсоветом, среди неорганизованного населения по вопросу изучения Сталинской Конституции, с требованием возврата закрытых церквей или предоставления помещений для моления»².

Проведенная в 1937 г. Всесоюзная перепись населения дала ошеломительные результаты: несмотря на репрессивную антирелигиозную политику, значительная часть населения страны оставалась верующей. Священники с церковного амвона призывали верующих ответить откровенно на вопрос о религии, так как надеялись на открытие церквей. Даже боязнь быть уличенным и наказанным не помешала в переписном листе отметить приверженность к вере, хотя часть отказывалась отвечать на вопросы анкеты. Население давало неоднозначные ответы: «Кто его знает, верую я или нет — не знаю, но в душе что-то есть, что свыше нас, чего-то есть, какая-то сила; хотя

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп.1. Д. 69. Л. 103

² Там же. М. 102

я Богу не молюсь давно, а все же пиши верующий»¹. Они составляли 56,7%². Православными признавали себя 70% населения³. Верующих женщин было больше, чем мужчин: 64%⁴. Интересные результаты показала перепись в отношении распространения веры среди грамотных:

Таблица 7

Соотношение верующих и неверующих среди возрастных групп обоего пола⁵

Возраст, лет	Грамотные (%)		Неграмотные (%)	
16-19	32.5	67.5	71.0	29.0
20-29	38.3	61.7	74.8	25.2
30-39	44.1	55.9	79.0	21.0
40-49	52.0	48.0	83.6	16.4
50 лет и старше	71.1	28.9	91.3	8.7

Данные таблицы приводят к выводу о том, что среди неграмотных, не имеющие образования, было больше верующих; во всех возрастных группах наличествовали верующие; даже среди молодежи грамотной и получившей образование, верующих было больше, чем неверующих. Учитывая, что в 20-30-е гг. богословское образование было сведено до минимума, это хороший показатель. Так, Декретом Терского Совнаркома от 29 июня 1918 года Владикавказское духовное училище также было передано в ведение Комиссариата Народного Совета⁶, другие семинарии и духовные академии страны либо были также преобразованы, либо резко сократили прием слушателей.

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106-115

² Проскурина А. В. Указ.соч. С. 178

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106

⁴ Там же

⁵ Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году. (По материалам Всесоюзной переписи населения), //Исторический вестник, 2000, №5. С. 174

⁶ Там же.

Перепись, по мнению начальника Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР (ЦУНХУ) И. А. Кравалья должна была, «дать всестороннюю характеристику населения социалистического государства, отразить главные сдвиги, происшедшие в нашей стране»¹, для «построения планов дальнейшего экономического и культурного строительства»², однако показала полный провал в деле антирелигиозного воспитания населения.

К началу Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь располагала 3732 храмами и молитвенными зданиями со штатом 28 архиереев и 5665 священников и диаконов. В Осетии православных храмов осталось 10³. Большой религиозный террор пошел на спад. Однако и не смог достичь поставленной цели. Население не отказалось от своих предпочтений в отношении веры.

Именно поэтому религиозные общины брали на себя обязательства по содержанию храмов. С принятием обязательств община была вынуждена главное внимание сосредоточить на материальной стороне внутриприходской жизни, изыскивать средства для сохранения храма, использовать традицию солидарного участия. Большое распространение получил известный опыт 1920-1930-х гг. по чрезвычайным пожертвованиям верующих на нужды храма. Так, на общем собрании Братской общины при рассмотрении вопроса о добровольном самообложении (на хор, отопление, на причт) верующие поддержали предложение приходского совета.

С отменой нэпа вводились непосильные налоги на частное предпринимательство, к которому были отнесены все религии: «Финотдел прислал церковному совету извещение об уплате 400 рублей налогов. Но где взять эти деньги? Ходили

¹ Краваль И. Всесоюзная перепись населения // Плановое хозяйство. 1937. № 12. С. 17

² Всесоюзная перепись населения // План. 1937. № 10. С.1.

³ Хубулова С. А. Указ.соч. С. 136

поотчетным собранием с подписными листами»¹. Деятели церкви для поддержания материального положения храмов вынуждены были обращаться за помощью к народу. Однако не всегда находили у него отклик и сочувствие².

Из воспоминаний Фелиции Гречко — прихожанки Верхне-Осетинского храма: «В 30-е годы мы решили вернуть храм. Когда составляли списки жертвователей, многие просили не указывать их фамилии, только предлагали помощь... На мою работу пришла бумага с указанием об увольнении за связь с заграницей (я получила ответ из Италии на письмо с просьбой посодествовать в открытии храма)»³. Такой факт не являлся единичным, т.к. генеральная линия партии была предельно ясна — «нельзя идти на поводу у несознательных верующих, т.к. «многочисленные идеологические центры империализма стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность»⁴.

В 30-х гг. храмов стало так мало, что верующие ходили в ближайшую церковь, какого бы толка она не была. Значительная часть верующих посещала «святые» места, что само по себе способствовало единству церкви. Так жизнь церкви уходила в подполье.

К 1940 году во Владикавказе-Орджоникидзе произошло почти полное сворачивание церковной организации. Все верующие горожане объединялись вокруг двух храмов. Фактически была упразднена кафедра. Однако укорененность православной традиции сохранила следы православной топографии (храмы, соборы, монастыри и др.), так и в православной топонимике. Очевидно, что внутреннего кризиса православия не произошло, резко сократилась лишь внешняя сторона.

¹ Власть труда, 1929, 1 янв. №1.

² Власть труда, 1929, 22 янв.

³ Дневник Ф. Гречко

⁴ Блокнот агитатора, 1986, №2. С.8

Итак, при активно внедрявшемся атеизме в Северной Осетии сохранялось преобладание верующего населения, особенно в сельской местности, т.к. крестьянство отличалось приверженностью традиционному укладу жизни, в том числе и религиозным обычаям. Сохранению религиозных настроений способствовали трудности жизни, связанные с хлебозаготовительным кризисом и коллективизацией. Страх и неуверенность в будущем побуждали крестьян обращаться за помощью к богу. Гонения на церковь, раскулачивание, выселение, аресты порождали стремление крестьян защитить не только православную, но и традиционную веру от насилия. Большая часть населения по-прежнему испытывала потребность в традиционной религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения. Религиозные ориентиры для населения Осетии продолжали сохранять значение основополагающих в хозяйственной, духовной и бытовой сферах личной/общественной жизни.

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА С ПРАВОСЛАВИЕМ В ОСЕТИИ В 1920-1930-Е ГОДЫ

3.1. Репрессивная политика государства по отношению к РПЦ в Северной Осетии

Большевики считали необходимым распространять на антирелигиозную борьбу те же методы, что и на политическую. Религиозный дурман они квалифицировали как пережиток капитализма, которому не место в новом социалистическом обществе, а это подталкивало к восприятию не только духовенства, но и верующих в качестве реальных или потенциальных противников социализма, что пагубно отразилось на судьбах многих российских граждан после октябрьской революции 1917 г.

Антирелигиозная пропаганда в своем развитии претерпевала ряд изменений в формах и методах ее проведения, переходя от агитационных к пропагандистским. Большевики убедились в том, что «красногвардейские методы» борьбы с религией не приносят желаемого результате в изменении сознания граждан, поэтому было решено привлекать общественность к осуществлению планомерной и систематической работы. 4 февраля 1922 г. Горский ЦИК утвердил и разослал партийным организациям циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды», в котором были конкретизированы основные положения постановления Пленума РКП (б) 1921 г. «По вопросу о нарушении пункта 13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды». Особо отмечалось, что «работу по разрушению религиозных предрассудков нужно вести, воздействуя на более или менее постоянную аудиторию»¹. Обращалось внимание на организацию «самой широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды», соответствующей задачам социалистического строительства.

¹ Известия ЦК РКП (б), 1922, №2. С.35

В конце 1922 г. появилась газета «Безбожник», редактором которой был Ем. Ярославский. Одновременно начал издаваться журнал «Безбожник у станка», который предлагал снести все церкви, костелы, синагоги, мечети, запретить всякое богослужение и, таким образом, покончить с религией¹.

К антирелигиозной работе активно подключали общественность, которая создавала немногочисленные пока ячейки атеистов. Начало оформления общественной атеистической организации относится к 1924 г., когда разрозненные группы оформились в «Общество друзей газеты «Безбожник». «ОДГБ становится Всесоюзным обществом не только по названию, но и по своему огромному охвату, — так охарактеризовали свою работу в редакции газеты «Безбожник», — Интерес к нашей газете растет с каждым днем. Рост потребности в газете «Безбожник» — одно из ярких доказательств роста и значения нашего ОДГБ и правильности нашего пути работы...»².

Вся антирелигиозная работа до середины 1920-х гг. протекала как массовая, для этого использовались такие формы, как беседы, открытые лекции естественнонаучного характера, массовые доклады на темы «не отвлеченного безбожного рассуждения, а на конкретные жизненные естественнонаучные темы — «Электрификация или Илья Пророк, Вознесение Христа или современное завоевание воздушной стихии и т.д.»³.

В 1924 г. взятая под крыло РКП (б) организация ОДГБ получила свой устав, предусматривавший ведение антирелигиозной пропаганды каждым членом ОДГБ. В преддверии коллективизации Общество особое внимание обращало на атеистическую работу в среде сельских жителей, которых нужно было отвлечь от религии и вносить в массу тружени-

¹ См: Безбожник у станка. 1924, №2. С.4

² Власть труда, 1924, 27 дек.

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 4. Оп.1. Д. 36. Л.177

ков большевистские идеи построения сельского хозяйства на коллективных принципах. В мае 1924 г. на XIII съезде РКП (б) была принята специальная резолюция «О работе в деревне»: «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т.п.»¹. ЦК партии подчеркивал в этой связи, что чувства верующих — это деликатная область, где нельзя осуществлять нажим, лишь просвещение масс. В свете этих решений произошли изменения в антирелигиозной пропаганде: «запретить меры административного воздействия (закрытие церквей и т.п.), в большинстве случаев достигающие только обратных результатов»².

В рамках антирелигиозной работы в начале 1924 г. районные комитеты партии совместно с комсомольским активом организовали группу пропагандистов при областном партклубе. Предприятия, колхозы, вузы должны были направлять на атеистическую учебу лучших своих представителей, не моложе 20-ти лет; обязательно член ВКП (б) или РКСМ, которые могли грамотно и доступно объяснить населению проблемы естествознания³.

Учебный курс составлял пять месяцев.

В 1925 г. в связи с возросшими требованиями к антирелигиозной агитации был сформирован Союз безбожников, а в 1929 г. был преобразован в Союз воинствующих безбожников, который должен стать мощным проводником государственной антицерковной политики в массы. В Союз влились ячейки «Общества друзей газеты «Безбожник», и кружки атеистов. Членом Союза мог стать гражданин старше 18 лет, не лишенный избирательных прав и желающий вести антирелигиозную работу.

¹ КПСС в решениях и резолюциях... Т.3. С. 184

² Там же. С. 217

³ Горобец А. А. Указ.соч. С. 68

В Уставе была прописана главная цель создания Союза — борьба против религии через антирелигиозную пропаганду, разоблачение классовых врагов в лице духовенства, внедрение нового социалистического быта. Для осуществления возложенных задач Союз имел неплохую материальную базу, подпитываемую за счет членских взносов и поддержки государства.

Руководящим органом Союз безбожников был Всесоюзный съезд, на местах руководство осуществляли губернские и уездные советы, первичным звеном являлась ячейка. Придавая весомость деятельности этой организации, власть приравнивала участие общественности к государственной работе: «Рабочие и служащие учреждений и предприятий Союза безбожников как в центре, так и на местах приравнивались к государственным рабочим и служащим»¹.

В мае 1925 г. ЦК РКП (б) принял постановление об антирелигиозной пропаганде и укреплении местных организаций общества СБ. «Нашим безбожникам надо не забывать, что Владикавказ — еще непочатый край религиозного винограда. Здесь имеется до 14 религиозных сектантских течений, и в этом отношении Владикавказ требует от безбожников осторожной и обоснованной тактики и пропаганды...»². Создаваемые кружки должны были стать своеобразными форпостами в антирелигиозной работе.

После распада Горской АССР осенью 1924 г. было образовано Осетинское Общество друзей газеты «Безбожник» — «добровольный союз противников религии, объединившихся вокруг газеты «Безбожник»»³. Предшествовала обнародованию Союза безбожников широкая агитационная кампания в печати. «Удачные, остроумные рисунки художников, особенно Моора, оживляют журнал, делая его легким и красочным. Же-

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.1. Д. 12. Л.7

² ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп.2. Д. 3. Л. 9

³ См.: Горобец А. А. Указ.соч. С. 66; Власть труда, 1924, 1 дек.

лательно, чтобы в наших рабочих клубах этот журнал нашел себе широкий круг читателей. Необходимо, чтобы клубы поспешили выписать «Безбожника»»¹.

На съезде секретарей парткомов Владикавказского округа собравшимся было предложено «всеми мерами, путем печати и агитации распространять среди трудовых масс понятие о религии»². В газетах отмечалось, что организационный период избран не случайно, «ибо граждане после целого ряда лекций, диспутов и чтения антирелигиозной литературы... подготовлены»³. Активная борьба за освобождение трудящихся от духовного порабощения признавалось главной целью Союза⁴.

В конце декабря 1924 г. состоялась объединенная конференция ячеек ОДГБ Ингушской и Осетинской областей⁵. В резолюции конференции указывалось: «Несмотря на трудности и препятствия, каковые встречаются на пути за такой короткий срок, мы имеем 40 ячеек ОДГБ с количеством членов до 1500 человек. Безбожие проникло в горы Осетии, общество насчитывает среди своих членов врачей, учителей, инженеров. В ячейках ОДГБ организованы кружки, где самими же членами проводятся беседы и доклады. Некоторые ячейки устраивают экскурсии в музей краеведения, приобретают антирелигиозную литературу»⁶.

Показателен состав оргбюро СВБ: зав.парткабинетом, инструктор районного комитета РКП (б), зав.отделом партучебы райкома ВЛКСМ, зав. райОНО⁷. Северо-Осетинское отделение СВ возглавил А. А. Ряхин. О нем в местной газете писали, что «до 16 лет был глубоко верующим человеком из очень религиозной семьи. Самостоятельно изучая в течение пяти лет

¹ Горобец А. А. Указ. соч. С. 65

² ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 223. Л. 3

³ Власть труда, 1925, 23 февр.

⁴ ГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 65

⁵ Власть труда, 1924, 27 дек.

⁶ Власть труда, 1925, 27 янв.

⁷ ГАНИ РСО-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 30. Л. 188

религиозный вопрос, т. Ряхин пришел к определенному выводу, что религия трудящимся не нужна и вредна, она выгодна только имущему классу, чтоб легче щипать трудящихся»¹.

План работы СБ на ближайшее время выглядел так: «1. Задачи антирелигиозной пропаганды среди нацменьшинств. 2. Выборы бюро нацменьшинств при совете СБ. 3. Прикрепление студенчества к производственным и слободским ячейкам. 4. Работа на каникулах в деревне, на вечерах вопросов и ответов»². Сразу было организовано 25 ячеек (около 1000 членов), целью которых было уяснение, что «каждый узнает, что быть безбожником — это не значит ругаться в бога или прилепить Николаю-Угоднику картошку к носу. Здесь каждый изучает историю человечества и возникновения религии»³.

Ячейки Союза появились и в селах. Так, в декабре 1924 г. в с. Зильги, в марте 1925 г. в ст. Архонской (35 чел.), в апреле 1925 г. в с. Эльхотово (65 чел.) организовали ячейки СБ⁴. Чтобы контролировать «творческий порыв масс», была разработана специальная инструкция по организации ячеек СБ. Она давала конкретные и практические рекомендации по организации антирелигиозной работы на местах⁵. Предполагалось, что организатор ячейки должен непременно находиться в тесном контакте с партийным бюро завода, колхоза или школы. С их помощью определялись активисты, члены будущей организации, составлялся план работы. Например, на заседании бюро райкома ВКП (б) Садонского района был заслушан следующий план: 1. Об организации Оргбюро Союза Воинствующих Безбожников; 2. Поручить Оргбюро приступить к организации ячеек СВБ в районе; 3. Обязать секретарей парткомов и партторгов первичных партийных организаций приступить к

¹ Власть труда, 1925, 25 янв.

² Власть труда, 1925, 31 янв.

³ Власть труда, 1924, 25 нояб.

⁴ Власть труда. 1925, 6 мая

⁵ Олещук Ф.Н. Пятилетие Союза воинствующих безбожников. — М., 1930. — С. 18

работе по организации СВБ, для чего утвердить на партсобрании Оргбюро СВБ; 4. Провести запись желающих быть членами СВБ; 5. Поручить Оргбюро 18-го декабря созвать районную конференцию СВБ»¹.

Перед собранием для инструктирования актива созывается совещание по вопросам проработки программ и методов антирелигиозной работы². На организационном собрании делегаты прослушивали доклад о деятельности Всесоюзного Общества безбожников, затем принималась резолюция. На конференции проводилась запись в ячейку путем заполнения анкет, форму которых получали из местного совета Союза безбожников.

Затем в учреждении создавали Уголок безбожника (или «красный уголок»), где наличествовала вся необходимая литература, инструктивные письма, стенгазеты. Для повышения квалификации уже имеющегося актива организовывались курсы пропагандистов. Во Владикавказе для этих целей даже сформировали 1-ю безбожную семинарию, главной задачей которой являлась подготовка «сильных и стойких пропагандистов и руководителей безбожия»³.

Государство позаботилось и о материальной базе «безбожников». Основным источником являлись членские взносы: для членов городских ячеек Союза безбожников они составляли 5 коп, для членов деревенских ячеек — 2 коп., красноармейцы, безработные и школьники не платили вообще⁴. Уплата взносов происходила поквартально. Но помимо процентных отчислений от членских взносов организация Союза имела и другие источники поступления денежных и иных материальных средств. Мероприятия СВБ финансировали местные партийно-государственные структуры, а также различные учреж-

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 11. Оп.1. Д. 32. Л. 189

² Власть труда, 1926, 20 окт.

³ Власть труда, 1925, 25 янв.

⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.1. Д. 1. Л.82

дения. СНК Северо-Осетинской АО ежегодно среди прочих рассматривал вопрос об увеличении ассигнований Союзу воинствующих безбожников¹. Каждый раз Наркомфину СОАО нужно изыскать для Союза дополнительно 40 тыс. руб.². А начиная с 1939 г. Северо-Осетинский обком партии принял специальное постановление о финансировании республиканского Союза воинствующих безбожников, в котором признал «необходимым выделить СВБ в самостоятельное финансирование и поручить Наркомфину СОАССР обеспечить беспребойное своевременное финансирование этого общества»³. Кроме этого, члены организации нередко оплачивали разного рода государственные политические акции. Например, когда Папа римский организовал крестовый поход против советской власти, последняя призвала «сплотиться вокруг партии и отразить нашествие»⁴. С этой целью рабочие и служащие по всей стране отчисляли 2% месячную плату в фонд «Наш ответ папе римскому»⁵.

Благодаря постановке дела число ячеек Общества росло быстрыми темпами.

Таблица 7

Состояние антирелигиозной работы в 1926-1928 гг.6

	По СССР			По Северной Осетии	
	На 1.01.1926 г.	На 1.01.1927 г.	На 1.01.1928 г.	На 1.01.1925 г.	На 1.01.1928 г.
ячеек	2421	3121	-	40	150
членов	830033	138404	123007	1500	5600

По нашим данным, на 1 января 1926 г. в Северной Осетии насчитывалось 55 ячеек с примерно 3-мя тыс. членов⁷.

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп.2. Д. 9. Л.28

² ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп.2. Д. 11. Л. 14

³ ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп.2. Д. 10. Л. 55

⁴ Власть труда, 1930, 20 февр.

⁵ Власть труда, 1930, 11 апр.

⁶ Подсчитано по: Власть труда, 1926-1928 гг.

⁷ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.1. Д.1. Л. 6

Для осуществления своих целей Общество давалась возможность создавать ячейки, состоявшие даже из 3-х членов («каждый гражданин СССР, пользующийся избирательным правом, искренно и открыто порвавший с принадлежностью к какому-либо религиозному культу или религиозному обществу и с верой в бога или иные сверхъестественные силы, активно работающий в ячейке общества и платящий членский взнос»¹, мог заявить о своем членстве), собирать съезды, издавать антирелигиозную литературу, вести публичную агитацию. Признавалось, что в прежнее время антирелигиозная работа носила слишком напористый характер, заключающийся в необдуманном закрытии храмов, нетактичном отношении к священнослужителям². На сцене городского театра нередко ставились пьесы «на потребу дня», содержавшие непристойные выпады против верующих. Во время крупных религиозных праздников местные активисты вели себя неуважительно, задевали чувства верующих, организуя непристойные комсомольские «Пасхи», «Рождество», что, по задумке их устроителей, должно было бы не только подвергать критике содержание церковных праздников, но и «развеять по ветру тот дурман, которым поповская клика веками отуманивала сознание... масс»³.

Организационным бюро Союза безбожников критиковалось также примитивное ведение атеистического воспитания: «быть безбожником — это не значит ругаться в бога и прилепить Николаю Угоднику картошку к носу. Здесь (в Обществе — Авт.) каждый изучает историю человечества и возникновение религии»⁴. Однако вначале местные партийцы не оценили той пользы, которую могли принести эти ячейки, поэтому в «помещения, где должна производиться антирелигиозная ра-

¹ Цит. по: Горобец А. А. Указ.соч. С. 65

² Культурное строительство в Северной Осетии...Т.1. С. 146

³ Антирелигиозник, 1927, №1. С. 19

⁴ ГАНИ РСО-А. Ф.2. Д. 57. Л. 112

бота, зимой холодно, и всегда темно, грязно, неуютно...»¹.

Спустя некоторое время СБ показал свои потенциальные возможности в антирелигиозной работе, методы и формы которой стали разнообразными. СНК СОАО предложил проводить агитационную работу через организацию лекций, митингов. Это позволило систематизировать работу Агитпропотделов. Осетинский Агитпроп в октябре 1926 года постановил: «Создать при Агитпропотделе Обкома антирелигиозную комиссию в составе тт. председателя Д. Таболова, Мильдзихова, Косирати, Джикаева. Поручить комиссии приступить к изучению религиозных речей и на основе этого повести усиленную борьбу против развивающегося в Осетии баптизма»². В программе заложены основы антирелигиозной пропаганды среди населения Северной Осетии. Живое участие в антирелигиозной работе принимала молодежь. Пропаганда атеизма становилась обязанностью каждого общественника, «с обязательным участием ответственных работников комсомола, ... рабочих профессиональных и партийных организаций»³. В своем стремлении искоренить религию в Эльхотово (преимущественно мусульманском селении) партиячейка постановила выходным днем назначить среду «вместо поповского воскресенья»⁴.

Создание Союза воинствующих безбожников, а, следовательно, второй этап антирелигиозного движения, по времени совпало с кардинальными изменениями в политическом курсе ВКП (б), связанным с провозглашением тезиса о возможности построения социализма и сворачиванием нэпа. Период относительно либеральных отношений с Церковью сменился полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к ней. В мае 1929 г. XIУ Всероссийский съезд изменил статью 4-ю Кон-

¹ Власть труда, 1925, 25 нояб.

² ЦГА РСО-А. ФР. 124. Оп. 1. Д. 33. Л. 4

³ ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 27. Л. 25

⁴ Цит. по: Горобец А. А. Указ.соч. С. 66

ституции РСФСР — вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» теперь разрешалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»¹. Права верующих ограничивались отправлением культа, на религиозные процессии и службы вне храмов требовалось письменное разрешение властей. Работа Агитпропотделов проходила в рамках обозначенной идеи о нарастании классовой борьбы: «Мы недооцениваем антирелигиозную работу в то время, как она включает в себе классовую борьбу с организаторами и пропагандистами антисоветского движения — попами и муллами»².

В обкоме ВКП (б) сетовали по поводу слабой организации ячеек СВБ: «Несколько раз предпринимали ряд мероприятий по организации СВБ, но ничего не выходило. Тогда начали с заводов и учебных заведений»³, — докладывал в культпропотдел руководитель СВБ М. Тогузов. И уже к концу 1920-х гг. в антирелигиозной пропаганде начинает проявляться планомерное начало. Большую роль в этом сыграла централизация руководства агитационно-пропагандистской работой по линии партийных организаций. Следует выделить этап 1926-1932 гг., когда особенно остро встал вопрос о развертывании широкой наступательной пропаганды в связи с усилением влияния религиозной идеологии на трудящихся.

В 1929 г. Союз безбожников объявил о переходе от кампанейщины антирелигиозной работе к систематическому наступлению на религию. В этот год в Москве состоялся второй съезд Союза безбожников, переименовавший организацию в Союз воинствующих безбожников (СВБ), что говорило о принципиально новом уровне антирелигиозной борьбы. Устав признавал Союз воинствующих безбожников как боеспособную, дисциплинированную организацию, членом которой мог

¹ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 218

² Власть труда, 1929, 1 янв.

³ ЦГА РСО-А. ФР. 124. Оп.1. Д. 500. Л. 17

стать любой желающий и признающий Устав Общества. Перед исполкомом СВБ была поставлена поистине грандиозная задача — добиться увеличения численности Союза с 500 тыс. до 1 млн. человек к концу 1929 г. Количество членов СВБ оказались гораздо выше прогнозируемых. Особенно активно члены СВБ проявили себя уже в первый год. На предприятиях создаются ячейки, во «Власти труда» печаталась постоянная рубрика «У безбожников», в организациях и на предприятиях оформляется стенгазета «Горский Безбожник». В номенклатурной структуре Облсовпрофа была утверждена должность антирелигиозного лектора-инструктора¹. В 1931 году в Орджоникидзе была создана специальная комиссия по культам. В нее наряду с представителями горсовета входили также сотрудники ОГПУ, ОНО, прокуратуры, финотдела, Совпрофа².

В 1932 г. И. Сталиным была объявлена «безбожная пятилетка», результатом которой должно было стать полное забвение Бога на всей территории СССР к празднованию 1 мая 1937 г. С этой целью велся самый тщательный учет проделанной работы местных ячеек СВБ. Так, в отчете Отдела народного образования СОАО за 1935 г. было отмечено, что в школах области «имеется 25 ячеек с 1000 членами, проведено 10 заседаний, подписались на газету «Безбожник» 700 человек, приобретено библиотек антирелигиозной литературы — 12»³. В Северной Осетии при отделах работниц организованы кружки безбожниц.

Массированная агитация способствовала росту рядов безбожного движения: в 1930 году насчитывалось 48 ячеек с 3000 членов. «Работа ячеек выражается в распространении журнала «Безбожник», в проведении антирелигиозной кампании во время различных религиозных празднований»⁴.

¹ Власть труда, 1929, 25 сент.

² ЦГА РСФСР-А. ФР. — 56. Оп. 1. Д. 104. Л. 5.

³ ГАНИ РСФСР-А. Ф. 4. Оп.1. Д. 34. Л. 43

⁴ История Владикавказ... С. 548

**Количество членов Союза воинствующих безбожников в период
«безбожных пятилеток»¹**

По СССР		По СОАО		
1931 г.	1935 г.	1931 г.	1933 г.	1935 г.
5 млн.	5,5 млн.	7000	9000	11000

Такой значительный рост числа безбожников связан, во-первых, с принудительной «добровольностью» вхождения в ячейку; во-вторых, нередко членами СВБ становились коллективно, т.е. предприятие или организация на правах коллективного члена входила в Союз. Как писали газеты, «осетинское студенчество влилось в Общество (безбожников — Авт.) целиком»². Была подготовлена своеобразная памятка студенту-безбожнику: «Каждый студент ГСХИ, готовясь к работе в деревне среди крестьянства, в большинстве своем начиненного предрассудками и религиозными суевериями, должен быть безбожником. Но быть безбожником — это не значит только не верить в Бога. Такими безбожниками являются теперь многие. Прежде всего, безбожник должен уметь быть агитатором...»³. Движущей силой антирелигиозной работы на селе были комсомольцы и сельская интеллигенция, учительство, которое должно было пропагандировать естественнонаучные знания. Для успешной работы рекомендовалось снабдить учителя антирелигиозной литературой, в которой доходчиво объяснялись природные явления, различные агрономические методы и проч.⁴.

Однако при общем росте количества членов безбожных ячеек численность безбожников в деревне страны составляла всего 259262 человека (25% от общего числа). Это обстоятельство характерно и для сельских районов Северной Осетии,

¹ Малиев Н. Д., Хубулова С. А., Камболова И. Т. Добровольные общества Северной Осетии в 1920-1930-е гг. Владикавказ, 2010. С. 106

² Власть труда, 1925, 28 янв.

³ Власть труда, 1925, 8 февр.

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп.1. Д. 16. Л.9

где население не отказалось от традиционных форм религиозности. «Работа в селах плохая, — доносил в Агитпропотдел обкома ВКП (б) М. Тогузов, — ею не интересуются»¹. В отчете руководителя местного отделения НКВД сообщалось, что «депутат городского совета Герасимов (скрывает о том, что была монашка), пользуется неограниченным авторитетом среди верующих граждан Курской слободки. В 1936 г. носила икону кулака Корнева, где провели служебное молебствие»². Общественность узнала и о религиозной работе бывшей монашке, депутата горсовета Булыгиной. В газете «Власть труда» отмечалось, что «слушая сегодня доклады «Был ли Христос» и проч. на антирелигиозную тему, на завтра некоторые товарищи отправятся в церковь. На замечания беспартийных, что не годится атеистам бывать в церкви, раз они не верят, активист отвечает. Нам не запрещают ходить в церковь, а мне нравятся церковные обряды»³. Более того, часть комсомольцев-активистов в обыденной жизни не отказывалась от традиций. Так, в с. Ольгинском комсомолец Акиев, известный как борец с религией, вступив в брак, обвенчался со своей невестой в церкви⁴. Комсомолец Медякин, над которым вершили суд товарищи за венчание в церкви, заявил: «Идя под венец, я напился и смеялся над собой»⁵.

Нужно отметить, что лица, облаченные властью, также не были в стороне от подобных «радостей жизни». Так, объектом специального разбирательства стало поведение некоторых работников областного ЧК, членов партии. Белячков, Никитченко, Порклядецкий в честь Пасхи устроили 6-дневный кутеж, где все перепились, а затем стали выяснять отношения. Все это происходило на глазах арестованных, красноармейцев,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 124. Оп.1. Д. 500. Л. 18

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 53. Оп.1. Д. 69. Л. 105

³ Власть труда, 1925, 20 апр.

⁴ Горская правда, 1923, 12 июля

⁵ Горская правда, 1922, 28 дек.

и «случай стал достоянием улицы»¹. Обыватели возмущались «до глубины души, т.к. они живут впроголодь, а отдельные ответственные товарищи напиваются до потери сознания».²

С целью повышения процента безбожников в сельской местности Бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) предложило: «1. Восстановить и организовать на местах ячейки СВБ; 2. Обеспечить систематическое проведение по селам, колхозам антирелигиозных и естественнонаучных докладов и лекций. Эта работа должна быть тесно увязана с задачей классовой борьбы на нынешнем этапе... надо неустанно разъяснять верующим, как пытаются их использовать классовые враги»³.

Для активизации антирелигиозной работы на селе предлагалось привлечь все имеющиеся в ней культурно-просветительные учреждения: «избы-читальни, народные дома и школы, систему школ-передвижек с включением в основной курс политграмоты естествознания»⁴.

Остро ставился вопрос о работе среди сельских женщин, которые были консервативнее мужчин, посещали церковь и воспитывали детей в религиозном духе. Следовало повышать культурный уровень и этой группы населения. Принимая во внимание сильную загруженность по дому женщин, женотделы совместно с местными пунктами по ликвидации неграмотности организовали обучение на дому⁵. Женорганизаторы проводили большую разъяснительную работу, выступая на собраниях, конференциях, на страницах местных газет. Бюро Северо-Осетинского обкома партии, Областной женотдел совместно с редакцией газеты «Власть труда» наладили выпуск «Странички горянки», где печатались советы по ведению хозяйства, заметки о безбожии. Этими материалами

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 205. Оп.1. Д. 1. Л. Л. 6-6 об.

² ГАНИ РСО-А. Ф. 205. Оп.1. Д. 2. Л. Л. 16.

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.2. Д. 816. Л. 7

⁴ Там же. Л. 19

⁵ ЦГА РСО — А. ФР. 41., Оп.1., Д.248. лл.2-3.

активистки пользовались в своих беседах с женщинами, так, при отделе работниц устраивались читки для женщин-безбожниц, которые порвали с верой в Бога¹.

Новый этап внедрения атеизма в массы характеризуется, прежде всего, как «борьба за новый быт, с религией стали бороться как с пережитком прошлого. Церковные обряды выдвигались новыми.

Неотъемлемой чертой повседневности первых пятилеток становятся революционные праздники — мощное средство идеологического влияния государственной важности. Учитывая массовую природу празднеств, большевики стремились использовать их как средство активного вовлечения народа в общественно-политическую жизнь страны, как механизм внедрения социалистических ценностей и идеалов. Формирование нового календаря проходило постепенно и обеспечивалось серией законов, установлением выходных. Большое внимание власть уделяла и тому, чтобы новые праздники отражали пролетарское и интернациональное начала. Новый пролетарский календарь был идеологически выверен и отражал программные установки правящей партии.

В основу создания пролетарского календаря были положены следующие законодательные документы:

- Конституция СССР;
- акты, обусловившие смену социального развития;
- документы по организации рабочего времени и выходных дней, их оплаты;
- документы об утверждении праздников².

Некоторые статьи первой Конституции РСФСР имели значение для организации нового календаря. Так, ст. 13 обеспечивала свободу совести трудящихся. Декреты «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и «Об отделении

¹ Власть труда, 1926, №6

² Хубулова С. А., Гапеева М. С. «Маленькие люди» в «большой истории»... С. 216

церкви от государства и школы от церкви» также повлияли на становление нового календаря¹.

До революции в России было 45 выходных дней: 12 главных церковных праздников, дни рождения и тезоименитства членов императорского дома и проч. В 1917 г. Владикавказская управа в связи с новыми веяниями утвердила список 29 неприсутственных дней, в том числе праздник 2 марта — день падения царской династии². Из новых праздников в список попало только 1 Мая.

С приходом к власти большевиков кардинально изменился календарь: «Терский областной народный совет в согласии с декретом СНК РСФСР постановляет ввести по истечении марта месяца в гражданский обиход новый календарь. В виду этого после 31 марта считать не 1 апреля, а 14 апреля»³. Были установлены новые пролетарские праздники, о которых речь пойдет ниже.

Один из первых декретов (1918 г.), повлиявших практически на все сферы деятельности советского государства — «Декрет о введении западноевропейского календаря». Согласно ему были смещены многие исторические даты и перенесены некоторые праздничные дни, прежде всего религиозные⁴.

Новый календарь пока включал в себя наряду с пролетарскими религиозные и традиционные праздники, но в своей основе строился на революционных событиях прошлого. В результате возникали новые сакральные даты. В целом, праздничные дни, отмечаемые в первое десятилетие, были посвящены следующим событиям: 1 января — Новый год; 15 января — Годовщина смерти К. Либкнехта и Р. Люксембург; 22 января — День 9 января 1905 г.; 23 февраля — День Рабоче-Крестьянской Красной армии; 8 марта — Международный день работ-

¹ СУ рабочего и крестьянского правительства. 1918, №90. Ст. 921

² Терский вестник, 1917, 11 мая

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 35. Оп.1. Д. 2. Л. 8

⁴ СУ рабочего и крестьянского правительства. 1923, №70. Ст. 678

ниц; 12 марта — Низвержение самодержавия; 18 марта — День Парижской Коммуны; 22 апреля — День рождения В. И. Ленина; Апрель-май — Пасха; 1 Мая — День Интернационала; 5 мая — День Печати; 7 и 8 ноября — День пролетарской революции; 25 декабря — Рождество¹.

На Тереке первая годовщина революции отмечалась в октябре 1920 г. Учитывая важность этого события, организации праздника уделялось особое внимание. Первое празднование годовщины пролетарской диктатуры должно было в Терской Республике послужить ярким доказательством ее несокрушимости, демонстрировать силу советской власти. При этом организаторы торжества указывали на особую необходимость «сделать все возможное, чтобы устройство этого празднования охватило и привлекло к участию в нем самые широкие массы фабрично-заводских и сельскохозяйственных рабочих, трудовых казаков, городскую и станичную молодежь, а где возможно, и детей»². Основной целью этой и других пролетарских праздничных кампаний была необходимость «добиться осознания не только у организованного населения, но и у неорганизованного той великой миссии, которая предстоит пролетариату в дальнейшей борьбе за освобождение трудящихся всего мира от ига капитализма»³. Так, в праздник Рамадан-Байрам служащие и рабочие всех гражданских и военных учреждений Горской АССР мусульманского вероисповедания освобождались от работы на 3 дня⁴.

Областной комиссариат труда не чинил препятствий и уведомил, что с отделением церкви от государства, последнее «не регулирует времени отправления богослужений,

¹ Хубулова С. А., Гапеева М. С. «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ, 2007. С. 244

² Там же Л. 83

³ ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 6. Л.2

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

и таковые могут отправляться в любые дни по настоянию церкви»¹.

Для создания новой, пролетарской ментальности большое значение имели и средства монументальной пропаганды, что также закреплялось в многочисленных постановлениях, регулировавших снос и установку различных мемориальных сооружений². Памятники бывшей эпохи уничтожались, но рекомендовалось устанавливать монументы революционным и общественным деятелям, вызывавшим одобрение нового государства: «Памятники, воздвигнутые в честь царей, их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной сторон, подлежат снятию с площадей и улиц...»³. Так, среди прочих был уничтожен памятник рядовому Архипу Осипову и штабс-капитану Лико, установленный еще в 1881 г. героям-апшеронцам. Их места заняли памятники новым, советским кумирам. Эти постановления способствовали идеологическому воспитанию граждан, ликвидации символов прошлой жизни, их замене новыми, утверждающими социалистические ценности. Например, было принято решение об устройстве триумфальной арки ко дню Октябрьских торжеств⁴. Свыше 13 млн. руб. предполагалось затратить на постройку во всей области «народных домов, а во Владикавказе — рабочего дома имени Октябрьской революции»⁵.

Так, в 1926 г. были установлены памятники В. И. Ленину в г. Владикавказ, селах Кобан, Дарг-Кох, ст. Змейской.

С особой торжественностью стали проходить похороны жертв революции: «Тысячи граждан пришли почтить память безвременно погибшего товарища Буачидзе. Гордо развевались красные знамена... Утопала в зелени и цветах арка, на

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 436. Л. 4

² О памятниках Республики: декрет СНК РСФСР от 12 апр. 1918 г.// Декреты Советской власти. М., 1959. Т.2. С. 95-97

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 81. Оп.1. Д. 17. Л. 25

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 3. Л. 54

⁵ Культурное строительство в Северной Осетии... С. 221-222

возвышенности которой полукругом развевалась широкая лента с надписью: «Вечная память вождю терской демократии товарищу Буачидзе». Панихида открылась речью председателя исполкома Совдепа... Угрюмо стояли солдаты и красногвардейцы, рабочие, женщины, дети. Затем говорили представители всех общественных и политических организаций». В промежутках оркестр духовой музыки и хор певчих исполняли похоронный марш «Вы жертвой пали в борьбе роковой»¹. Похороны превращались в демонстрацию, наряду с траурными флагами были красные знамена, транспаранты с «социалистическими лозунгами»². Менее пышные, но также пронизанные новой символикой, похороны устраивали активистам партийной и комсомольской организаций Северной Осетии: «На днях умер активный комсомолец ст. Змейской, — писала газета «Власть труда». — Родители желали похоронить его с попом, но членам ячейки удалось уверить стариков, чтобы хоронили по-комсомольски. Утром комсомол и школьники со знаменами пошли провожать т. Кириллова на кладбище. К похоронной процессии присоединилась милиция на лошадях в полной боевой форме, и с пением нашего марша при многолюдной толпе понесли товарища на кладбище при трехкратном ружейном салюте...»³.

Таким образом, формировалось новое «сакральное» пространство, зачастую становившееся средой революционной праздничной культуры. Когда было сломано старое общество с присущей ему социальной стратификацией, началась и ломка субдоминантной структуры⁴. Новая власть ставила задачу смены функций мест вследствие своих идеологических пред-

¹ Терский вестник, 1918, 22 июня

² Терский вестник, 1917, 1 июля

³ Власть труда, 1925, 23 апр.

⁴ Сальникова А. А. Советская власть и культурный ландшафт провинциального города (Казань, 1920-1930 гг.). // Россия и современный мир. 2004, №1 (42). С. 163

ставлений¹. Например, разместить советские учреждения в помещении бывших торговых рядов. Или сломать церковь и разбить на ее месте сквер².

Больших успехов достигла власть в области создания революционной топонимики. Переименование улиц и переулков Владикавказа началось сразу после революции, причем первыми пострадали носившие имена монархов и членов царской семьи. Так, центральная улица города — Александровский проспект³ — была переименована в пр. Пролетарский, ул. Евдокимовская (названная в честь первого начальника Терской области) — в ул. Троцкого. Самая большая площадь города — Михайловская — получила название Свободы, городской сад стал называться Парк Молодежи и т.д. Городская топонимика все больше обогащалась революционной терминологией: ул. Офицерская была переименована в ул. Красноармейскую, ул. Лагерная — в ул. Кольбуса, Лорис-Меликовская — в ул. Ленина. Показательно, что большинство новых названий приживалось с трудом. В обиходе по-прежнему были старые названия улиц (Крепостная, Кладбищенская, Фельдмаршальская, Соборный и т.д.)⁴.

Основной и особенно важной частью праздничной агитационной кампании были лекции, доклады, митинги, собрания, проводимые в каждой ячейке, районе или профсоюзе под руководством «заранее взятой на строжайший учет, лучшей части живых партсил, способной к ведению бесед и массовой агитации»⁵. Праздничные доклады, выставки служили привлечению внимания неграмотных и неискушенных в политике граждан, способствовали пропаганде политики новой

¹ Хубулова С. А. Культурный ландшафт Владикавказа. / Северная Осетия: история и современность. — Владикавказ, 2006. Вып. 7. С. 112

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1047. Л. 5; ФР. 56. Оп. 1. Д. 149. Л. Л. 131, 155, 266

³ Назван по имени российского императора

⁴ Весь Владикавказ. Справочник-адрес-указатель. Владикавказ, 1926

⁵ Горская правда, 1923, 8 нояб.

власти. Лозунгами антирелигиозных кампаний были призывы к продолжению борьбы, что в итоге должно было найти отклик в аудитории, принимавший типичную для той обстановки форму: «Перед лицом революции клянемся, что не забудем тех борцов, павших 25 октября 1917 года за счастье и лучшее будущее для человечества»¹.

Основной целью празднеств было создание атмосферы единства, сплоченности и непобедимости первого социалистического государства. «По истечении порядка дня, кустовое объединение двигалось с оркестром по городу, охватив его со всех сторон», — очевидно, таким образом, предполагалось привлечь к шествию внимание тех, кто не участвовал вместе с остальным «организованным населением» во всеобщем митинге. Домохозяйки, мелкие торговцы и прочие обыватели, заинтересовавшись праздничным шумом, выходили на улицу и превращались из сторонних наблюдателей в невольных участников событий. Шествие со знаменами и транспарантами направлялось к братской могиле, где оратор «оттенял деятельность борцов, погибших за дело революции»².

Каждая годовщина пролетарских праздников служила определенным рубежом для проведения итогов очередного этапа строительства и постановки новых задач. Об этом с особой наглядностью свидетельствуют лозунги, разрабатываемые в центральном партийном комитете для каждого праздника: «Авангарду грядущей мировой революции — Коммунистическому Интернационалу — привет!»; «День Октябрьской годовщины с нами празднуют миллионы рабочих всего мира. Да здравствует мировой Октябрь!»; «Задача Октября не выполнена до конца. Рабочий, утрой усилия, чтобы преодолеть разруху!»³.

¹ Культурное строительство в Северной Осетии... С. 79

² Коммунист, 1923, 6 нояб.

³ ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д. 6. Ч.2. Л. 82

Наряду с годовщиной октябрьской революции к числу важнейших государственных праздников уже в первые годы советской власти был отнесен праздник 1 Мая¹.

С приходом большевиков к власти 1 Мая было объявлено нерабочим днем². В 1917 г. в празднике труда сочетались, казалось бы, несовместимые впоследствии формы, например, молебен и митинг. Однако уже в 1918 г. газеты писали о том, что «день 1 Мая, день пошленьких мещанских маевков, стал днем величайшего праздника мира — днем пролетарской весны»³. Праздник 1 Мая отмечали торжественно «как праздник освобождения пролетариата от ига рабства»⁴.

В 1918 г. праздничные мероприятия включали шествия, оформленные лозунгами и плакатами, с участием красноармейцев, различной техники, сопровождавшиеся исполнением революционных песен; митинги на главной площади или за городом с выступлением деятелей революции; траурные церемонии у могил павших героев революции (приспускание знамен, произнесение речей); общее фотографирование участников событий.

Так как большевики стремились осуществить социалистическую эмансипацию, то большое значение придавалось дню 8 Марта, который имел исключительно «общественно-политический характер» и проводился как широкомасштабная «общепартийная агиткампания» вовлечения в общественную жизнь женщин-горянок.

Агитаторы, выступавшие на митингах 8 марта, освещали историю праздника, который вырос на «почве женского бесправия и вытекающей отсюда борьбы за получение политических прав» и всячески подчеркивали важность праздника

¹ См: Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани и Черноморья (1920-е гг.): дисс...канд. ист. наук. Краснодар, 1999

² Правила об еженедельном отдыхе и о праздничных днях. //СУ, 1918, №87. Ст. 1114

³ Горская правда, 1921, 21 апр.

⁴ Горская правда, 1921, 29 апр.

«для работниц всего мира, а не только русских работниц». Одновременно агитаторы ставили новые задачи.

Придать праздничную атмосферу безрадостной реальности призвано было освобождение работниц и крестьянок от «несения общественных обязанностей» в день 8 Марта: раздача в зависимости от возможностей местных исполкомов подарков в виде фруктов и товаров первой необходимости и вечерние бесплатные спектакли и киносеансы¹.

Как видим, пролетарские праздники, принятые советской властью в качестве общегосударственных, непосредственным образом связаны не только с политической и социальной борьбой, но и вытеснением религиозных постулатов из общественного сознания².

В 1920-е гг. основным пространством праздника являлись улицы, обеспечивавшие движение людских масс, могилы-памятники погибших революционеров как место поклонения, и площади, служившие местом сбора, вмещавшие участников сбора, демонстраций и митингов, также и зрителей.

Агитпроп Горреспублики начал совместно с Северо-Кавказским политпросветом формирование разъездной лекторской группы для ведения антирелигиозной пропаганды. К каждой религиозной дате избачи и члены общества безбожников выработывали план мероприятий, охватывающий г. Владикавказ и села.

Наибольшие нарекания властей вызывало празднование Рождества. Каждое Рождество сопровождалось предварительной massированной подготовкой к антирелигиозным мероприятиям. Например, к Рождеству 1926 г. было намечено: 1. На Шалдоне, Молоканской и Курской слободках ознакомить население с докладом о сущности праздника, затем показать спектакль на украинском языке; 2. На Осетинской слободке планировали чтение доклада, затем вечер самодеятельности.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.1. Д. 26. Л.9 об

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 9. Л.23

Критика несостоятельности религиозных верований и освоения методики антирелигиозной работы предусматривались в программах школ политграмоты, различных конференций, курсов¹. Рабочие механического цеха вагоноремонтного завода постановили 25 декабря (Рождество) отработать на индустриализацию в своей подшефной деревне².

В материалах по проведению антирелигиозных праздников говорилось: «В связи с переживаемыми трудностями попы и сектанты усиливают свою агитацию среди женщин — домашних работниц, домохозяек. Нужно поставить доклады среди женщин, в которых должен быть заострен вопрос на причинах наших затруднений, на контрреволюционной роли поповско-сектантской агитации и на кабально-эксплуататорских взглядах религии на женщину»³.

Агитаторам рекомендовалось использовать следующие формы: а) просветительскую — доклады, речи на собраниях и митингах, лекции и курсы, диспуты, устные газеты; б) воспитательно-эмоциональную — организация особых праздников и замен религиозных дисциплин, дисциплинарные суды, бойкоты; в) сравнительно-показательную — схемы, диаграммы, показательные выставки и т.д.⁴

Следуя указаниям Центра, Владикавказский Окружной политпросвет и Союз безбожников определили методы работы с населением: провести антирождественскую кампанию по новому и старому стилю; избам-читальням использовать лозунги, стенгазеты, разъясняющие происхождение Рождества, агитацию за новый быт; доклады на антирелигиозные темы, вечеринки для молодежи⁵.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР.-124. Оп.1. Д.33, 36

² Власть труда, 1929, 24 дек.

³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 99. Оп. 1. Д. 23. Л. 27

⁴ Дзанаева С. Ф. Формирование советского досуга населения Северной Осетии в 1920-х гг.: автореф. дисс... канд. ист. наук. — Владикавказ, 2008. — С. 15

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д.693. Л. Л. 34-34 об.

Чтобы сделать движение массовым, между районами Северо-Осетинской регулярно устраивали соцсоревнования с непременным перевыполнением на 100-200% вовлечения в антирелигиозные ячейки. Поощрялась инициатива на местах по организации филиалов Общества «Безбожник»: «Владикавказский Соцвос предлагает Вам проводить в клубные дни в школе работу по организации кружка «Безбожник» и в них вести антирелигиозную работу. Отделу народного образования города Владикавказа разослать по школам циркулярное письмо с требованием организовать кружки «Безбожник» и в них вести антирелигиозную работу»¹. Некоторые рьяные безбожники в своем стремлении перевыполнить плановые задания выносили решения «об организации в пасхальные дни массового сожжения икон»².

Успехи в утверждении материалистического мировоззрения среди трудящихся иногда кружили головы отдельным работникам. Вот яркий пример. На заседании Бюро Владикавказского окружного комитета ВКП (б) слушали доклад о проведении антипасхального месячника. Постановили: «предложить фракции горсовета запретить торгующим организациям города продажу спиртных напитков в пасхальные дни. Учитывая требования рабочих ряда предприятий — об организации в пасхальные дни массового сожжения икон, Бюро ВКП предлагает СвБ провести широкую разъяснительную работу среди рабочих и колхозников, решительно подчеркивая недопустимость каких-либо элементов принуждения к сдаче икон»³. Ежегодно составлялся план антирождественской кампании, в соответствии с которым каждая организация получала задание: «1. Библиотекам устроить выставки антирелигиозной литературы с рекомендательными списками; 2. Клубам подготовить не менее двух постановок с таким расчетом, чтобы

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 49. Оп.1. Д.222. Л.13

² ГАНИ РСО-А. Ф.2. Оп.1. Д. 91. Л. 8

³ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д.90. Л.89

выступить 24-го декабря и 6-го января; 3. Редколлегиям выпускать специальные стенгазеты, пополнять их местным материалом; 4. Кинотеатры должны в дни праздников как можно шире охватить организованного рабочего зрителя, чтобы отвлечь от пьянки и других видов праздничного времяпрепровождения»¹.

В антирелигиозной работе было задействовано и искусство. В кинотеатрах Владикавказа показывали фильм «Отец Сергей», в котором в извращенной форме трактовались христианские заповеди. Первые спектакли по той же проблематике ставили кружки художественной самодеятельности, например, пьесу М. Булгакова «Сыновья муллы» и чеченского автора С. Бадиева «Песня о бесчестном мулле и прекрасной Зейнап». Не остались в стороне и поэты — М. Камбердиев посвятил разоблачению влияния духовенства на умы населения целый цикл стихов.

Важно было создать обстановку, когда идеологическое содержание наиболее органично воспринималось бы участниками празднеств, стало неотъемлемой частью жизни. Зрелищность и яркость данных мероприятий была причиной их массовости, кроме того, в пролетарских праздниках нередко использовались дореволюционные российские традиции, в том числе и церковные.

Массовая демонстрация, как форма проведения праздника, превратилась в советской России из орудия борьбы в вид нового обряда, становление которого пришлось на 20-е гг.²

Вместо старых имен, заимствованных из святцев, все чаще давались новые: «Наши имена должны быть полны революционным содержанием. У нас есть первые революционные имена. Для девушек наиболее распространены: Октябрина, Нинель,

¹ Власть труда, 1928, 21 дек.

² Синанов Б. А. Некоторые аспекты антирелигиозного воспитания молодежи Северной Осетии в 1920-1930-е гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011, №9. С. 115

Звездочка, Искра. Для мальчиков: Ким, Вилен, Октябрь...»¹.

Вместо крестин — «октябрины» (и «уже широко применяются зачисление ребенка еще при октябринах в члены профсоюза или в кандидаты в комсомол»)².

Подытоживая результаты «атеистических пятилеток», Бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) отметило ошибочное мнение ряда партийных деятелей о том, что в Северной Осетии нет надобности для ведения антирелигиозной пропаганды, т.к. Осетия «является безбожной, основываясь на том, что нет почти ни одной действующей церкви кроме Притеречного округа...»³. Как замечено в местной партийной печати начала 30-х годов: «Отныне борьба с религиозным дурманом стала неотъемлемой от основных задач социалистического строительства»⁴. Конечно, партийные организации не забывали об атеистическом воспитании масс, но, учитывая обстановку и свои возможности, проводили эту работу очень осторожно. Таково было указание ЦК ВКП (б). Северо-Кавказский крайком партии в одном из своих документов за 1926 год отмечал, что атеистическая работа в национальных автономиях еще не развернута в силу отсутствия работников-националов, соответствующей литературы и пособий, а также особенностей быта горцев⁵. Настоящее соревнование, открытая бескомпромиссная борьба за влияние на детей между служителями культа и советскими органами на местах начались позже и продолжались в течение долгого времени⁶.

Однако, подрыв материальной базы Церкви и административные гонения против духовенства не приблизили власть к поставленным целям. Политический отдел по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом разослал

¹ Власть труда, 1929, 4 янв.

² Юный пролетарий, 1924, №1. С. 6

³ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.2. Д. 47. Л. 4

⁴ Власть труда, 1930, 27 марта

⁵ Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). 1926. С. 12

⁶ Власть труда, 1929, 23 янв.

по районам секретную депешу, в которой с большим неудовольствием отмечалось: «Несмотря на то, что прошло 5 лет со времени принятия Декрета об отделении церкви от государства, он фактически в жизнь еще не приведен»¹. Одним из препятствий для развертывания деятельности, по мнению руководства Союза Безбожников, была «религиозность стариков — родителей безбожников и некоторым безбожникам особенно трудно вести антирелигиозную пропаганду и даже самому состоять в СБ»².

Антирелигиозная работа большевиков была направлена на вытеснение из сознания верующих церковных догматов. Строительство нового общества требовало людей всемерно преданных революционным идеалам.

В 1930-х гг. РПЦ, из неравной борьбы с государством вышедшая обескровленной экономически, физически и морально, продолжала функционировать и даже переживала определенное «религиозное возрождение». Ужесточение методов антирелигиозной борьбы в 1930-х гг. свидетельствовало о том, что атеистические мероприятия советской власти оказались недостаточными. Несмотря на проделанную СВБ работу по секуляризации религиозного пространства, влияние религии было велико: по данным статистического управления СОАС-СР в конце 1930-х гг. верующими признавали себя 50% населения, 25% — колеблющиеся. Последние чаще переходили в различные религиозные организации³. Так, в отчете Бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) за 1940 г. отмечено, что «секта евангельских христиан имеет несколько своих общин в осетинских селениях. Всего сектантством заражено до 30 селений»⁴. Кроме того, осетинское население, особенно в селах, становилось «внутренним эмигрантом» и вело сокрытую ре-

¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 41. Оп.2. Д.18. Л.37

² ГАНИ ЦГА РСФСР-А. Ф. 4. Оп.1. Д.40. Л.160

³ ГАНИ РСФСР-А. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л.112.

⁴ ГАНИ РСФСР-А. Ф. 1. Оп.2. Д. 45. Л. 4

лигиозную жизнь, руководствуясь традиционными верованиями и обрядами: «До сих пор повсюду распространено выполнение целого ряда обрядов религиозного характера, — в резолюции совещания по вопросам антирелигиозной работы при Северо-Осетинском обкоме ВКП (б), — старинной осетинской религии кувд, варение ритуального пива, поклонение рощам, камням. Причем эти обряды в сознании масс являются религиозными обрядами и выполняются ими как религия предписывает. До сих пор сохранилась вера в Джиор-Губа. Уацила, в Майрамта, Адеги и т.д. Роль церковного аппарата выполняют старики»¹.

В то же время в РПЦ отмечался рост числа верующих. Это объяснялось недовольством части населения мероприятиями государства, проводимыми методами насильственной коллективизации и раскулачивания, бесчинств в отношении священства и верующих². В 1928 году Агитпроп ЦК ВКП (б) констатировал оживление религиозной идеологии в стране, ее модернизацию: «Служители культа ведут индивидуальную обработку верующих, посещают их квартиры, — доносит уполномоченный по культам, — призывают в своих проповедях и на исповедях к совершению обрядов, используют для работы среди верующих своих активистов и фанатиков»³.

Показательны в этом отношении данные, которые были обнародованы местным НКВД в 1937 г.: «Нашей проверкой установлено, что посещение церквей в пасхальную ночь было в следующих размерах: в обеих кладбищенских церквях города с 1-го на 2-е мая присутствовало 400-500 чел в каждой, из числа которых 100-120 — молодежь и дети. Греческая церковь

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 124. Оп.1. Д. 580. Л. 16

² Цыремпилова И. С. Из истории взаимоотношений государства и Русской православной церкви байкальской Сибири в 1930-е гг.: автореф. дисс... канд.ист.наук. 07.00.02 — отечественная история. Петрозаводск, 2006. С. 18

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 773. Оп.1. Д. 2. Л. 2

города также была переполнена, присутствовало 800-1000 чел., из них молодежи — 150-200 чел.

Ст. Архонская. В ночь на 2-е мая в церкви во время богослужения присутствовало 5-6 тыс. человек, из них детей школьного и дошкольного возраста — 400-500 чел.

Ст. Николаевская. Присутствовало 4-5 тыс. чел.

Ст. Змейская. Присутствовало 2-3 тыс. чел., из них детей 800-1000 чел.»¹.

Верующие освящали куличи, пасху, яйца. До 1930-го г. в праздник было принято христоваться². Граждан, отмечавших религиозные праздники, было немало, и борцы с религией вынуждены признать: «Яйца, куличи, пасху и другие культовые продукты» употребляют во многих семьях, в том числе в рабочих³.

В течение указанного периода религиозные общины представляли собой весьма сложную в социальном и поло-возрастном плане группу населения.

Чтобы получить картину социального состава верующего населения по городу, были проанализированы материалы переписей 1923 г., 1926 г. и 1933 г. Этот анализ позволяет определить динамику и специфику социальной структуры приходских общин города.

Таблица 9

**Социальный состав приходских общин г. Владикавказа
(1923-1933 гг.)**

Социальные группы	1923 г.	1926 г.	1933 г.
рабочие	17,8%	17,4%	17,1%
служащие	26,6	18,5	3,1
неработающие	46,5	55,9	73,3
торговцы	3,1	3,4	-
учащиеся	1,1	1,0	-
духовенство	0,5	0,5	0,1

¹ ГАНИ РСО-А. ФР. 53. Оп.1. Д. 61. Л. 106

² Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 184

³ Власть труда, 1937, 25 апр.

Из таблицы видно, что на протяжении небольшого отрезка времени произошли существенные изменения в социальном составе верующих. В 1920-х гг. происходит вымывание из рядов верующих групп учащихся, торговцев, служащих. Как известно, свертывание нэпа привело к ликвидации частных предприятий, лавочек, что, в свою очередь, способствовало сокращению количества нэпманов. По мнению активистов СВБ «если у них (верующих — Авт.) и продолжают еще посещать молитвенные собрания, то многие ходят по привычке, а с другой стороны, многие боятся пересудов и неприязненного отношения своего общества, с которым они выросли»¹.

Наиболее высокой среди прихожан была доля неработающих — домохозяйки, безработные, пенсионеры. Неработающие прихожане (часто в силу возрастных особенностей) чаще посещали храм, были активными прихожанами, обладали большей независимостью от государственных, профсоюзных и общественных организаций.

Эти факты свидетельствуют о возросшей роли неработающих женщин за сохранение православной традиции. Именно они могли оказать прямое воспитательное воздействие на поколение, родившееся в 1930-е гг. и вступившее во взрослую жизнь в послевоенный период.

Антирелигиозные идеи гораздо легче проникали в сознание мужской части населения и молодежи. Религиозность в городской среде в значительной степени поддерживалась людьми старших когорт и женщинами.

Среди партийцев наблюдалось полное безразличие к столь «важной и политически необходимой работе». Правление Союза безбожников жаловалось на то, что коммунисты отказываются вступать в члены этой организации, мотивируя это следующим: «Я коммунист, и отсюда ясно, что я безбожник — поэтому мне не нужно быть членом союза безбожников»².

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 4. Оп.1. Д. 36. Л.44

² Власть труда, 1929, 16 янв.

Открыто выражать свое положительное отношение к религии становилось опасно. Замеченные в попустительстве, а тем паче в отпавлении культа граждане преследовались в коллективах, хотя в основополагающих документах государства предусматривалась свобода вероисповедания, отказ гражданам в приеме на работу или учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии является нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви¹.

Современники отмечают, что особенно в конце 1930-х гг. администрация или доверенные лица бдительно проверяли руки сотрудников на предмет обнаружения на них краски от пасхальных яиц. Уличенные подвергались общественному порицанию², «сегодня им нравятся церковные обряды, завтра попробуют креститься и класть поклоны, а там религиозный дурман цепко захватит их в свои лапы»³. В предпраздничные дни газеты особенно активно печатали материалы о вовлечении «несознательных граждан» в религиозные общины. Так, был описан случай в дни Пасхи с одной сельской комсомолкой: «Стою с комсомолкой, беседуем о собрании. В это время подходит пожилая женщина — А, Катечка, здравствуй! Христос воскрес. Милая! Воистину воскрес, Зинаида Ивановна!» И здесь же на улице они целуются. Этим поступком комсомолка загрязнила значок КИМа на своей груди. На вопрос: «Почему ты христуешься?» она возразила: «Надо угодить старушке, ей это приятно, а я все равно не верю». Зачем же накидывать некрасивую тень на комсомол?»⁴.

Верующие участвовали в православных обрядах⁵. Свиде-

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. — 639. Оп. 3. Д. 102. Л. 36

² Легостаева Е. С., 1926 г.р., г. Владикавказ (записано 26.04.2010 г.)

³ Власть труда, 1925, 10 мая

⁴ Власть труда, 1926, 25 апр.

⁵ Павлиди Е. А. Общество греков Северной Осетии «Прометей». / Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Т.2. М., 1995. С. 37

тельства некоторых прихожан позволяют констатировать, что в указанный период церковные обряды претерпевали существенные изменения, что было связано не только с подрывом имущественного положения храмов, но и с теми ограничениями, которые получили законодательное подкрепление. Вплоть до 1929 г. собирал верующих на церковную службу колокольный звон: «Как услышат звон колокола, так и собирались в церковь. Практически все прихожане знали звук своего колокола»¹. В праздничные дни в церковь ходили семьями, занимая там специально отведенные места: «Настроение такое, что хочется куда-нибудь пойти, пойти некуда, рабочие и идут в храм просто потому, что...хор хорошо поет»². Даже в 1960-х гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ доносил в Совмин СОАССР о том, что «в религиозные праздники Пасха и Рождество и др. на богослужение собирается значительно больше верующих, чем их вмещает церковь»³.

Важным проявлением православной традиции продолжала оставаться исповедная практика. Как свидетельствуют старожилы, исповедоваться ходили до конца 1930-х гг. Из воспоминаний П. Лукаш: «Я сама исповедовалась. Исповедь была вечером, а утром причащались».

В течение 1920-1930-х гг. традиционно значимым для верующих оставались таинства крещения и миропомазания⁴. Население сохраняло стойкую привязанность к таким религиозным обрядам, как крещение, свадьба, похороны. Увеличилось количество отправок церковных таинств, что можно проследить на примере не прекращавшей работу Ильинской церкви города Владикавказа. В 1928 году было зарегистрировано 124 факта крещения, 46 отпеваний, 78 венчаний⁵.

¹ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 186; Лукаш А. И., 1925 г.р., г. Владикавказ (записано 20.08.2013 г.)

² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города...С. 218

³ ЦГА РСО-А. ФР. 773. Оп.1. Д. 2. Л.6

⁴ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 128

⁵ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп.1. Д. 1928. Л. 7

В 1930-е и последующие годы имело место подпольное крещение. Современники вспоминают, что крещение происходило часто не в церкви, а в водоеме, реке и др. Отдел пропаганды и агитации при Северо-Осетинском обкоме партии отмечал в своих отчетах: «Имеются случаи подпольных крестин детей»¹. Даже в середине 1970-х гг. крестили 60% родившихся младенцев, отпели 65% умерших².

Отправлению похоронно-поминальных обрядов до середины 1930-х гг. не препятствовали, на протяжении 1920-х гг. в областной газете «Горская правда» официально объявляли о предстоящем отпевании умерших.

Поминальная часть обряда проходила дома, приглашался священник, поминали стоя. В поминальные дни (Мясопустной Субботы, Троицкой родительской субботы, Троицы) на кладбищах совершались панихиды.

Сохранялись традиции участия верующих в церковных праздниках. Несмотря на внедрение в быт населения новых советских праздников, религиозный календарь не утратил своей роли. В местных партийных кругах отсутствовало единомыслие по поводу форм и содержания антирелигиозной работы, что довольно ярко проявлялось в некотором послаблении: учитывая местную специфику, власти разрешали празднование национальных общенародных осетинских праздников: Джиоргуба, Уацилла, день «Хуыццауыдзуар»³. Данные отступления от общесоюзных антирелигиозных происходили в связи с традиционным настроением населения, особенно, его сельской части, которое не отказалось от отправления важнейших традиционных религиозных дат.

Итак, концу 1930-х гг. в Северной Осетии действующих приходов практически не осталось. В храмах разместились цеха заводов, клубы, склады, музеи. Протестов и возмуще-

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 901. Оп.1. Д. 32. Л.84

² НА СОИГСИ. Ф.9. Оп.1. Д. 12. Л.6

³ Дзанаева С. Ф. Указ.соч.; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.1. Д.32. Л.1 об

ний жителей уже не было. Молодежь, воспитанная в анти-религиозном духе, руководствовалась другими ценностями — построением социализма, революционными праздниками общественной работой, участием в массовых общественных организациях.

В условиях массированного давления на церковь и верующих заметно возросла роль атеистических организаций, призванных искоренить из сознания населения любое проявление религиозности. Проводимая антирелигиозная работа имела определенные успехи. Но, несмотря на мощную финансовую и государственную поддержку, большинство мероприятий антирелигиозного характера не достигали поставленных целей. Массовые репрессии, особенно, в 1937-1938 гг., вызывали страх за себя и свою семью, заставили большинство населения соглашаться с воинствующими безбожниками, либо становиться «внутренними эмигрантами» и вести глубоко сокрытую религиозную жизнь.

Публичная церковная жизнь на местах угасла. В ходе социокультурной модернизации 1920-30-х гг. подверглись значительной деформации духовная, правовая и нравственная сферы.

3.2. Молодежь в системе атеистического воспитания

Перед партией стояла задача воспитания новых поколений советских граждан, беззаветно преданных делу строительства социализма, полностью принимающих политические установки ВКП (б). Атеистическое воспитание молодежи представлялось значимым и актуальным. Прежде всего, предстояло отвлечь молодых людей от исполнения религиозных обрядов, от участия в богослужениях и т.д.

Молодежное религиозное пространство было урезано до предела, хотя по данным на 1927 г. в различных религиозных общинах состояло свыше 4000 человек старше 12-летнего воз-

раста¹. Большинство учащихся признавались, что верят в Бога. По данным отделения НКВД по Северной Осетии свыше 5000 тыс. детей школьного и дошкольного возраста ходили в храмы и отмечали церковные праздники². Во многом на это влияли как родители, так и активная деятельность священства. Так, в средней школе №10 г. Владикавказа 12 девочек стали посещать религиозные собрания, «изучают религиозные песни, читают Библию, распевают псалмы»³. При храмах часто создавались детские группы, в которых школьники изучали азы православия. Когда детей спрашивали, что их привлекло в кружок, они отвечали: «Попы к нам относятся лучше, чем учителя. Учителя грубят, никогда тебя не выслушают, совета не дадут и доброго слова не скажут. А вот попы, они чуткие и внимательные к нам. Всегда обласкают и выслушают. Вот поэтому мы уважаем попа»⁴. В 1923 г. в г. Владикавказе прошел шумный процесс по делу верующих Мещерякова, Артамонова, Коротченко, Григогадзе, обвиненных по ст. 121 УК РСФСР. Суть дела состояла в том, что «означенные граждане, состоя членами религиозной общины, избирались в разное время учителями детских собраний, на которых пелись религиозные гимны, разбирались стихи из Евангелия и Библии, объяснялись события, связанные с данными стихами и т.д.»⁵. Политическое воспитание детей, формирование нового, коммунистического поколения, диктовало необходимость атеистического образования, любое отклонение строго каралось.

Для реализации указанных задач нужна была совершенно новая система образования, использование комплекса методов политико-идеологического воспитания, направленных на выработку социалистического типа людей, с новым социальным поведением и идеалами.

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 710. (ч. П). Л. 269

² ГАНИ РСФСР-А. ФР. 53. Оп.1. Д. 63. Л. 106

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 107

⁵ Горская правда, 1923, 19 июля

Основы концепции национальной школы были заложены в постановлениях Наркомпроса: «Основные принципы единой трудовой школы» (от 16 ноября 1918 г.), «О школах национальных меньшинств» (от 30 ноября 1918 г.), «Об организации дела просвещения нацмен РСФСР» (от 21 февраля 1921 г.) и неукоснительно соблюдались в дальнейшем.

В вопросе воспитания поколений советских граждан должна была сыграть исключительную роль новая школа. Х. Уруймаговым была предложена концепция «Об управлении осетинской школой», основанная на централизме. В круг задач сформированного Совета входило изучение вопросов школьного и внешкольного образования. В каждой школе формировался совет из представителей учительства, общественности¹.

В приказе Наркомпроса Терской Республики было объявлено об упразднении Дирекции народных училищ², взамен был образован Комиссариат народного просвещения Терского Совета, в составе которого функционировала коллегия из представителей различных ведомств, бюро союзов и «по представителю от всех национальных съездов»³.

Во Владикавказе к сентябрю 1918 г. функционировало 23 начальных училища, которые относились к местному Совету по народному образованию⁴. Современники отмечали «бесправие, тот же дух подчинения и субординации, тот же гнёт, какой был и при самодержавном строе»⁵. Однако уже в конце того же 1918 года власть отмечает: «Что касается Терской области, то здесь школы пользуются некоторым вниманием, как со стороны комиссариата просвещения, не останавливающегося перед денежными ассигнованиями на школьное дело, так и Терского учительского союза, педагогических сове-

¹ Хубулова Э. В. Указ. соч. С. 184

² ЦГА РСО-А. ФР. 121. Оп.1. Д. 3. Л. 14

³ Культурное строительство... С. 52

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 123. Оп.1. Д.1227. Л.1

⁵ Народная власть, 1918, 5 мая.

тов и родительских организаций при последних»¹. Революция разрушила устоявшийся порядок: «Воспитанники среднеучебных заведений ведут себя вне стен учебных заведений не подобающе, совершенно не считаясь ни с требованиями приличия, ни с установленными для них правилами, — сетовали педагоги, — посещают рестораны, трактиры, клубы, подвалы, ведут себя на улицах шумно, напевая песни и затрагивая проходящую публику, собираются целыми толпами на главной улице, загромождают проход и затрудняют движение публики, появляются в неформенной одежде и без установленных билетов...»².

Таблица 10

Социальный состав учащихся школ г. Владикавказ³

№	Соц. происхождение учеников	1925-1926 уч./г	1927-1928 уч./г	1928-1929 уч./г
1	рабочих	22,3%	25,4%	29,0%
2	служащих	30,9	27,2	28,0
3	крестьян	20,4	22,7	22,0%
4	Кустарей и ремесленников	7,6	10,9	10,0
5	Лиц свободной проф.	1,11	0,89	0,5
6	Прочих (воспитанников детских домов, безработных, социально опекаемых)	13,47	10,95	8,5
7	торговцев	4,1	2,6	2,0

Данные таблицы наглядно показывают практическую реализацию установки большевиков на сокращение учебного пространства детей «бывших», за этим бдрили чиновники из областного отдела народного образования, «не допускающие проникновения в школы 1-й и 2-й ступени детей мелкобур-

¹ Революционный горец, 1918, 20 нояб.

² ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп.62. Д. 2336. Л. 11

³ Хубулова Э. В. Указ.соч. С. 127

жуазной интеллигенции, духовенства и оставления за бортом детей рабочих...»¹. В деле воспитания «новых людей» решающую роль играла школа первой ступени².

Дело образования регулировалось Декретом «Об отделении церкви от государства, школы от церкви». Секуляризация школьного образования предполагала создание новой программы образования, из нее исключались Закон Божий и другие дисциплины, проповедующие религию.

Секуляризация образования осуществлялась на основе новых учебных программ Государственным ученым советом (ГУС). Программы ГУСа 1924 г. и 1927 г. основывались на материалистическом понимании окружающего мира, но мало внимания уделяли социальной роли религии, не воспитывали воинствующих безбожников. Они стали основой так называемого метода «безрелигиозного воспитания», широко распространенного в Северной Осетии.

Однако с усилением антирелигиозной борьбы такой подход в воспитании подрастающих советских граждан стал неприемлем. На смену безрелигиозному образованию должно было прийти антирелигиозное.

Школьное антирелигиозное воспитание стало благодатной почвой для активной деятельности Союза воинствующих безбожников. Механизмы осуществления антирелигиозного воспитания в школах неоднократно обсуждались в Бюро Центрального Совета Союза Безбожников. Так, 2 октября 1928 г. СВБ предложил Наркомату просвещения судьбоносную резолюцию о работе молодежи, в которой указывалось, что антирелигиозную работу нужно «вести по линиям воспитания в школе и по линиям внешкольной работы с детьми»³.

Окружной Отдел народного образования серьезно беспокоило осуществление декрета об отделении церкви. Многие

¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 2. Оп.1. Д. 57. Л.31

² ЦГА РСО-А. ФР. 121. Оп.1. Д.59. Л.7

³ Антирелигиозник. 1928. № 12, с. 57.

положения декрета пробуксовывали, не давали практических результатов. Местная власть, желая ослабить напряжение в обществе, на какое-то время сделала отступление от общероссийских законов и позволила родителям оплачивать уроки учителей Закона Божьего. Это продолжалось до 1928 г., когда любое отклонение от учебных программ преследовалось по закону: «В ОНО было заявлено, что учительница ст. Слепцовской Резниченко А. В. ведет школьную работу на дому, вследствие этого указанная гражданка была вызвана в ОНО, где и созналась, что действительно ею велись и ведутся групповые занятия на дому с 6-ю учениками с разрешения бывшего заведующего ОНО. Кроме занятий по общеобразовательным предметам велись занятия по Закону Божьему»¹. Некоторые родители, обеспокоенные усилением антирелигиозного воспитания в школах, не пускали своих детей на занятия, «лучше они будут темными и неграмотными, но религиозными», так рассуждали родители². На это дети возражали достаточно энергично: «Если нас не пустят в школу, то мы пойдем жаловаться в суд. Он заставит вас платить, пока мы не окончим школу. Детей нельзя обижать, они все должны учиться»³.

Поскольку жизнь была пронизана политикой, перед школой ставилась задача с малых лет готовить молодежь к общественной работе. С этой целью предполагалось изменить набор гуманитарных дисциплин.

В циркулярном письме ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 14 февраля 1929 г. Наркомпросу РСФСР предлагалось «разработать методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы»⁴. И уже в мае на XIV съезде Советов было при-

¹ Хубулова Э. В. Указ.соч. С. 169;

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 46. Л.90

³ Власть труда, 1928, 20 окт.

⁴ Шевченко В. А. Советская школа: переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927-1929 гг.). // Новый исторический вестник, 2007, №4. С. 68

нято решение «в школьных программах усилить моменты классового, интернационального и антирелигиозного воспитания»¹.

В новых программах велась планомерная организация учебного процесса в направлении атеистического воспитания. Уже в первом классе детям доказывалось, например, что лечение нельзя доверять молитвам и святой воде; что дети не должны участвовать в религиозных праздниках².

Школьникам второго года обучения нужно было разъяснить, что бог и молитвы не помогут избежать засухи, неврожия и болезней³ и т.д.

Учащимся постарше указывалось на связь религии с классовым врагом. Школьники должны были понимать, что религия несет отсталость и невежество, отвлекает от строительства светлого коммунистического будущего.

Мощным средством воспитания школьной молодежи стали обществоведческие дисциплины, которые помогали детям стать материалистами. На обществоведение возлагалась задача не только обучения, но и идеологического воспитания в духе большевизма.

Предметное наполнение школьных учебных планов диктовалось необходимостью соединения школьного обучения с современной жизнью. А этого можно было достичь с помощью политизации гуманитарных дисциплин, которые с наибольшей отдачей могли решать поставленные проблемы. Практическая реализация поставленных задач возлагалась на педагогов-коммунистов.

Таким образом, в учебной программе школ II ступени большой удельный вес был у естественно-исторических дисциплин, т.к. именно они воспитывали молодежь в духе пролетарского мировоззрения.

¹ Там же. С. 69

² Народное просвещение, 1929, №7. С. 28-29

³ Программы единой трудовой школы первой ступени // Народное просвещение. 1929. № 7. С. 39

**Примерная понедельная сетка часов в семилетках
Северной Осетии в 1926 г.¹**

Предмет	1 кл. 1 отд	1 кл. 2 отд.	1 кл. 3 отд	II класс	III класс	IV класс
Русский яз.	4	5	4	4	3	4
История и социальные учения	3	3	3	5	5	5
География	3	3	3	3	2	2
Математика	3	3	3	3	4	4
Немецкий яз.	3	3	3	3	3	2
Логика, фило- софия	3	3	3	3	3	2
ИЗО	2	2	2	2	2	1
Физические упражнения	2	2	2	2	2	2

Однако на пути перестройки гуманитарного образования стояли весьма серьезные трудности: не было учебников, ни учителей обществоведения, способных преподавать с марксистских позиций.

Чтобы помочь преподавателю, надо было, прежде всего, дать ему большевистскую программу школьного курса общественных наук. Однако Наркомпрос не смог создать ее с достаточной быстротой. Предложено было временно составлять программы на местах.

Программы состояли из 4-х частей, не связанных друг с другом:

1. программа по истории культуры; 2. программа по новой и новейшей истории; 3. программа по экономической истории (основы политэкономии); 4. программа по истории социализма (социалистической мысли)².

Первые годы преподавания этих предметов показали, что

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 128. Оп.1. Д. 56. Л.72

² Хубулова Э. В. Указ.соч. С. 218

учителя подходили к ним формально. Однако постановление ЦК ВКП (б) 1929 г. упорядочило программы этих курсов, давая установку в целом и по каждой отдельной теме программы. Такое внимание к обществоведению со стороны партии весьма красноречиво говорит о том, насколько важной была общественно-политическая подготовка детей. Именно этот предмет позволял держать под контролем умонастроения коммунистической смены.

Программы 1929 г. стали основой антирелигиозных программ для общеобразовательной школы. Определенные трудности возникали с созданием новых учебников с выверенным идеологическим материалом, отвечающим потребностям времени.

Анализ созданных программ позволяет установить, что наиболее антирелигиозными были программы для начальной школы, т.к. они обеспечивались неплохими учебниками. В школах 2-й ступени качество антирелигиозных программ было ниже, да и учебники не отвечали потребностям.

Большую роль в осуществлении антирелигиозного воспитания должны были сыграть учителя, идейно и профессионально подготовленные. С целью выявления антисоветских элементов в среде учительства, в 1929-1930 гг. проведена «чистка» кадров во всех школах Осетии, в результате которой многим учителям было отказано в работе «за несоответствие», и на их место пришли новые кадры, способные решать поставленные идеологические задачи.

Социальный состав учительства региона все еще оставался далек от желаемого властями:

Как явствует из таблицы, в школах преподавали представители «бывших», получивших в свое время либо высшее специальное образование, либо гимназическое, а то и низшее, домашнее и незаконченное среднее образование. Например, среди преподавателей Змейской 7-летней школы с высшим образованием было 3 человека, средним — 9, неоконченным

средним — 3; все беспартийные¹, в школе ст. Николаевской педагоги имели в основном среднее образование, среди педагогов был сын священника².

Таблица 13

Состав учительства Северной Осетии к концу 1920-х гг.³

Общее число учителей	муж	жен	Членов ВКП (б)	Членов ВЛКСМ	Беспарт.	Жен и детей офицеров	Бывших священнослужителей	Членов семей священства	Бывших офицеров
506	283	223	40	28	437	36	4	12	32

Нуждались в повышении квалификации и те педагоги, которые имели педагогическое образование в прежних идеологических рамках.

Низкий профессионализм большинства учителей, невысокая политическая культура отражался на работе школы, особенно сельской⁴. С целью переподготовки учителей под неусыпным контролем агитационно-пропагандистского отдела ЦК стали готовиться учебники по курсу обществоведения и краеведению. Еще одним шагом стала организация курсов и кружков по переподготовке учителей, причем их программы обязательно согласовывались с Агитпропом, а занятия должны были проводить представители парткомов⁵.

Для реализации программ были увеличены финансовые затраты на систему образования, что дало положительный результат в развитии школьного образования как по стране в целом, так и в Северной Осетии.

¹ ЦГА РСО-А. ФР. 52. Оп.1. Д. 15. Л. Л.69-71

² Хубулова Э. В. Указ.соч. С. 106

³ Смиренин В. В. Указ.соч. С. 21

⁴ ЦГА РСО-А. ФР. 36. Оп.1. Д.193. Л.144 об

⁵ ГАНИ РСО-А. Ф.4. Оп.1. Д. 74. Л.3

Воспитательный процесс в школе был немислим без внешкольной общественной работы¹. Особое внимание уделялось разным формам организации антирелигиозной работы. Комсомольцы организовали в школе кружки и уголки «юных безбожников», устраивали «суды» над религией, проводили антирелигиозные диспуты, вечера и праздники².

Политическое воспитание дошкольника проходило в предметно-игровой среде праздника путем сочетания игровых, музыкальных моментов с четкой идейной направленностью. Такие агитационные по сути кампании проводились и по отношению к религии и религиозным праздникам. В этом ряду можно назвать антипасхальные мероприятия с детьми³. У детей формировались следующие установки: Пасха — праздник духовенства, буржуев; наш пролетарский праздник — 1 мая, мы будем агитировать всех детей не праздновать Пасху. Так, на заседании владикавказской опытно-показательной школы №224 декабря 1929 г было принято решение провести ученические собрания, на которых сделать доклады на тему «Праздник Рождества и его языческое происхождение». Одновременно организовать кружок «Юный безбожник»⁴. Участие каждого школьника во внешкольной работе было обязательным, однако за ним сохранялось право выбора вида занятий. В школах были организованы кружки юных радиолюбителей, МОПРа, Авиахима, любителей книги, ячейки безбожников, санпросвета, физкультуры⁵. Настольной книгой молодежи стала «Комсомольская библия. Двенадцать веселых евангелий». «Комсомольской библии» вполне впору «комсомольское рождество» и «комсомольская пасха» — так отмечает новая молодежь старые праздники.

¹ Салова Ю. Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы). М., 2001. С. 184

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 21. Л.7

³ ЦГА РСФСР-А. ФР. 49. Оп.1. Д. 63. Л.21

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 97. Оп.1. Д. 72. Л.16

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д. 774. Л.326

Антирелигиозное воспитание стало важнейшей составной частью клубной работы¹, проводимой специальными антирелигиозными и марксистско-ленинскими кружками. На заседаниях этих кружков дети выступали перед товарищами с докладами на антирелигиозные темы, готовили диспуты. В кружках рассматривались вопросы об использовании церквей под школы и клубы. С такими просьбами дети обращались в местные органы власти. Например, в открытом письме областного комитета ВЛКСМ указывалось: «Мы сейчас переживаем острый кризис в помещениях для пионерской организации. Нужен выход и выход есть. В нашем городе стоит целый ряд церквей, являющихся цитаделью классового врага и обслуживающие незначительные отсталые слои населения»².

В селах уже имелась практика передачи помещений храмов. Так, в с. Ольгинском открылся клуб, оборудованный в здании церкви; вс. Нар также под сельский клуб было передано здание местного храма³. На очередном заседании горисполкома в мае 1930 г. было принято решение: «Необходимо позаботиться о лучшей постановке народного образования, расширении площадей под культурные учреждения, поставить вопрос о закрытии церквей, давно пустующих. В ближайшее время горсовет должен закрыть Братскую и линейную церкви и передать их в распоряжение политпросвета»⁴.

Формы клубной работы по антирелигиозному воспитанию были разные⁵. Так, в одной из владикавказских школ в обществоведческом кабинете была развернута антирелигиозная выставка, которую посетили ученики многих городских школ⁶. Местом притяжения союзной молодежи города был клуб рабочей молодежи. Во время религиозных праздников

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР. 49. Оп.1. Д. 577. Л. 32

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.2. Д. 26. Л. 84

³ Власть труда, 1929, 31 авг.

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 264. Л. 89

⁵ Салова Ю. Г. Указ.соч. С. 153

⁶ Там же. Л. 240

здесь проводились массовые мероприятия: научные лекции, спектакли. Члены антипасхальной комиссии, например, должны были отвлекать «ребят от пасхальной выпивки с закуской, дать здоровое развлечение в клубе»¹.

В селах чаще приглашали на митинги и собрания. Например, накануне пасхи 1927 г. комсомольцы с. Карман-Синдзикау решили собраться на лекцию, которую читал лектор из Владикавказа, «неявка на лекцию рассматривалась как неподчинение комсомольской дисциплине и должна была караться вплоть до исключения из рядов организации»².

Использовались театрализованные инсценировки, в которых высмеивались религиозные пороки. Так, в день пасхи в клубе с. Кадгарон была поставлена пьеса «Исповедь». В роли попа выступал комсомолец Чуприков, который «во всем исповедовался: зачем он устраивает всякого рода молебны, панихиды и всякие церемонии. Самый большой эффект получился, когда чертом оказался комсомолец. Это нам показало, что самым страшным признаком для поповщины является комсомольская молодежь»³.

Еще одним видом антирелигиозной борьбы стали субботники и воскресники во время религиозных праздников. Так, молодежь с. Ольгинского собрались в церковной ограде для проведения пасхального воскресника. Явились «с лопатами и быстро приступили к окопке деревьев, спустя короткое время сад был приведен в порядок... Чтобы отвлекать беспартийную молодежь от пьянки, были устроены танцы, которые продолжались до вечера... Вечером был устроен спектакль»⁴. Такой же воскресник был устроен молодежью с. Ставд-Дорт, «как только закончили работу, открыли митинг на площади и говорили на тему о возникновении религии»⁵.

¹ Власть труда, 1925, 10 апр.

² Власть труда, 1928, 12 мая

³ Власть труда, 1929, 23 апр.

⁴ Власть труда, 1928, 10 мая

⁵ Власть труда, 1928, 6 мая

Перечисленные формы антирелигиозной работы среди юношества со всей очевидностью показывают, какое внимание уделяла новая власть идейному воспитанию новых поколений атеистов.

Политическое воспитание детей, формирование нового, коммунистического поколения, диктовало необходимость атеистического образования, любое отклонение строго каралось. В 1923 г. в г. Владикавказе прошел шумный процесс по делу евангелистов Мещерякова, Артамонова, Коротченко, Григогадзе, обвиненных по ст. 121 УК РСФСР. Суть дела состояла в том, что «означенные граждане, состоя членами секты евангельских христиан, избирались в разное время учителями детских собраний, на которых пелись религиозные гимны, разбирались стихи из Евангелия и Библии, объяснялись события, связанные с данными стихами и т.д.»¹.

Комсомольцы организовали в школе кружки и уголки «юных безбожников», устраивали «суды» над религией, проводили антирелигиозные диспуты, вечера и праздники². Антирелигиозные праздники, которые готовила молодежь Северной Осетии, проходили под пропагандистскими лозунгами ВКП (б). Комсомольцы Владикавказа провели в 1920-е гг. шумные кампании комсомольской Пасхи и Рождества: «на Шалдоне, Молоканской и Курской слободках ознакомить население с докладом о сущности праздника, затем показать вечер самодеятельности...использовать стенгазеты, разъясняющие происхождение Рождества, вечеринки для молодежи»³.

На очередном заседании СБ было решено: «1. прежде всего необходимо за день до Рождества и в самое Рождество категорически запретить продажу как водки, так и вина; 2. ни в

¹ Горская правда, 1923, 19 июля

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 21. Л.7

³ Дзанаева С. Ф. Указ.соч. С. 157; ЦГА РСФСР-А. ФР. 47. Оп.1. Д.693. Л.

кчем случае не практиковать выдачу зарплаты к Рождеству; 3. запретить вырубку и продажу елок»¹.

С 1 апреля по 1 мая 1930 г. во Владикавказе проходил очередной антипасхальный месячник. Все школы, детсады, детдома включили в план своей работы ряд конкретных мероприятий по проведению месячника. Он проходил под лозунгом «Добьем кулака и ускорим гибель его опоры — религии», «Долой пасхальные обряды и обычаи, да здравствует новый социалистический быт»². Завершить все предполагалось принятием резолюции: «Наши отцы и матери доселе празднуют церковные праздники, чуждые рабочим. Они делают это по привычке. Мы, рабочая молодежь, рвем обветшалые остатки религиозного быта. Мы не верим в церковные чудеса... Долой церковные празднества. Их место должны занять пролетарские торжества»³.

В конце 20-х годов активизировалось детское безбожное движение. Учащиеся школ, комсомольцы и пионеры активно включались в это движение. 20 января 1929 г. была проведена крупнейшая во Владикавказе антирелигиозная демонстрация, в которой приняло участие свыше 5 тыс. человек — студенты, рабочие, пионеры. Люди несли плакаты с лозунгами «За новое социалистическое общество — без религии, попов и пьяных праздников!». Демонстрация направилась в район, где жили сектанты — на Молоканскую слободку. Там прошел митинг под лозунгом «Изгнать религиозный дурман из голов трудящихся!». Церковные обряды выдавливались новыми. Вместо старых имен, заимствованных из святцев, все чаще давались новые: «Наши имена должны быть полны революционным содержанием. У нас есть первые революционные имена. Для девушек наиболее распространены: Октябрина,

¹ ЦГА РСФСР-А. ФР.124. Оп.1. Д.33. Л.36

² ЦГА РСФСР-А. ФР. 49. Оп.1. Д. 63. Л.39

³ Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. — СПб, 1999. С. 218

Нинель, Звездочка, Искра. Для мальчиков: Ким, Вилен, Октябрь...»¹.

Вместо крестин — «октябрины» (и «уже широко применяется зачисление ребенка еще при октябринах в члены профсоюза или в кандидаты в комсомол»)².

С введением Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» акты гражданского состояния должны были производиться исключительно отделами ЗАГСов³. Вместе с тем значение церковного венчания остается жизненно важным: «Нередки случаи, когда веселая парочка, пришедшая зарегистрироваться, встречается у стола с мрачными разводящимися супругами. В ЗАГСе нет нужной обстановки, а отсюда и взгляд такой: «Загс — это так себе, регистрируюсь — и в церковь. Там обстановка торжественная»⁴.

По наблюдениям современников, венчание собирало огромное количество народу⁵. Как вспоминает Фелиция Гречко: «Венчания были, в том числе в костеле...Храм в этот день был украшен цветами»⁶. Есть свидетельства, что церковный брак был распространен даже среди комсомольцев и членов партии⁷.

Устойчивое бытование церковного брака в период атеизма представляется одним из наиболее важных свидетельств значимости религиозной традиции в среде горожан, поскольку решение о венчании принималось осознанно⁸.

В то же время в атеистическом воспитании допускались существенные ошибки — от боязненного до оголтелого ате-

¹ Там же

² Юный пролетарий, 1924, №1. С. 2

³ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 169

⁴ ЦГА РСФСР-А. ФР. 56. Оп.2. Д. 4 (ч.П). Л. 168

⁵ Воспоминания Ф. Гречко, 1909 г.р., г. Владикавказ (записано 12.04.2012 г.)

⁶ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 169

⁷ Безбожник. 1930, 2 ноября

⁸ Спасенкова И. В. Указ.соч. С. 172

изма. Многие учителя бездоказательно пытались говорить о Боге и сотворении мира. Это часто приводило к тому, что между школой и семьей происходили конфликты. Так, в одной из школ Осетии произошел случай, когда отец ученика разрубил долгожданный учебник топором, за то, что сын рассказал об уроках атеизма, которые проводились в школе¹.

Борьбу с религиозным влиянием на учащихся вели и другими методами. В 1928/1929 учебном году в с. Магометановском, где религиозный фанатизм был особенно развит, учителя открыли при школе общежитие и столовую для учащихся, не допустив тем самым соблюдения школьниками религиозного поста — уразы².

С бытовой религиозностью борьба велась непреклонная и на всех уровнях; особенно активны комсомольцы. Живое участие в антирелигиозной работе принимали студенты. Как писали газеты, «осетинское студенчество влилось в Общество (безбожников — Авт.) целиком»³. Была написана своеобразная памятка студенту-безбожнику: «Каждый студент ГСХИ, готовясь к работе в деревне среди крестьянства, в большинстве своем начиненного предрассудками и религиозными суевериями, должен быть безбожником. Но быть безбожником — это не значит только не верить в Бога. Такими безбожниками являются теперь многие. Прежде всего безбожник должен уметь быть агитатором...»⁴. Однако бывало, когда безбожники проявляли чрезмерное усердие в борьбе с верующими. Известны случаи грубого попрания религиозных чувств. Так, 16 апреля 1926 г. из церкви возвращались две женщины, они несли зажженные свечи. Навстречу им вышел комсомолец, «неожиданно выхватил у одной из женщин горящую свечу и бро-

¹ Цит. по: Хатаев Е. Е. Из истории общественно-политического воспитания в осетинских школах (1918-1945 гг.). // Некоторые вопросы истории и практики воспитания. Орджоникидзе, 1975. вып. III. С.30

² ЦГА РСФСР-А. ФР, 124. Оп.1. Д. 142. Л.19

³ Власть труда, 1925, 28 янв.

⁴ Власть труда, 1925, 8 февр.

сил ее. Перепуганные женщины подняли крик, а «герой» столь же решительно захотел покончить и со второй свечой». Но на крики к месту происшествия поспешили прохожие, которые и прогнали хулигана¹. В это же время возле Ильинской церкви навстречу верующим выбежала веселая ватага молодежи и начала петь похабные частушки про святых.

Основные направления антирелигиозной работы среди молодежи были сохранены и в последующие десятилетия «воинствующего атеизма». Большое внимание проблемам атеистического воспитания в нашей республике было уделено на пленумах Северо-Осетинского обкома партии. Хотя религия «в наше время находится в состоянии глубокого кризиса, и тенденция к ее отмиранию все сильнее действует в нашей жизни, — отмечено на IX (1940 г.) Пленуме Северо-Осетинского обкома партии, — однако в силу ряда объективных и субъективных факторов религиозность все же сохраняется и воспроизводится на суженной основе. Безусловно, старыми методами, традиционными формами антирелигиозной пропаганды невозможно изменить обстановку, они позволяют лишь ограничить распространение религиозного влияния»². Определенную роль в укреплении законности, пропаганде законодательства о культах и усилении атеистического воспитания трудящихся сыграл созданный при исполкоме Орджоникидзевского горсовета «Совет по координации»³.

Итак, огромная работа по атеистическому воспитанию молодежи в период 1920-х — 1930-х гг. помогла созданию модели обществоведческого образования, направленной на формирование «нового человека» в духе принципов пролетарского интернационализма, коллективизма.

Целью антирелигиозной пропаганды в Северной Осетии, как и в стране в целом, было формирование новых мировоз-

¹ Власть труда, 1926, 18 апр.

² Блокнот агитатора, 1975, №13. С. 13

³ ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 1. Д. 933. Л.

зренческих установок в молодежной среде посредством просвещения, средств массовой информации, замены религиозных праздников на пролетарские и формирования новых социалистических обрядов.

Несмотря на предпринимаемые усилия партийных органов и общественных организаций, административными мерами изжить религию из повседневной жизни граждан Северной Осетии, обыденного сознания и поведения в 1920-1930-е гг. не удалась. Снижение религиозности части населения, преимущественно объяснялось политико-идеологическими мотивами, но не результатом социально-экономического развития страны, социокультурного роста граждан Северной Осетии. Для многих переход на воинственно атеистические или индифферентные позиции объяснялся, прежде всего, нежеланием оказаться в рядах противников новой власти со всеми вытекающими последствиями. Опасения за судьбу близких порождали феномен многослойности индивидуального/общественного сознания и морали. Однако большая часть населения продолжала испытывать потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 20-30-х годах XX века в результате социалистической модернизации менялся экономический уклад, политика и идеология.

Анализ государственно-церковных отношений в период глубинных социально-экономических и политических трансформаций 1920-1930-х гг. позволяет заключить, что отношение к Церкви со стороны государства было не просто враждебным, но преследовало цель уничтожения верующих, как классового врага. Взятый курс подкреплялся формируемой правовой базой, которая на законодательном уровне предприняла секуляризацию религиозного пространства на всех уровнях, включая экономические, административные и идеологические рычаги.

Провозглашенный курс на усиление классовой борьбы в период построения социализма предполагал выдавливание из социума всех, кто не соглашался с насильственной коллективизацией, разорительной налоговой политикой. К их числу были отнесены и священнослужители.

В этом противостоянии особую роль должны были сыграть инспирируемые властью самой различные расколы в Церкви. Кампанией изъятия ценностей был не только нанесен большой ущерб экономическому могуществу РПЦ, но непоправимый урон понесло историко-культурное наследие страны, утратившее немало памятников церковного искусства. Был накоплен опыт репрессий государства по отношению к религии и церкви, который нашел свое применение в ходе большого террора 1930-х гг. Православное священство подверглось репрессиям, паства практически осталась без наставников, на этой почве произрастало сектантство.

Большевики активно пытались внедрить в сознание людей марксистско-ленинскую идеологию даже карательными мерами. Храмы не просто закрывались, их разрушали, на их месте

строились партийные учреждения, детские сады, промышленные здания и т.д.

Однако даже такие исключительные меры не смогли снизить уровень религиозности населения, который в Северной Осетии, также как и во всей стране оставался высоким. При активно внедрявшемся атеизме в Северной Осетии сохранялось преобладание верующего населения, особенно в сельской местности, т.к. крестьянство отличалось приверженностью традиционному укладу жизни, в том числе и религиозным обычаям. Сохранению религиозных настроений способствовали трудности жизни, связанные с хлебозаготовительным кризисом и коллективизацией. Страх и неуверенность в будущем побуждали крестьян обращаться за помощью к богу. Гонения на церковь, раскулачивание, выселение, аресты порождали стремление крестьян защитить не только православную, но и традиционную веру от насилия. Большая часть населения по-прежнему испытывала потребность в традиционной религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения. Религиозные ориентиры для населения Осетии продолжали сохранять значение основополагающих в хозяйственной, духовной и бытовой сферах личной/общественной жизни. Снижение религиозности части населения, преимущественно объяснялось политико-идеологическими мотивами, но не результатом социально-экономического развития страны, социокультурного роста граждан Северной Осетии. Для многих переход на воинственно атеистические или индифферентные позиции объяснялся, прежде всего, нежеланием оказаться в рядах противников новой власти со всеми вытекающими последствиями. Опасения за судьбу близких порождали феномен многослойности индивидуального/общественного сознания и морали. Однако большая часть населения продолжала испытывать потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения.

В целом проводимая в Северной Осетии, как и по стране, кампания представляет собой репрессивный рычаг воздействия на религиозную жизнь, противоречащий закону. Уже в ходе кампании закреплялся принцип силового воздействия, который прочно утвердился затем во взаимоотношениях Церкви и государства.

Несмотря на предпринимаемые усилия партийных органов и общественных организаций, административными мерами изжить религию из повседневной жизни граждан Северной Осетии, обыденного сознания и поведения в 1920-1930-е гг. не удалась.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архивные документы ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РСО-А (ГАНИ РСО-А)

- Ф. 1. — Северо-Осетинский обком партии
- Ф. 2. — Владикавказский окружной комитет ВКП (б) г. Владикавказа
- Ф. 4. — Горский областной комитет партии
- Ф. 11. — Садонский райком ВКП (б)
- Ф. 53. — Орджоникидзевский городской комитет КПСС
- Ф. 205. — Первичная партийная организация ВКП (б) Дигорского района
- Ф. 1849. — Истпарт

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ)

- Ф.1. — История
- Ф.9. — Филология

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А)

- Ф. 11. — Канцелярия Начальника Терской области
- Ф 143. — Владикавказская духовная консистория
- ФР. 6. — Терский войсковой круг
- ФР. 35. — Управление по делам искусств при Совете Министров СОАССР
- ФР. 36. — Исполнительный комитет Терского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
- ФР. 38. — Владикавказский губернский революционный

комитет

ФР. 39. — Владикавказский окружной революционный комитет

ФР. 41. — Центральный исполнительный комитет Горской АССР

ФР. 47. — Исполнительный комитет Владикавказского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ФР. 49. — Отдел народного образования исполкома Владикавказского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ФР. 50. — Земельный отдел Владикавказского окружного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ФР. 51. — Притеречный окружной исполком

ФР. 52. — Отдел народного образования исполкома Притеречного районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

ФР. 53. — Алагиро-Ардонский исполком

ФР. 56. — Орджоникидзеvский исполком горсовета

ФР. 81. — СНК ГАССР

ФР. 94. — Народный комиссариат земледелия Горской АССР

ФР. 97. — Северо-Осетинское областное управление

ФР. 99. — Отдел народного образования Алагиро-Ардонского исполкома

ФР. 121. — Народный комиссариат просвещения Терской области

ФР. 124. — Северо-Осетинский областной отдел народного образования

ФР. 128. — Северо-Осетинский государственный пединститут

Ф. 150. — Терский областной продовольственный комитет

ФР. 160. — Революционный трибунал Горской АССР

ФР. 223. — Министерство финансов СОАССР
ФР. 629. — Совет министров Северо-Осетинской АССР
ФР. — 639. — Президиум Верховного Совета СОАССР
ФР. 773. — Отдел народного образования исполкома
Орджоникидзевского (городского) совета
ФР. 901. — Северо-Осетинское отделение Всесоюзного
общества по распространению политических и научных
знаний

Архив УФСБ по РСО-Алания.

2. Воспоминания и дневники

Дневник Ф. Гречко, 1909 г. (датирован 2012 г.)
Легостаева Е.С., 1926 г.р., г. Владикавказ (записано
26.04.2010 г.)
Лукаш А. И., 1925 г.р., г. Владикавказ (записано 20.08.2013 г.)

3. Опубликованные источники

1. Акты святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917-1943. М., 1994. 361 с.
2. Антирелигиозный сборник на 1929 год с материалами для антирождественской кампании. М., 1929. 62 с.
3. Архивы Кремля: Политбюро и церковь: В 2 кн. М.; Новосибирск, 1997. Т.1. 374 с.
4. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973. 153 с.
5. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. 1917-1920 гг. Сб. док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1972. 218 с.
6. Власть и крестьянство Северного Кавказа (1917-1929 гг.). Сборник док-тов и материалов./Под ред. Н. Д. Малиева. Владикавказ, 2009. 284 с.
7. Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг. Сб. док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1965. 287 с.

8. ВЧК/ГПУ: документы и материалы./Составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. 317 с.
9. Гулаг: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне-М., 1999. С.342.
10. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. — 218 с.
11. Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968. 172 с.
12. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М., 1989. 321 с.
13. Законодательство о религиозных культах: (Сб. Материалов и документов). М.: Юридическая литература, 1971. 194 с.
14. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. 219 с.
15. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998. Т.1. 529 с.
16. История Владикавказа. Сборник док-тов и материалов. Владикавказ, 1990. 482 с.
17. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1918. 18 с.
18. Конституция СССР 1936 года. М., 1937. 38 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1,2,3. М.: Госполитиздат, 1953-1970. Т.1. 217 с.
20. Красилов П.А. На церковном фронте: 1918-1923. М., 1923. 28 с.
21. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии//Вопросы истории, 2001, №10. С.6-18
22. Крупская Н. Музей на фронте классовой борьбы и советского строительства//Правда. 1930 № 353 (24 декабря)
23. Культурное строительство в Северной Осетии. 1917-1941 гг. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе,

1978. Т. 1. 247 с.
24. Ленин В. И. Крах второго интернационала. // Полн. собр. соч.. Т.26. М., 1980. С.25-45.
25. Ленин В. И. Социализм и религия. // О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М., 1981. С. 81-94.
26. Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? М., 1965. 25 с.
27. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. // Вопросы истории, 1995, №2. С. 3-26.
28. О памятниках Республики: декрет СНК РСФСР от 12 апр. 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т.2. С. 95-97.
29. О религии и церкви: Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат, 1981. 129 с.
30. Парտработа в Северной Осетии. Владикавказ, 1925. 47 с.
31. Постановление Комиссариата по народному просвещению «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по Народному Просвещению» // Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 9. С. 131-137.
32. Постановление Комиссариата по народному просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению, 11 (24) декабря / Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1959. С. 210-212
33. Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение советской власти (октябрь 1919 г. — август 1920 г.): сб. док-тов и материалов/сост. О. А. Кобахидзе. Сухуми: Алашара, 1971. 129 с.
34. Революция 1905-1907 гг. в Северной Осетии. Сб. док-

- тов и материалов. Орджоникидзе, 1990. Т.1. 174 с.
35. Русская Православная Церковь (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью./Сост. Г. Штреккер. Кн.1. М., 1995. 205 с.
36. Русская православная церковь в советское время (1917-1991 гг.). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью/Составитель Г. Штреккер. М.: ПроPILEI, 1995. 285 с.
37. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917-1941. М., 1996; Революция и церковь. М., 1922. №1-3. С.57-58.
38. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941: Документы и фотоматериалы. Отв. ред. Я. Н. Шапов. М., 1996. 184 с.
39. Русская православная Церковь и Февральская революция 1917 года. Документы. //Вопросы истории, 2004, № 3. С. 3-28.
40. Следственное дело патриарха Тихона. Документы и материалы. М., 1998. 107 с.
41. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917-1918 гг. М., 1994. 94 с.
42. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942. 107 с.
43. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934 годы)/Институт российской истории РАН и др.; Под ред. Г. Н. Севастьянова. М., 2001. 306 с.
44. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000-2005. 610 с.
45. Сталин В.И. Политический отчет ЦК XV Съезду ВКП (б). //Соч. Т. 11. С. 3-56
46. Стенограмма февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б). //Вопросы истории, 1995, №№ 3. С. 7-42

47. Степанов И. И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М.-Л., 1925. 37 с.
48. СУ рабочего и крестьянского правительства. 1918, №90. С. 12-15.
49. СУ рабочего и крестьянского правительства. 1923, №70. С. 68-69.
50. Съезды народов Терека. Сборник док-тов и материалов. Орджоникидзе, 1978. Т. 2. 219 с.
51. Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. 195 с.
52. Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1915. 219 с.
53. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Том 2. ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 538 с.
54. Уголовный кодекс 1927 года. М., 1927. 54 с.
55. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. М., 1922
56. Царикаев А. Т. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии (1920-1930-е гг.). Сборник док-тов и материалов. Владикавказ, 2009. 219 с.
57. ЦК РКП (б) — ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918 – 1933 гг. М., 2005. 218 с.
58. Ярославский Е. М. О религии. М., 1958. 18 с.
59. Ярославский Е. М. О самокритике в СВБ. //Антирелигиозник. 1929. № 12. С. 32-40

4. Статистические материалы

1. Всесоюзная перепись 1926 года. М., 1928. 216 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. 315 с.
3. Краткий статистический справочник СОАО. Владикавказ, 1927. 183 с.

5. Периодическая печать

- Антирелигиозник, 1927-1935.
Безбожник у станка. 1924-1930.

Блокнот агитатора, 1975.
владикавказские епархиальные ведомости, 1917.
Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1929.
Власть труда, 1924-1929.
Горская правда, 1921-1923.
Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). 1926.
Известия ЦК РКП (б), 1922.
Коммунист, 1920.
Пропаганда и агитация. 1937.
Терский казак, 1918.
Юный пролетарий, 1924.

6. Исследования

1. Алиев У. А. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов-на-Дону, 1927. 46 с.
2. Алиев У. А. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы). Ростов-на-Дону, 1926. 102 с.
3. Атаев Р. А. Власть и крестьянство Северного Кавказа в 1920-х гг.: формирование новых социально-политических реалий. //Известия Алтайского государственного университета. 2007, №4/3. С. 13-16
4. Бабкин М. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной Церкви. — М.: Издательство «Индрик» 2006. 280 с.
5. Бабкин М. А. Святейший Синод и свержение монархии в 1917 г. //Вопросы истории, 2005, №2. С. 103-115
6. Баликоев Т. М., Хубулова С. А. Социально-политическая напряженность в национальных районах Северного Кавказа в конце 20-х годов. //Вестник СОГУ, 1999, №1. С. 152-161
7. Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. 218 с.
8. Беликова Н. Ю. Развитие обновленческого движения в

русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России. //Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2004, №3. С. 32-37

9. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.,1990. — 197 с.

10. Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.,1997. 193 с.

11. Буркин Н. Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1931. 69 с.

12. Буркин Н. Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1933. 183 с.

13. Бутаев К. С. Избранное. Владикавказ, 2003. 217 с.

14. Васильева О., Кнышевский П. Бриллианты для диктатуры пролетариата // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 8. С. 28-36.

15. Васильева О.Ю. Русская Православная церковь в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. №. 8. С. 43-45.

16. Воеводин Д. Нужен ли колхознику Бог? М., 1928. 17 с.

17. Габаков Х.Л. Из опыта атеистического воспитания. — Орджоникидзе, 1986. 48 с.

18. Гордиенко Н.С. Современное православие и его идеология. Л., 1963. 126 с.

19. Горемыкин Г. Наркомпрос Терской республики и Комиссариат просвещения Ингушетии. Орджоникидзе, 1933. 28 с.

20. Горобец А. История обновленческого раскола среди духовенства Владикавказской и Моздокской епархии./Православная Осетия, 2011, 3 марта.

21. Горобец А. К вопросу о деятельности Северо-Осетинского общества друзей газеты «Безбожник». //Методика и практика научного исследования. Материалы II Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. Владикавказ, 2008. С. 65-69.

22. Далгатов А. Г. «Оппозиционная религиозность» в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х гг.). СПб, 2003. 170 с.
23. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн.1. Тверь, 1992; Кн.2. Тверь, 1996. 241 с.
24. Дзахова Л. Х. Горская республика в восстановительный период: экономика и социальная политика. — Владикавказ, 2003. 196 с.
25. Емельянова Н. М. Ислам в Осетии: на перекрестке цивилизаций. М, 2010. 294 с.
26. Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 году. (По материалам Всесоюзной переписи населения) //Исторический вестник, 2000, №5. С. 174-182.
27. Зарин П. Политическая маскировка религиозной организации. М., 1929. 28 с.
28. Захарова Л. Б. Отношения власти и церкви в начале 1920-х годов: кампания по изъятию церковных ценностей. //Вестник Самарского ГУ, 2013, №2. С. 65-73.
29. Захарова Л. Б. Патриарх Тихон и духовенство в 1921-1922 гг. как защитники русской церкви и православных традиций. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012, №10-1. С.89-96.
30. Иванов А. Свобода совести в первых законодательных актах советского государства. //Наука и религия, 1978, №10. С. 32-38.
31. Игумен Андрей (Мороз). История Владикавказской епархии. Элиста, 2006. 125 с.
32. Ильин В. Н. Религия революции и гибель культуры. Paris: Ymka-Press, 1987. 218 с.
33. Исаенко А. В. Найти ключ к душе верующего. Атеизм: неотложная проблема//Социалистическая Осетия, 1984, 10 окт.

34. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. 265 с.
35. Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М., 2002. 357 с.
36. Кедров Н. Г. История общины верующих при церкви Вознесения Господня в Устюжне (1919-1939 гг.) // Устюжна. Краеведческий альманах. Выпуск IV. Вологда. 2000. С. 118-129.
37. Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность. М., 1969. 174 с.
38. Клочков В. В. Религия, государство, право. М., 1978. 219 с.
39. Коновалов В. Н. К массовому атеизму. М., 1974. 208 с.
40. Кочетова А. С. Формирование и деятельность Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК СССР. // Вестник архивиста, 2013, октябрь. С. 113-120.
41. Краваль И. Всесоюзная перепись населения // Плановое хозяйство. 1937. № 12. С. 17-120.
42. Крывелев И. А. Маркс и Энгельс о религии. М., 1964. 104 с.
43. Кулов С. Д. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1941. 36 с.
44. Кундухов М. А. К итогам краевого безбожного съезда. // Революция и горец. 1929. № 7-8. С. 27-31.
45. Кураев А., диакон. Православие и право: церковь в советском государстве. М., 1997. 219 с.
46. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984. 193 с.
47. Лебедева Д. В. Политика власти в отношении внеконфессиональных религиозных объединений на начальном этапе отделения церкви от государства. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2012, № 27. С. 269-273

48. Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб, 1999. 282 с.
49. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории церковной смуты. Т. 1-3. М., 1996. 179 с.
50. Леонтьева Т.Г. Рецензия на книгу: Н.А. Кривовой. Власть и Церковь в 1922-1925 гг. М., 1997. //Отечественная история, 2000. №3. С. 193-195
51. Лившиц Г.М. Религия и церковь в прошлом и настоящем. Минск, 1961. 128 с.
52. Лихницкий Н. А. Колониальное развитие горских народов. (Терек-колония)./Труды Кубанского педагогического института. Т. I. Краснодар, 1930. С. 12-23.
53. Лобанов П. П. Патриарх Тихон и советская власть (1917-1925гг). М., 2008. — 238 с.
54. Маленков В. В. Государство и церковь на Дальнем Востоке России (1917-1937). Южно-Сахалинск, 2004. 119 с.
54. Малиев Н. Д., Хубулова С. А., Камболова И. Т. Добровольные общества Северной Осетии в 1920-1930-х гг. Владикавказ, 2010. 184 с.
55. Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев: Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922-1944 гг.) //«Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики/Сост.И. В. Соловьев. М., 2002. С. 860.
56. Меликов С. Т. Из опыта атеистической работы автономных республик Северного Кавказа (1917-1941 гг.). //Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1987, №2. С. 121-128.
57. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 томах. Т.2. М., 1994. 282 с.
58. Народное образование в Северной Осетии: 40 лет. Орджоникидзе, 1957. 114 с.

59. Николин А. Чье имя они славили (О северокавказских имяславцах) // Антирелигиозник. 1930. № 1. С. 12-24.
60. Обновление православной церкви на евангелических началах. //Живая Церковь, 1922, №10. С. 5-8.
61. Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. 147 с.
62. Олещук Ф.Н. Пятилетие Союза воинствующих безбожников. М., 1930. 62 с.
63. Орловский Д., игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации //Региональный общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Выпуск 1. Новомученики XX в. М., 2004. 219 с.
64. Павлиди Е. А. Общество греков Северной Осетии «Прометей»./Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Т.2. М., 1995. С. 37-39.
65. Пантюхин А.М. Реализация религиозной политики советской власти на Ставрополье и Тереке в 1917-1929 гг. // Известия Алтайского государственного университета. История. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2010, № 4-2 (68). С. 68-73.
66. Пантюхин А. М. Либерально-реформистские тенденции в церковной жизни Северной Осетии начала XX в./Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений, г. Ставрополь, 11-12 мая 2011 г. Выпуск II. Издательский центр СтПДС, 2012. С. 226-228.
67. Пантюхин А. М. Обновленческое движение Русской православной церкви в Северо-Кавказском крае второй половине 1920-х годов. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, №5. Ч. 2. С. 66-71.

68. Патриарх Сергей и его духовное наследие. М., 1947. 48 с.
69. Персиц И. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М., 1958. 179 с.
70. Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987. 184 с.
71. Платонов Н. Ф. Православная церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 5. М.-Л., 1961. С. 35-48.
72. Постников А. Подготовка кадров — центральная проблема // Революция и горец, 1931. №4. С. 12-17.
73. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. — 184 с.
74. Программы единой трудовой школы первой ступени // Народное просвещение, 1929, № 7. С. 39-44
75. Проскурина А. В. Религиозные секты Псковской губернии и советская власть. // Псков, 2001, №15. С.160-169
76. Регельсон Л. Трагедия русской церкви 1917-1945. М., 2007. 218 с.
77. Рехвиашвили И. И. Культурное строительство в Горской республике (1920-1924 гг.) // Ученые записки СОГПИ. Т. XXIII. — Орджоникидзе, 1967. С. 12-32
78. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 2010. 36 с.
79. Савин А. И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920-1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX– начало XXI в.). / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 71-76.
80. Салова Ю. Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы). М., 2001. 211 с.
81. Сальникова А. А. Советская власть и культурный ландшафт провинциального города (Казань, 1920-1930 гг.). // Россия и современный мир. 2004, №1 (42). С. 163-170.
82. Синанов Б. А. Духовное образование в поликонфессиональном северо-кавказском регионе: история и перспекти-

вы. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, Грамота, 2012, №5 (19). С. 168-173.

83. Синанов Б.А. Некоторые аспекты антирелигиозного воспитания молодежи Северной Осетии в 1920-1930-е гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011, №9. С. 115-117.

84. Сколота Р.В. Кампания по изъятию церковных ценностей. 1922-1923 гг.: борьба с голодом и церковью (по материалам Астраханской области)//Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011.№3. С.27-32.

85. Сколота Р.В. Сущность и региональные особенности обновленческого раскола в Астраханском крае (1920-1925 гг.). //Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 49. С. 29-31.

86. Слезин А. А. За «новую веру»: Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009. 224 с.

87. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт./Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1967. С. 203-228.

88. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ростов/Д., 2003. 218 с.

89. Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2010. 310 с.

90. Федирко О.П. Государственно-конфессиональные отношения в сфере религиозного образования в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России. //Вестник Томского государственного университета, 2010, №3. С. 47-52

91. Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов //Нестор. 2000. №1. С. 205-208

92. Хатаев Е.Е. Из истории общественно-политического воспитания в осетинских школах (1918-1945 гг.) //Некоторые вопросы истории и практики воспитания. Орджоникидзе, 1975. вып. III. С.30-39.

93. Хубулова С. А. Весь мир — мой храм. Владикавказ, 2005. 137 с.
94. Хубулова С. А. Культурный ландшафт Владикавказа./Северная Осетия: история и современность. Владикавказ, 2006. Вып.7. С. 112-120.
95. Хубулова С. А. Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920-1930-е гг.). //Былые годы, 2012, №4. С. 21-25.
96. Хубулова С. А., Гапеева М. С. «Маленькие люди» в «большой истории»: повседневная жизнь владикавказских обывателей в 1917-1920 гг. Владикавказ, 2006. 319 с.
97. Хубулова С. А., Царикаева З. Е. «Женская история» народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2004. 104 с.
98. Церковники-сектанты — враги социализма./Ред. С. И. Аверин. Иваново, 1938. 38 с.
99. Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967. 179 с.
100. Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917-1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. 244 с.
101. Чуковенко Ю. А. Советская антирелигиозная печать 1937-1941 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. 5. М.-Л., 1961. С. 182-195.
102. Шахбазов В. А. Греки Владикавказа. — Мин-Воды, 1999. — 210 с.
103. Шахнович М. И. В. И. Ленин и проблемы атеизма. М.-Л., 1961. 219 с.
104. Шевченко В. А. Советская школа: переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927-1929 гг.). //Новый исторический вестник, 2007, №4. С. 68-75.
105. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. — Ростов-на-Дону, 1983. 124 с.
106. Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). СПб., 1997. 358

107. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 2010. 281 с.
108. Шмелев Г. М. Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 года. // Вопросы истории, 2003, №11. С. 41-53.
109. Шотаев Н. Ф. Горская организация РКП (б) в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства на основе нэпа. Орджоникидзе, 1974. 219 с.
110. Янчевский Н. А. От победы к победе. Ростов-на-Дону, 1931. 106 с.
111. Ярославский Е. М. О религии. М., 1991. 26 с.

7. Диссертации и авторефераты

1. Беликова Н. Ю. Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20-30-е гг. XX в.: На материалах Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области: дисс... канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Армавир, 2002. 26 с.
2. Гюева И. А. Русская православная церковь в истории Северной Осетии (XX — нач. XXI в.): автореф. дисс...канд. ист.наук. 07.00.02 — отечественная история. Владикавказ, 2005. 26 с.
3. Говорова И. В. Изъятие церковных ценностей в контексте государственно-церковных отношений: автореф. дисс...канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. М., 1996. 26 с.
4. Горобец А. А. История Русской православной церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.): автореф. дисс...канд.ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Владикавказ, 2004. 26 с.
5. Дзанаева С. Ф. Формирование советского досуга населения Северной Осетии в 1920-х гг.: дисс...канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Владикавказ, 2008. 215 с.
6. Кочетова А. С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. 1929-1934 гг.: автореф. дисс...

- канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. М., 2012. 29 с.
7. Нежигай Э. Н. Городская культура Кубани и Черноморья (1920-е гг.): дисс...канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Краснодар, 1999. 219 с.
8. Сосранова З. В. Социокультурные преобразования в осетинском селе в 1920-е гг.: дисс...канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Владикавказ, 2010. 198 с.
9. Спасенкова И. В. Православная традиция русского города. 1917-1930-е гг. (на материалах г. Вологды): дисс...канд. ист. наук. 07.00.07- Этнография, этнология и антропология. Вологда, 1999. 218 с.
10. Сулаев И. М. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917 –1991 гг.): автореф. дисс...докт. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Махачкала, 2009. 52 с.
11. Тосин С. Г. Колокольный звон в России: традиции и современность: автореф. дисс...докт. Искусствоведения. 17.00.02-17 — музыкальное искусство. — Новосибирск, 2010. 49 с.
12. Хубулова Э. В. Формирование молодого поколения Северной Осетии в условиях трансформирующегося общества 1920-х гг: исторический опыт: дисс...канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Владикавказ, 2005. 224 с.
13. Цыремпилова И. С. Из истории взаимоотношений государства и Русской православной церкви байкальской Сибири в 1930-е гг.: автореф. дисс... канд. ист. наук. 07.00.02-отечественная история. Петрозаводск, 2006. 28 с.

Научное издание

**Хубулова Эда Владимировна,
Дзедисов Аслан Тимурович**

**ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В 1920-1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Книга издана в авторской редакции
Технический редактор *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка *А.В. Черная*
Дизайн обложки *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.01.2017.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бум 65 гр. Печать цифровая.
Гарнитура «Minion». Усл. п.л. 12,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 3.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3